

«В СТРЕМЛЕНИИ ДОСТИЧЬ ЕГО»

Упражнения Братства
«Общениа и освобождения»

Римини, 2014 г

«В СТРЕМЛЕНИИ ДОСТИЧЬ ЕГО»

Упражнения Братства
«Общениа и освобождения»

Римини, 2014 г.

© 2014 Fraternità di Comunione e Liberazione

Перевод с итальянского: Александра Шилова, Екатерина Цыганкова

На обложке: Эжен Бурнан. *Ученики Петр и Иоанн бегут ко Гробу в утро Воскресения*. 1898.
Музей Орсе, Париж.

«Папа поручил мне передать вам его привет, сердечный привет и ободрение. Он знает, что может рассчитывать на вас в деле пастырского обращения, миссионерства, к которому призвал всю Церковь в программном документе «Evangelii Gaudium». Миссионерства, идущего путем привлекательности».

Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества
Из приветствия перед отпуском, суббота, 5 апреля 2014 г.

Пятница, 4 апреля, вечер

На входе и выходе:

Людвиг ван Бетховен. Симфония №7

Герберт фон Караян – Берлинский филармонический оркестр
«Spirto Gentil» n. 3, Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

«В стремлении достичь Его»¹. Кто из нас не желал бы быть здесь сегодня вечером с тем же лицом – открытым, напряженным, исполненным желания, удивления, как у Петра и Иоанна, когда они направлялись ко Гробу в пасхальное утро?² Кто из нас не хотел бы пребывать здесь, чтобы искать Христа с той же напряженностью, какую мы видим в их лицах, с сердцем, полным надежды вновь обрести Его, вновь увидеть Его, быть привлеченными, обвороженными, как в первый день? И кто из нас действительно ожидает, что нечто подобное может случиться?

Как и им, нам тоже трудно поверить весте, которую принесли женщины, то есть признать самый потрясающий факт в истории, предоставить ему пространство внутри нас, принять его в наше сердце, чтобы он мог нас преобразить. Как и они, мы ощущаем потребность в том, чтобы быть вновь охваченными и чтобы таким образом в нас пробудилась вся наша ностальгия по Христу.

Вместе попросим у Духа Святого пробудить в каждом из нас ожидание, желание Его присутствия.

Снизойди, Дух Святой

Добро пожаловать!

Приветствую каждого из присутствующих здесь, а также друзей, которые подключились к нам в разных странах и всех тех, кто будет участвовать в упражнениях в ближайшие недели.

В последние месяцы наш путь отмечен двумя фактами: Днем начала года и моей аудиенцией у Папы Франциска.

¹ Ср. *Фил* 3, 1.

² См. картину Эжена Бурнана (1850–1921) «Ученики Петр и Иоанн бегут ко Гробу в утро Воскресения». Холст, масло, 1898. Музей Орсе, Париж.

Во время Дня начала года мы поставили во главу угла два вопроса: «Как возможно жить?» и «Какова наша задача в мире?». Задав эти вопросы в определенных обстоятельствах, мы увидели, что прежде всего нуждаемся в том, чтобы все больше становиться подлинным, не реактивным присутствием. Отец Джуссани напомнил нам: «Присутствие является подлинным, когда оно рождается от осознания собственной идентичности и из привязанности к ней, и в этом обретает свою основательность»³.

С тех пор прошло много месяцев и многие события бросили нам вызов. Что происходило перед лицом провокаций, от которых реальность нас не избавила? Эти дни – ценная возможность увидеть, каким образом мы проверяли предложение, сделанное в начале года. Проявилась ли наша подлинность под давлением вызовов? Проверили ли мы нашу состоятельность или же позволили всеобщему менталитету сбить нас с ног и не смогли преодолеть реактивную позицию?

На аудиенции с Папой Франциском, к содержанию которой я обратился в последовавшем за ней письме Братству, стало с первого мгновения ясно, что Святейший Отец как пастырь всей Церкви принимает близко к сердцу. И мне кажется, нелишне будет вернуться к этому в начале наших упражнений.

Что же заботит Папу? Он сказал нам об этом с присущей ему синтетичностью: новая евангелизация, неотложная необходимость «пробуждать в сердцах и умах наших современников жизнь веры. Вера – дар Бога, однако важно, чтобы мы, христиане, показали миру, что переживаем веру конкретным образом – в любви, согласии, радости, страдании. Именно это заставляет окружающих спрашивать, как было и в самом начале пути Церкви: почему они так живут? Что ими движет? <...> Сердцевина евангелизации <...> состоит в *свидетельстве* веры и любви. В наши времена мы особенно нуждаемся в свидетелях, достойных доверия, способных собственной жизнью и словом сделать зримым Евангелие, пробудить привязанность к Иисусу Христу, к красоте Бога <...> Мир нуждается в христианах, которые сделают явным для современных людей милосердие Бога, Его нежность к каждому творению»⁴.

Таким образом, Папа беспокоится о миссии. «Новая евангелизация – обновленное движение по направлению к тем, кто потерял веру и глубокий смысл жизни. Эта динамика является частью великой миссии

³ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza* (1975–1978). Milano: Bur, 2006. P. 52.

⁴ Франциск. *Обращение к участникам пленарного заседания Папского совета по содействию новой евангелизации*. 14 октября 2013 г. П. 1.

Христа по привнесению в мир жизни, любви Отца к человечеству. Сын Божий “оставил” Свое божественное положение и вышел нам навстречу. Церковь же включена в это движение, любой христианин призван идти навстречу другим людям, вступать в диалог с теми, кто не разделяет нашего мнения, имеет другую веру или не верит вообще. Встретаться со всеми, потому что все мы созданы по образу и подобию Божию. Мы можем идти навстречу каждому, не испытывая страха и не отказываясь от нашей принадлежности»⁵.

Папа также ясно определил и метод: призыв к сути вещей. Чтобы отправиться «к окраинам существования», пишет он, «необходимо вовлечение <...>, призывающее к сути вещей и *сосредоточенное на сути вещей, то есть на Иисусе Христе*. Нет смысла растрачиваться на множество второстепенных и ненужных дел, следует сосредоточиться на основополагающей реальности, состоящей во встрече со Христом, с Его милосердием, с Его любовью, и любить наших братьев, как Он возлюбил нас»; это «побуждает нас не застывать в старых формах и смело идти новыми путями! Мы могли бы спросить: каково пастырское послание наших епархий и приходов? Делает ли оно зримым самое главное, то есть Иисуса Христа?»⁶

В письме, отправленном после аудиенции, я писал: «Делает ли зримым самое главное, то есть Иисуса Христа, каждый из нас, каждая община Движения? Как свидетельствует вся жизнь отца Джуссани, мы рождены только ради этого, а потому прошу вас воспринимать вопрос Святейшего Отца так, словно он обращен именно к нам»⁷. Перед лицом исторических обстоятельств, посредством которых Тайна бросила вызов каждому из нас, сделали ли мы зримым самое главное или же расточили себя на множество второстепенных и ненужных дел?

Призывая нас к сути вещей, Святейший Отец показывает, куда смотрит он сам, чтобы отвечать на вызов, заключающийся в проживании веры сегодня, в нашем мире. Призыв к сути вещей является важнейшим указанием метода.

Вот почему главная проблема звучит следующим образом: в чем состоит для нас суть вещей? Суть вещей – то, что отвечает на вопрос, как возможно жить. И что же такое для каждого из нас суть вещей? Нет вопроса более уместного для начала наших упражнений, именно в силу его радикальности. «Никто не может служить двум господам: ибо или

⁵ Там же, п. 2.

⁶ Там же, п. 3.

⁷ Х. Каррон. *Письмо Братству «Общения и освобождения»*. 16 октября 2013 г.

одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть»⁸. Эта фраза Иисуса говорит нам, что каждый из нас может утверждать лишь одну вещь как конечную, ведь единство человеческого «я» неустранимо. Поэтому перед провокациями жизни каждый вынужден решать, какова эта конечная вещь, которой он дорожит более, чем любой другой. Давление обстоятельства не оставляет нам выхода и вынуждает выявлять самое дорогое, что у нас есть.

Как можем мы, не обманываясь, понять, в чем состоит для нас суть вещей? Методу нас научил отец Джуссани: необходимо наблюдать за собой в действии, на опыте. Потому что «факторы, образующие человеческую личность, воспринимаются [и мы осознаем их] там, где они вовлечены в действие, – иначе обнаружить их невозможно <...> Чем больше человек вовлечен в жизнь, тем в большей степени он постигает жизненные факторы, даже в отдельном опыте. Жизнь – это переплетение событий и встреч, бросающих вызов сознанию и порождающих в нем различные проблемы. Проблема есть не что иное, как динамичное выражение реакции человека на встречу. Следовательно, жизнь соткана из проблем; она является переплетением реакций человека на встречи, в той или иной степени бросающие ему вызов. Смысл жизни – или то, что для нее имеет самое непосредственное и важное значение, – может постичь только тот, кто принимает жизнь и, следовательно, события и встречи всерьез; тот, кто вовлечен в жизненную проблематику. Быть вовлеченным в жизнь – не значит сосредоточиться только на том или ином ее аспекте: вовлеченность в жизнь никогда не бывает частичной. Сосредоточенность на том или ином аспекте жизни, если только не истекает из глобальной вовлеченности в саму жизнь, рискует стать неуравновешенной пристрастностью, навязчивой идеей или истерией. Вспоминаются слова Честертона: «Ошибка – это истина, ставшая безумной»». Поэтому «условие постижения в нас существования и природы такого определяющего, решающего фактора, как религиозное чувство, – это вовлеченность во всю жизнь целиком; причем должно быть включено все: любовь, [работа] учеба, политика, деньги, вплоть до еды и отдыха; не следует забывать ни о чем: ни о дружбе, ни о надежде, ни о прощении, ни о гневе, ни о терпении. Ведь за каждым поступком стоит шаг навстречу нашей собственной судьбе»⁹.

Итак, что же происходит, когда человек вовлекается во все факторы жизни, в полноту жизни? Чем больше он живет, тем больше видит, какова

⁸ Мф 6, 24.

⁹ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М., 2004. С. 41–42.

природа его нужды. Чем больше мы открываем наши потребности, тем больше замечаем, что не способны удовлетворить их самостоятельно, так же как не могут их удовлетворить и другие, люди, подобные нам, бедные как и мы. «Чувство *немоци* сопровождает всякий серьезный человеческий опыт. Именно это чувство немоци порождает *одиначество*. Истинное одиночество происходит не столько от физического отсутствия других, сколько от открытия того, что наша основополагающая проблема не может найти ответа ни в нас, ни в других. Можно с полным правом сказать, что чувство одиночества рождается в самой глубине всякого серьезного вовлечения в нашу человечность»¹⁰.

Именно это чувство немоци, в котором, в конечном счете, и заключается одиночество и опыт которого проживает каждый из нас, должно получить ответ. Без ответа все превращается в попытку отвлечься.

Мы пребываем один на один с нашей нуждой, которая проявляется во многих вопросах, возникших в последние месяцы. И если такова наша ситуация, то что позволяет нам устоять на ногах? Иными словами, в чем заключается суть вещей, столь нужная нам, чтобы жить по-человечески, согласно всей глубине наших потребностей? Что *для нас* составляет суть вещей? Нет никакого другого способа понять, в чем для нас заключается суть вещей, как только замечая в опыте, откуда мы ждем ответа на нужды жизни.

В силу полученного нами воспитания, ответ мог бы быть простым и даже очевидным, само собой разумеющимся: для нас суть вещей – Христос, присутствие Христа. Но мы не должны расправляться с вопросом так легко. Потому что машинального ответа не достаточно. И часто, наблюдая за собой в действии, мы вынуждены признать бесспорный факт: суть вещей для нас в чем-то другом.

Критерий, позволяющий понять, в чем же она, дается нам в святом Евангелии: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»¹¹. Здесь перед нами открывается разрыв между желанием, чтобы Христос был сутью вещей, и удивлением тем фактом, что в опыте зачастую это не так. Здесь же проявляется и разница между намерениями и опытом. Таким образом, мы можем обнаружить, что даже в добропорядочной вере суть вещей свелась к чему-то другому, Христос уже не составляет ее; и мы потеряли равновесие и склонились в сторону чего-то другого – возможно, именно во имя того сущностного, что как бы то ни было продолжает звучать в наших речах.

¹⁰ Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М., 2006. С. 67.

¹¹ Мф 6, 21.

Крайне важно уловить, о чем речь, чтобы не свести все сразу же к проблеме наших ошибок или нашей повседневной хрупкости, нашей нравственной непоследовательности. Подчеркивая разрыв между намерениями и опытом, мы говорим в первую очередь не о последовательности, не о количестве наших ошибок, но о том, что нас определяет, даже когда мы совершаем ошибки. То есть мы говорим о содержании нашего самосознания, о том, в чем реально заключается наша состоятельность, что мы на самом деле преследуем и любим, когда действуем, какова для нас суть вещей. Можно быть непоследовательными и в то же время целиком сосредоточенными на сути вещей, подобно детям, которых отец Джуссани часто ставил в пример: ребенок делает множество непоследовательных поступков, тысячу раз на дню сводит с ума свою мать, но в центре его взгляда всегда находится именно она, и никто другой. И попробуйте только разлучить его с ней! Он закричит, впадет в отчаяние.

Поэтому разрыв между намерениями и опытом не имеет ничего общего с *расхождением* между теорией и ее применением; из него видно, что содержание сознания и привязанности «по факту» стало чем-то другим, вышло за рамки нравственной последовательности-непоследовательности. Можно сказать, мы, сами того не замечая, часто смещаемся, направляем взгляд в другую сторону, сосредотачиваемся на чем-то другом (при этом мы не отрицаем суть вещей, но она превращается в некое *априори*, постулат, остающийся за нашей спиной и не определяющий, кто мы, какова наша личная идентичность и наше лицо в нынешнем мире).

Как мы увидим завтра, в нашей истории были некоторые моменты, когда это становилось особенно очевидно. Сейчас достаточно вспомнить слова отца Джуссани, к которым мы уже обращались во время Дня начала года: «Проект подменил присутствие»¹², а мы даже не заметили.

Что позволяет нам без страха смотреть на все, даже на ошибки, даже на нехватку самосознания, и быть свободными от искушения оправдаться (как мытари, которые шли к Иисусу, потому что только с Ним могли быть самими собой, не отвергая ничего из собственной природы; поэтому они искали Его, поэтому нуждались в возвращении к Нему: только так они могли наконец быть самими собой)? Уверенность в Его завете, уверенность в том, что Он и наши ошибки обратит в возможность для нас открыть Его инаковость, открыть, Кто Он. Уверенность в этой любви определяет завет, который Бог заключил с нами, как напоминает пророк Исаия: «Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заве-

¹² L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza* (1975–1978). Op. cit. P. 64.

том народа, чтобы восстановить землю, чтобы возратить наследникам наследия опустошенные, сказать узникам: “выходите”, и тем которые во тьме: “покажитесь”. Они при дорогах будут пасти, и по всем холмам будут пажити их; не будут терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце; ибо Милующий их будет вести их и приведет их к источникам вод. И все горы Мои сделаю путем, и дороги Мои будут подняты. Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли Синим. Радуйтеся, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих»¹³.

Несмотря на такое предпочтение, мы нашей болтовней бросаем Господу вызов. «А Сион говорил: “оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!”»¹⁴ Как часто нам в голову приходят аналогичные мысли! На этот вызов можно было бы реагировать, подобно нам, обычно впадающим в реактивность, в озлобленность; но Он поражает нас подлинным, ни к чему не сводимым присутствием. Вместо того, чтобы позволить нам определять Его нашей болтовней, тем, что мы говорим или думаем о Нем, Он использует эту возможность и еще раз показывает Свою инаковость, невероятным образом бросая вызов нашему разуму: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя»¹⁵.

Во что бы превратилась наша жизнь, если бы мы не могли каждый раз вновь слышать эти слова? Такова Его верность, позволяющая нам смотреть на все, позволяющая нам впустить в жизнь Его присутствие – ведь лишь оно способно постоянно сокращать разрыв между намерениями и опытом, поскольку делает возможным опыт единства жизни, какой переживали мытари, встречавшие Иисуса. Они возвращались к Нему, как возвращаемся и мы, в надежде услышать «то слово <...>, которое освободило меня», ради «надежды, которую Он пробудил во мне»¹⁶.

Все мы желаем именно этого единства жизни: «Взрослый человек – тот, кто достиг единства жизни, сознания собственной судьбы, ее смысла, энергии прирастания»¹⁷. Вот чего желает каждый из нас: этого единства жизни. Только так мы сможем действительно быть самими собой, а наше присутствие станет полезным и для нас, и для других. Как напо-

¹³ Ис 49, 8–13.

¹⁴ Ис 49, 14.

¹⁵ Ис 49, 15.

¹⁶ Ср. К. Кьеффо, «Ballata dell'uomo vecchio» и «Il monologo di Giuda». *Canti*. Milano: Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 218, 230.

¹⁷ FRATERNITÀ DI COMUNIONE E LIBERAZIONE (FCL), *Archivio storico del Movimento di Comunione e Liberazione* (AMCL), fasc. CL/81, «Consiglio 18/19 giugno 1977».

минал отец Джуссани в определенный момент нашей истории, в 1977-м, «в последние годы мы стали настоящими жертвами самонадеянного мнения о Движении как о панацее для Церкви и Италии. Но, <...> если Движение не является опытом веры, которая разрешает, просвещает мои проблемы, оно не может стать предложением для других»¹⁸. Поэтому он хотел, чтобы вера становилась опытом, и постоянно учил нас, что путь к этому лежит исключительно через персонализацию веры. «Пришел момент персонализации <...> нового события, рожденного в мире, фактора, благодаря которому можно быть новыми протагонистами истории. И этим фактором является Христос в общении с теми, кого Отец дал Ему» <...> Джуссани подчеркивает, что речь идет о проблеме опыта: «Первая помощь, какую мы должны оказать друг другу, заключается в подтверждении того, что опыт является началом всего <...>. Опыт понимается как переживание, о котором выносятся суждения»¹⁹.

Если вера не становится личным опытом, то невозможно существование миссии, а мы в конце концов становимся самонадеянными судьями всех и вся. Ведь предложение проходит через мою измененную человечность, а «миссионерский порыв есть благодарность или, в противном случае, самонадеянность»²⁰. Отсюда становится ясно, что единственной адекватной позицией на сегодняшний день является свидетельство, и к этому нас призывает Папа. Причину нам напоминает опять же отец Джуссани: «В обществе, подобном нашему, что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни: никакие структуры, организации или инициативы для этого не годятся. Лишь жизнь, иная и новая, способна в корне изменить структуры, отношения, в общем, все. А жизнь принадлежит мне, целиком и полностью мне»²¹. Это прекрасная фраза!

Нужна жизнь! Диалектики не достаточно. И все же некоторые думают, что свидетельство, то есть жизнь, опыт жизни – это выбор пораженческий, интимистский, оправдывающий бездействие. Нет большего заблуждения. В действительности свидетельство представляет собой самый требовательный выбор, поскольку для него необходимо наиболее полное вовлечение. С нас спрашивается все – не просто какой-то отрезок времени, который мы решаем посвятить определенному проекту. Свидетельство – для людей, желающих жить на высоте собственной человечности, а потому необходимо присутствовать всем своим существом,

¹⁸ FCL, AMCL, fasc. CL/85, «Centro 17.11.77. Sintesi».

¹⁹ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Rizzoli, 2013. P. 762.

²⁰ FCL, AMCL, fasc. CL/85, «Centro 17.11.77. Sintesi».

²¹ Movimento, «regola» di libertà. A cura di O. Grassi. *Litterae Communionis CL*. Novembre. 1978. P. 44.

когда мы идем навстречу другим, несем им новизну, переживаемую столь радикальным образом, что другой способен вновь ожить во всей своей человечности, – это происходит в отношении человека с человеком. «Бог спасает человека через человека»²², – читали мы на школе общины. Нужна вся моя человечность. Нужна вся боль нашей подруги Наташи перед ее ребенком, чтобы возникло новое отделение неонатальной патологии, – одной пролайф-конференции не хватит. Свидетельство состоит не в том, чтобы сойти на обочину или отступить с поля битвы, для него требуется вовлечение всей моей человечности: энергии, привязанности, ума, времени, единства жизни. И это ничего общего не имеет со спиритуализмом! Или с обращением к какому-то эксперту: вооружимся и ступайте!

Поэтому настаивать на персонализации веры – значит настаивать на ключевом пункте, из которого может проистекать та инаковость, что делает нас присутствием, делает нас способными на подлинное свидетельство в обществе. Кто из нас не ощущает в этом потребности? Мы можем переживать ответственность, к которой призвал нас Папа, лишь в том случае, если не считаем предмет разговора само собой разумеющимся (то есть что мы являемся свидетелями уже в силу того, что говорим так) и соглашаемся преодолеть путь, делающий нас свидетелями согласно замыслу, угодному Богу. Как говорит Джуссани, Движение – то, что помогает в этом, и ничего другого: оно помогает тебе быть самим собой.

«Путь к истине является опытом». Так было всегда. «В представлении о развитии задействована личная жизнь Ньюмана. Это, как мне кажется, становится очевидным из его известного утверждения, содержащегося в знаменитом *“Эссе о развитии христианского учения”*: “Здесь, на земле, жить – значит изменять, а совершенство есть результат многих преобразований”». Прочитав Ньюмана, Ратцингер продолжает: «Ньюман обращался на протяжении всей своей жизни, он преображался и таким образом всегда оставался одним и тем же и все больше становился самим собой. Мне в голову приходит фигура святого Августина, настолько она близка фигуре Ньюмана. Обратившись в саду Кассициака, Августин воспринял обращение еще согласно схеме досточтимого учителя Плотина и философов-неоплатоников. Он думал, что прошедшая грешная жизнь теперь окончательно преодолена; обращенный отныне и впредь есть личность совершенно новая и иная, а ее последующий путь состоит в одном непрерывном восхождении к высотам все более абсолютной близости Бога; нечто подобное описывал Григорий Нисский в труде *«О жизни Моисея Законодателя»*: “Как готовые к падению тела, как скоро приобретут

²² Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М., 2010. С. 141.

некое стремление катиться по наклонности, <...> сами собою сильнейшим порывом несутся вниз, <...> так вопреки сему душа, отрешившаяся от земного пристрастия, делается несущегося горé и скорою в этом движении ввысь, воспаряя от дольного в высоту”. Но реальный опыт Августина оказался иным: ему пришлось выучить, что быть христианами – значит скорее преодолевать все более тернистый путь, с его оврагами и кручами. Образ воспарения сменяется образом некоего *iter*, пути, на чьих изнуряющих колдобинах нас утешают и поддерживают моменты озарения, которые мы время от времени можем получить. Обращение есть путь, дорога длиною во всю жизнь. Вот почему вера – это всегда *развитие*, а потому и взросление души в устремлении к Истине, которая “ближе к нам, чем мы к самим себе”²³.

Это взросление происходит посредством всех жизненных обстоятельств: «Мир, со всеми его потрясениями, является способом, каким Бог призывает к подлинности и истине жизни всех людей, но особенно христиан, подобных часовым в лагере мира». Порой эти потрясения сбивают нас с толку, что нормально, как напоминает нам отец Джуссани: «В сущности, мы закономерно не можем избежать такого замешательства. “Мир будет смеяться, а вы заплачете”»²⁴.

Все, о чем мы сказали, позволяет нам осознать нашу нужду. Это сознание играет решающую роль в жесте, который мы собираемся начать. Ведь упражнения Братства – именно жест. Поэтому помимо лекции и собрания есть еще и моменты молчания, пения, молитвы и, прежде всего, просьбы. Участвуя в этом жесте, мы можем умалить его, так что каждый, согласно собственному критерию, выберет, в чем участвовать и за чем из предлагаемого «пакета» следовать! Как если бы мы отправились к врачу, но сами решали, какие лекарства принимать. Наоборот, чем яснее мы осознаем нашу нужду, тем больше все то, что мы проживем в предстоящие дни, все жертвы, которые принесем, станут криком, криком о том, чтобы Господь смиловался над нами. Станем же просить об этом.

²³ Й. Ратцингер. *Речь по случаю столетия со дня смерти кардинала Джона Генри Ньюмана*. Рим, 28 апреля 1990 г.

²⁴ L. Giussani. *La lunga marcia della maturità. Tracce-Litterae communionis*. Marzo. 2008. P. 71.

СВЯТАЯ МЕССА

Чтения: Прем 2, 1,12-22; Пс 33(34); Ин 7, 1-2, 10, 25-30

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

Во второй главе Книги Премудрости крайне точно описана динамика, в силу которой все превращается во враждебность по отношению ко Христу: он «тщеславно называет отцом своим Бога; увидим, истинны ли слова его». Мы не войдем в глубокую истину нашей жизни, если не признаем того, что школа общины называет «инстинктивным сопротивлением» Христу, истинному Богу, истинному человеку. Наше сопротивление выражается не в открытом протесте. Оно скорее подражает тем, кто перед Иисусом говорил: «Мы знаем Его, откуда Он». Сопротивление – в том, что мы уже все знаем и не нуждаемся в том, чтобы Он вновь достиг нас, и поэтому следует постоянно быть начеку, просить и учиться. Это самая коварная форма сопротивления, поскольку она подавляет жажду счастья и сознание о нашей всецелой зависимости от Отца, а Христос отвечает на нее как раз через Его отношение с Отцом – основание Его непоколебимости. «Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня. Я знаю Его, потому что Я от Него». Мы, встретившие Его, ожидаем, когда познаем Его, не ради того, что нам уже известно, но ради того, что сейчас, в эти дни, мы получаем от Него. Мы, такие как есть и исполненные желания устремиться к Нему и достичь Его, если честны, если по-человечески относимся к самим себе, прекрасно знаем, насколько нуждаемся в том, чтобы Он достиг нас. И Он достигает нас человеческим образом: через конкретное место и историю, через человеческое присутствие, у которого есть лицо и голос.

Суббота, 5 апреля, утро

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Концерт № 20 для фортепиано с оркестром Ре минор, KV 466

Клара Хаскил, фортепиано

Игорь Маркевич – Оркестр Ламурё

«Spirto Gentil» n. 32, Philips

Отец Пино. «Стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус»²⁵.

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

То, что составляет суть вещей

1. Самое главное: первое замирание сердца

«Если я смотрю в глубину твоих нежных глаз, для меня пропадает мир и весь его ад»²⁶. Может ли взгляд в глубину чьих-то глаз избавить от ада? Чтобы понять эту фразу, необходимо увидеть в глазах человека трепет Бытия, дающего ему существование в настоящий момент. Чтобы ад не исчез только с чувственной точки зрения, нужен такой трепет во взгляде, который не позволит мне остаться на поверхности, но подтолкнет увидеть в трепете взгляда Бытие, творящее эти глаза, наполняющее их трепетом. Как часто мы остаемся на поверхности. Достаточно подумать о том, что происходило с нами, пока мы пели. Был ли устранен ад из наших глаз? Пропали ли наши страхи, наша неспособность, наше бессилие, страх перед ничто, вновь и вновь проявляющийся в нашей жизни? Если не случилось

²⁵ Фил 3, 12.

²⁶ V. Heredia. Ojos de cielo. *Canti*. Op. cit. P. 295–296. «Если я смотрю в глубину твоих нежных глаз, для меня пропадает мир и весь его ад. Для меня пропадает мир, и я открываю небеса, когда погружаюсь в твои нежные глаза. Небесные глаза, небесные глаза, не покидайте меня в полете, небесные глаза, небесные глаза, вся моя жизнь – ради этой мечты. *Небесные глаза, небесные глаза...* Если бы я забыл о том, что истинно, если бы я отошел от того, что искренне, твои небесные глаза напомнили бы мне об этом. *Небесные глаза, небесные глаза...*»

ничего подобного, если осталось лишь чувственное впечатление, то оно не продлится долго, и значит, мы не уловили конечный смысл того, о чем пели, и не участвовали в опыте, из которого родилась эта песня. Напротив, те, кто в нем участвовал, пережили опыт открытия неба при погружении «в нежные глаза». Только в таком погружении может возникнуть просьба: «Небесные глаза, небесные глаза, не покидайте меня в полете».

«Если бы я забыл о том, что истинно», то есть не был бы способен увидеть истину вещей, «если бы я отошел от того, что искренне...», в чем бы я тогда нуждался? Чтобы «твои глаза напомнили мне об этом». И более того: «Если бы солнце, озаряющее меня, однажды угасло и темная ночь восторжествовала бы над моей жизнью», если бы мы оказались в крошечном мраке, в чем бы мы нуждались? Чтобы твои небесные глаза осветили меня, ведь «твои искренние глаза <...> – мой путь, они ведут меня». Когда в последний раз мы, глядя в глаза даже самым любимым людям, поняли, что случилось нечто подобное? Не как «поэзия», не как «литература», не как чистая сентиментальность! Как факт, как пережитый опыт, поскольку именно в этом заключается метод.

Преподавая в лицее, я часто приводил следующий пример. Если бы ребенок отправился с родителями в луна-парк, он пришел бы в полный восторг от аттракционов, каждая вещь представлялась бы ему фантастической, и он, совершенно завороченный, постоянно говорил бы: «Папа, смотри, посмотри на это!» Любая карусель заставляла бы подпрыгнуть от радости, все увиденное воодушевляло бы его. Но представьте: отвлекшись на мгновение, ребенок отстал от родителей и оказался в беспорядочной толпе, среди безликой массы людей, что случилось бы тогда? Все находящееся перед ним, вся эта красота превратилась бы в угрозу, и он начал бы плакать. Все осталось на своем месте, аттракционы ничуть не изменились, но малыш плачет, его больше ничего вокруг не интересует. Все обернулось адом. И что заставило бы его забыть об аде в один миг? Достаточно встретить родителей, и все возвращается на круги своя, ведь в отношении с ними ребенок снова видит реальность такой, какая она есть.

Поэтому слова песни не являются выражением сентиментальности, они описывают нечто реальное: если бы каждый из нас не встречал постоянно определенный взгляд, не имел определенных отношений, мы были бы не в состоянии смотреть на реальность должным образом. Если бы я на мгновение отделился от тебя, спутника жизни, то больше не увидел бы реальность, она превратилась бы в непроглядную ночь, как для того ребенка. Но если «темная ночь восторжествовала бы в моей жизни», в чем бы я нуждался? В «небесных глазах», освещающих ее, во взгляде, в отношении.

В чем я нуждаюсь, «чтобы облегчить тяжкое бремя наших дней, одиночество, которое испытываем мы все, потерянные острова, чтобы спастись от чувства, будто ты все теряешь»?²⁷ «Мне нужно только, чтобы ты с твоим ясным взглядом был здесь». Но о каком ясном взгляде идет речь? Какие ясные глаза нужно встретить, чтобы победить одиночество, которое все мы переживаем? В каких ясных глазах я нуждаюсь, чтобы «не потерять ангела ностальгии»? Удивительные слова, ведь в большинстве случаев быть рядом с другим человеком значит утратить ностальгию. И необходимо такое присутствие, которое не только не угасит ностальгию, но воспламенит ее, оживит желание пребывать в ней. Возможно ли это? Какой взгляд мы должны встретить, «чтобы открыть <...> жизнь»? Подойдет ли любой взгляд для того, «чтобы открыть и осознать все вещи»?²⁸ Нет, не хватит взгляда ни мужа, ни жены, ни друзей. Нужен взгляд присутствия, способного находиться перед любыми вызовами и свидетельствующего об опыте, в котором ни одно из прекрасных событий жизни не будет утрачено. Нужно отношение, которое не угасит пламени ностальгии, а зажжет его. Существуют ли эти глаза? Есть ли в реальности такой взгляд?

«Aconteceu»²⁹. Это произошло, когда люди меньше всего ждали. В рамках истории произошел факт, который навсегда принес в мир новый взгляд. Откуда нам это известно?

²⁷ V. Heredia. Razon de vivir. *Canti*. Op. cit. P. 296–297. «Чтобы решить, по-прежнему ли отдавать земле эту кровь, это сердце, которое бьется день и ночь, чтобы продолжать идти под солнцем по пустыням, чтобы снова подтвердить, что я живой среди множества мертвецов. Чтобы решить, чтобы продолжать, чтобы снова утверждать и осознавать все вещи, мне нужно только, чтобы ты с твоим ясным взглядом был здесь. *О, огонь любви и проводник, причина из-за которой я живу*. Чтобы облегчить тяжкое бремя наших дней, одиночество, которое испытываем мы все, потерянные острова, чтобы спастись от чувства, будто ты все теряешь, чтобы понять, по какому пути идти, и выбрать способ. Чтобы облегчить, чтобы спастись, чтобы понять и осознать все вещи, мне нужно только, чтобы ты с твоим ясным взглядом был здесь. *О, огонь любви...* Чтобы соединить красоту и свет, не сокращая расстояния, чтобы быть с тобой, не теряя ангела ностальгии, чтобы открыть, что жизнь проходит и ничего не требует от нас, чтобы осознать, что все прекрасно и ничего нам не стоило. Чтобы соединить, чтобы быть с тобой, чтобы открыть и осознать все вещи, мне нужно только, чтобы ты с твоим ясным взглядом был здесь. *О, огонь любви...*»

²⁸ Там же.

²⁹ A. Calcanhotto, P. Cavalcanti. Aconteceu. CD *A Fábrica do poema*. 1994. «Это случилось, когда никто не ждал, случилось без колокольного звона, случилось не так, как обычно пишут в романах. Когда это случилось, не было звезд на небе, не светила луна. Любовь пришла к нам очень тихо, она распространилась постепенно, она замешкалась и осталась. Это случилось, но мир не вознес благодарений, не зацвели розы, и не звучала хвalebная песнь. Это случилось без драматических сцен. Просто время приготовило постель, как случается с каждой большой любовью».

Много лет назад отец Джуссани писал: «Самая прекрасная мысль, которой я предаюсь вот уже много месяцев, это представление о том, как впервые замерло сердце Магдалины, и первое замирание сердца не было чем-то вроде: “Брошу всех моих любовников”, – это была влюбленность в Христа. И для Закхей первое замирание сердца было не: “Раздам все деньги”, – но влюбленное удивление перед тем Человеком. [Таким образом] то, что Бог стал одним из нас, нашим спутником, есть чистая бескорыстность, потому она и зовется благодатью». Самая поразительная бескорыстность заключается в том, что Бог стал моим спутником, как обнаружили Закхей и Мария Магдалина. И поэтому «Его Присутствие отзывается [во мне] в нас изумленной благодарностью»³⁰. Какая благодарность рождается, когда понимаешь, что у тебя есть спутник, облегчающий бремя каждого дня, одиночества, освобождающий от чувства утраты всего! Вот почему Мария Магдалина и Закхей оказались захвачены, притянуты Им. Они ощутили это притяжение и тут же прилепились к Нему. Они, как и мы, были бедняки, грешники, раненные жизнью, но ничто не помешало им позволить себя захватить, привлечь. Ничто не воспрепятствовало тому замиранию сердца, которое наполнило их безграничной благодарностью. И для этого замирания сердца не требовалось ничего, никаких предварительных условий – лишь бы оно случилось! Достаточно, чтобы оно происходило, и ты остаешься пораженным и захваченным. Вот чего желает любой из нас, чего мы ожидаем каждый миг. Этого «горения сердца», когда Другой говорит «нам на дороге»³¹.

Что должно было произойти с той женщиной, Марией Магдалиной, чтобы она не могла избавиться от желания искать Его ежедневно, ежедневно? «На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя»³², возлюбленного сердца моего.

Именно так Тайна сжигает всю отдаленность, все расстояния, всю рассеянность и все ошибки. Ничто из перечисленного не в силах помешать Тайне обратиться к людям и влюбить их в Себя. И тут нет никакого сентиментализма. Связь, которую Христос устанавливает с ними, не сентиментальна. Сентиментализм не был бы в состоянии так захватить их. Это отношение позволяет им стать самими собой; в нем, конечно, есть чувственный удар, как практически в любой вещи, появляющейся на нашем горизонте³³, но есть также и значение, превосходящее чувство и

³⁰ Духовные упражнения *Memoires Domini*. 24–26 мая 1985 г. *На правах рукописи*. С. 15.

³¹ Ср. *Лк* 24, 32.

³² *Песн* 3, 1.

³³ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 28.

вводящее человека в такой опыт о самом себе, какого никогда не достичь сентиментализму.

То, что делает Иисус, не имеет ничего общего с сентиментализмом, равно как и с упреками, обвинениями, отстраненностью. Это объятие, нежность, пламенная любовь к их жизни, посредством которой Он позволяет им наконец-то стать самими собой – им, не знавшим, что в действительности значит быть самими собой, что значит быть мужчинами и женщинами. Так в мире появился новый способ быть людьми, жить, пребывать в реальности, способ, желанный для всех, – сознаем мы это или нет, к которому все устремлены, хотя и не могут достичь его собственными силами, собственным воображением и собственной энергией.

«С Иисусом в мир входит откровение о личности»³⁴. Сейчас эта фраза из школы общины приобретает для нас всю свою историческую значимость. Христианство есть событие, присутствующий факт, настолько присутствующий, что к нему можно прикоснуться, как мы видели, читая восьмую главу книги «У истоков христианского притязания». Эта глава подтверждает существование в настоящем тех глаз, которые нужно встретить, чтобы жить; две тысячи лет спустя она является свидетельством отца Джуссани о том, что этот взгляд по-прежнему присутствует в реальности, иначе о нем нельзя было бы написать. Взгляд, не сводимый к нам, к нашим чувствам и реакциям, взгляд, которым никто не в состоянии манипулировать, ведь он принадлежит Присутствию, в корне отличному от нас. Лишь тот, кто видел этот взгляд, столкнулся с ним, может ответить на решающий вопрос: «Кто такой Иисус?»

Осознать на уровне бытия, кто такой Иисус, мы сможем, только если позволим этому взгляду войти в жизнь. В изумлении переживая опыт «большей» человечности, мы начинаем понимать, кем на самом деле является Иисус. Вот почему Мария Магдалина и Закхей ощутили замирание сердца и с удивлением обнаружили, что прилепились к Нему с первого же дня, как и Иоанн с Андреем. «Но из чего состояло, с психологической точки зрения, это исключительное впечатление, это первое удивление? Первоначальное изумление было *суждением*, которое сразу же переросло в *привязанность*». Оно было влюбленностью, не имевшей равных. «Суждение было подобно клею: *суждение словно приклеивало их*. Каждый день приносил новую пригоршню клея, и они уже не могли освободиться. <...> Так рождается чудо уважения, которое позволяет тебе привязаться»³⁵. Суждение, а не чувство. И так становится понятно, поче-

³⁴ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М., 2010. С. 115.

³⁵ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: Bur, 1999. P. IX.

му вся их жизнь прошла в стремлении достичь Его. Спотыкаясь, совершая тысячи ошибок, они все же никогда не уходили прочь. Та же нежность, единственная в своем роде, благодаря отцу Джуссани пробудила и нас. Через его свидетельство мы пережили то же самое.

От этого зависит, кем мы являемся и каков наш вклад в историю.

Представим себе двух рыбаков из Галилеи, которые вооружившись «лишь» тем взглядом, пришли в современный им Рим, чей образ жизни нам всем известен. Что преобладало в их сердцах? Что их заботило, когда они прибыли в Рим? А если бы Иоанн и Андрей оказались сегодня в нашем мире, что господствовало бы в них? В чем заключалась бы для них суть вещей? Что наполняло бы их сердце, чем они хотели бы поделиться с каждым сейчас, перед лицом вызовов, бросаемых повседневностью? Не было бы ли их единственной заботой то, что они видели в Иисусе, и не стали бы они поэтому свидетельствовать об охватившем их взгляде, позволять этому взгляду проникать в жизнь в любых обстоятельствах, в любом отношении?

Во времена Иисуса, как и теперь, подлинный вызов состоял в раскрытии личности. И этим объясняется пламенная любовь Христа к человеку. Обе эпохи – и тогдашняя, и нынешняя – суть периоды «евангельской нищеты»; и сегодня, как и тогда, нужно самое главное, новое свершение – здесь и сейчас – Его присутствия, от которого замирает сердце.

Отец Джуссани только и делал, что свидетельствовал об этом. В конце жизни он объяснил, в чем состояла предпринятая им попытка, чего он хотел на протяжении всего своего существования: «Я не только никогда не намеревался ничего “основывать”, но и считаю, что гениальность Движения, которое родилось на моих глазах, заключается в ощущении неотложной необходимости провозглашать потребность в возвращении к элементарным аспектам христианства. Иными словами, возвещать пламенную любовь, характеризующую христианский факт как таковой в изначальных его составляющих. И ничего больше»³⁶. Вот что было для него сутью вещей. Христианство – именно такое событие. Знаком его является событие «я», возможное благодаря опыту Христа, присутствующего в иной, отличной от других человечности.

«Пишу тебе после потрясения, которое произвело во мне участие в духовных упражнениях студентов. Первое, что хочу подчеркнуть: я пришел с готовым выступлением, которое собирался сделать, но, как и многим другим, мне не хватило времени. Однако работать вместе с тобой, наблюдать за происходящим вокруг через свидетельства людей, видеть твой

³⁶ L. Giussani. Lettera a Giovanni Paolo II nel 50° anniversario della nascita di Cl. *Tracce-Litterae communionis*. Aprile. 2004. P. 2.

отцовский взгляд, обращенный к каждому из нас, – все это настолько углубило суждение, которое я начал выносить перед лицом случившегося со мной, что я не мог не восклицать про себя: “Вот Христос, совершающееся событие Христа!” Совершалось то, что в тексте школы общины отец Джуссани называет “взглядом, проникающим человека”, или, лучше, это взгляд, принимающий во внимание все факторы, “спасающий” все факторы человеческого опыта, – как ты сказал сегодня, самый великий знак присутствия Христа». Чтобы принять его, достаточно быть детьми: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него»³⁷.

Из чего я понимаю, что произошло событие Христа и я принял Его? Из того, что Его взгляд становится моим и я могу смотреть в глаза кому угодно до самой глубины и замечать, как отражается в них Бытие, их творящее.

Во мне живет Другой: «Живя во плоти, я участвую в Событии, которое делает меня способным на новое понимание, более глубокое и истинное, моих обстоятельств. Что значит, – писал отец Джуссани, – смотреть в лицо девушки по плоти? Значит, что все сводится к “мне нравится, мне не нравится”, “она мне симпатична или не симпатична”, “мне с ней сложно или мне с ней легко”. Напротив, “что живу во плоти, то живу верую” значит: смотрю на отношение с ней в вере в Сына Божия, прирастаю ко Христу»³⁸. Христос, присутствуя как факт, распахивает мой взгляд: не когда призываешь Его лишь номинально, сводя Его к одному лишь имени, но когда Он присутствует как факт – и Его присутствие подобно присутствию родителей, образующему взгляд ребенка, закладывающему в нем определенный способ смотреть на реальность. Тут недостаточно слоганов, недостаточно стратегий. Присутствие Христа должно быть настолько реальным, оно должно так определять меня, определять глубину моего взгляда, чтобы я мог истинным образом смотреть на другого. «И тогда эта девушка, по мере привлекательности, – отец Джуссани ничего не упускает, – является знаком, посредством которого я призван плотью прирасти к бытию вещей, сойти в реальность вещей, туда, где они творятся»³⁹. Как много мы теряем, когда нам недостает Его! Если в моем взгляде есть та открытость, которую мне дает присутствующий Христос, глаза любого человека могут уничтожить ад. Но проверку необходимо совершать в реальных условиях.

³⁷ Мк 10, 15.

³⁸ L. Giussani. S. Alberto. J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 77.

³⁹ Там же.

2. Вызов обстоятельств и путь, который предстоит проделать

Кто такой Христос? В чем для нас суть вещей?

Обладая опытом, описанным выше, и мы ответим на вопрос о самом главном, подобно Петру.

«А вы за кого почитаете Меня?»⁴⁰ Петр, как объяснил не так давно Папа Франциск, «без сомнения, оказался самым отважным в тот день, когда Иисус спросил учеников: “А вы за кого почитаете Меня?” Петр решительно ответил: “Ты Христос” <...> Мы, конечно, дадим такой же ответ, тот ответ, что выучили на катехизации: “Ты Сын Бога живого, Искупитель, Ты Господь!”» Но, продолжает Папа, «когда Иисус начал объяснять, что должно произойти: Сыну Человеческому надлежит пострадать», Петр теряется. «“Петру, разумеется, подобные разговоры пришлось не по душе”. Он рассуждал так: “Ты Христос! Ты победишь, и мы двинемся дальше!” Вот почему “он не понимал путь” страданий, обозначенный Иисусом. Настолько не понимал, что, как повествует Евангелие, “отозвав Его, начал прекословить Ему”. Он был “так доволен своим ответом (Ты Христос), что [даже] ощутил в себе силы упрекать Иисуса”»⁴¹.

И мы, как Петр, после первого замирания сердца не избавлены от вызовов. Это видно повсюду, где есть Движение. Как только я начал встречу со студентами из СЛ в Соединенных Штатах, молодой человек спросил меня: «Как можно не потерять то прекрасное, что происходит в жизни?» Это все тот же вопрос из песни: «Как спастись от чувства, будто ты все теряешь?»⁴² Одна девушка из Бразилии работает в больнице и постоянно соприкасается со страданием. Коллеги убеждают ее, что нужно отвлечься и не придавать слишком большого значения боли, ведь рано или поздно привыкаешь. И вот она спрашивает меня: «Как жить перед лицом таких мучений?» Друзья из Венесуэлы находятся перед вызовом общественно-политической ситуации, которая становится все драматичнее; в Аргентине люди имеют дело с историческими перипетиями недавнего прошлого страны; в Мексике жестокость и насилие ежегодно уносят больше жизней, чем иная война; в Уругвае, отвечая на драму существования, легализуют марихуану; в США – испытание тяжелым экономическим положением; в России и Украине наши друзья столкнулись с кризисом,

⁴⁰ Мф 16, 15.

⁴¹ Франциск. *Утреннее размышление «А вы за кого почитаете Меня?»* Дом святой Марфы. 20 февраля 2014 г.

⁴² V. Heredia. *Razón de vivir. Canti*. Op. cit. P. 296.

возникшим после оккупации Крыма; у испанцев – новый законопроект об абортгах; по всему миру многие из нас живут в контексте, совершенно чуждом христианству. Кроме перечисленных вызовов существуют финансовая нестабильность, неотложная потребность в воспитании, безработица, прогрессирующий распад общества (находящий подтверждение в сложностях, характеризующих супружеские отношения, в смятении, которым для многих сопровождаются проблемы воспитания детей или жизненные затруднения). К ним добавляется еще один вопрос, для многих острый, касающийся «новых прав», – признак глубинных культурных и социальных пертурбаций и определенного понимания человеческой личности, которое все больше насаждается и распространяется. Одним словом, вызовов нам хватает сполна.

Они призывают к ответу каждого из нас и каждую общину в любой точке мира. Положительный момент в том, что это общие вызовы, от них никому не уклониться. И каждый, по факту, уже отвечает – в разговорах с коллегами и друзьями, дома – на эти животрепещущие вопросы, которые ценны тем, что заставляют нас выйти из нашего логова, побуждают открывать, в чем для нас состоит суть вещей. А суть вещей, как мы сказали вчера, выявляется в действии. Поэтому перед лицом провокаций все мы можем задать вопрос: что обнаружилось в моем ответе, в моей попытке ответить, что я сказал о самом себе, что открыл в себе как самое главное? Что хотел сказать? Какой ответ давал на все эти вызовы? Нам необходимо уяснить, как должным образом встречать их.

И первым делом нужно понять саму природу провокации.

Вызовы являются для нас призывом, так было всегда. «В истории Церкви, – говорит Джуссани, – так повелось: мирские дела, которые, пусть фанатично и неполно, но все же подчеркивают некую неотложность или определенный аспект жизни, побуждают к осознанию, провоцируют в подлинном христианском народе кризис и новое обращение к сознанию. Бог пользуется всем, что происходит. <...> Все происходящее Бог допускает ради зрелости тех, кого Он избрал»⁴³. В сложной ситуации многие ощущают себя потерянными, сбившимися с пути. Немало и тех, кто испуган. И чем серьезнее вызов, тем острее мы чувствуем неотложную потребность действовать, вносить свой вклад, тем насущнее вопрос о том, что именно делать, какие инициативы предпринимать.

Независимо от того, как каждый из нас реагировал на вызовы реальности, можно проверить слова Папы Франциска о Петре: «Чтобы ответить на вопрос, который все мы ощущаем в сердце: кто для нас Иисус –

⁴³ L. Giussani. La lunga marcia della maturità. Op. cit. P. 60–61.

недостаточно того, что мы выучили на катехизации». Без сомнения, «важно учить и знать все это, но недостаточно», – настаивает Святейший Отец. Ведь, чтобы действительно знать Его, «необходимо проделывать путь, пройденный Петром»⁴⁴.

А значит, и для нас, как для первых учеников, замирание сердца не конечная точка, жизнь с ее вызовами продолжается. Подобно Петру, мы можем ответить на вопрос о Христе, то есть выявить в Нем самое существенное для жизни. Но часто, уже признав существенное, мы уходим в сторону. Поэтому, не проделывая путь, мы теряемся, как и Петр: «Вера – это познание, обусловленное ходом времени, необходимого слову для того, чтобы быть произнесенным: познание, которому можно научиться только на пути следования»⁴⁵.

Таким образом, вопрос о сути вещей отнюдь не риторический, нужный нам сегодня утром, чтобы немного отвлечься. Ответить на заданные вопросы – о том, как жить и какова наша задача в мире, – крайне важно. Мы это понимаем, когда вызовы вгрызаются в нашу плоть и не позволяют нам наблюдать за ними «с трибун».

«Недавно, – рассказывал мне один испанский друг, – мы отправились на манифестацию, чтобы поддержать попытку правительства Испании издать закон, ограничивающий аборт. Мы шли туда, и я разговаривал с одним другом, отцом троих детей, который неожиданно узнал, что должен появиться и четвертый ребенок. Условия превосходные: он любит жену, у них крепкий брак, особых финансовых проблем нет, они наши, католики, все правильно. И он мне говорит: “Знаешь, когда жена сообщила, что беременна, в первый момент я подумал: неправда, это не может быть правдой! Мне сейчас трудно, я не хочу ребенка, он меняет все мои планы...” И потом добавил: “Вот мы участвуем в манифестации против абортов, но природа отказа есть и внутри меня, а ведь компания сопровождала, воспитывала, поддерживала меня в течение двадцати лет... Что же будет с какой-нибудь одинокой девушкой, у которой ни мужа, ни денег? О чем подумает одинокая – или не одинокая – женщина или восемнадцатилетняя девушка, увидев результат теста на беременность? Скорее всего: я не знаю, как с этим справиться, и поэтому, кажется, проще проблему уничтожить, вычеркнуть”. Было очень интересно, мы много рассуждали, и я сказал ему: “Послушай, без подобного сознания неправильно участвовать в этой манифестации, ведь в таком случае мы

⁴⁴ Франциск. *Утреннее размышление «А вы за кого почитаете Меня?»*. Дом святой Марфы. 20 февраля 2014 г.

⁴⁵ Франциск. *Lumen fidei*. 29.

тут защищаем католические ценности, но не понимаем, что они значат для нашей жизни...»

Вызовы не становятся меньше, и когда мы формируем умаленный образ нужды другого человека. Более того, протест другого человека против наших попыток умалить его желание, делает еще более насущным вопрос о нашей задаче в мире. «Мы с друзьями помогаем людям в поисках работы. И делаем это очень просто: составляя им компанию! Тем, кто порасторопнее, достаточно встретиться пару раз, чтобы их “я” пробудилось, и они сами тут же находят место. А вот людей, настроенных критически, неспособных действовать самостоятельно, мы сопровождаем каждого в отдельности и не оставляем до тех пор, пока у них не появится работа». Но появляется она не всегда. «Три года назад среди прочих мы встретили человека пятидесяти лет с ограниченными возможностями. Он был в коляске, его сопровождала мать. Во время собеседования в числе навыков он упомянул умение печатать на компьютере. И я сразу же ответил, что могу найти ему работу на дому, но он “вытащив наружу” все свое “я”, сказал, что хотел бы выходить из дома! Тогда я обнял его: у него такое же бесконечное сердце, как и у меня, а я уже свел его к коляске». Через одну деталь проявляется вся природа нужды: тот человек не желал довольствоваться малым.

Другой пример. Девушка пишет друзьям о встрече с двоюродной сестрой, которая ждет ребенка и проходит всевозможные обследования, чтобы убедиться, что он здоров. Она спрашивает: «По большому счету, зачем тебе знать заранее, здоров ли твой малыш?» Ответ был леденящим кровью: «Если у ребенка какие-то проблемы, я от него избавлюсь». Избавлюсь! «Это были самые долгие несколько минут моей жизни. Я не могла ни о чем думать, не могла пошевелиться, я оцепенела и не могла говорить. Нашла только пару слов, чтобы попрощаться. Грусть моя была безутешна. Потом я подумала о *«Первой странице»*: “Возможно ли в свете школы общины переживать обстоятельства, осознавая по-человечески весь драматизм существования? [хватает ли замирения сердца для жизни, все ли вызовы оно способно выдержать?] Тут каждый из нас, независимо от того, каких мнений мы придерживаемся, проверяет, способен ли его ответ на вызовы реальности действительно отвечать на проблему, провоцирующую его, бросающую ему вызов”. Вот в чем все дело! И вот путь! В боли, в огромном количестве вопросов, которые возникают в описанной ситуации, в желании быть еще ближе моей двоюродной сестре более человечным, полным, подлинным, смиренным и тактичным образом – во всем этом я хочу проверять снова, истинно ли и насколько истинно, что Христос – Скала, единственная в своем роде, Краеугольный камень.

Истинен ли и насколько истинен ответ на вопрос “*Quid animo satis?*”: “*Est Vir qui adest*” [Чего достаточно душе? Мужа, здесь предстоящего]».

Эти свидетельства помогают нам осознать, какой путь нужно проделать. Если мы не понимаем важность вызовов, если не улавливаем все факторы, поставленные на карту, то вновь совершим те же ошибки, что и в прошлом.

3. Свет нашей истории

Принимая вызовы настоящего – культурные, общественные, политические, юридические, мы не начинаем с нуля. У нас есть богатство истории, пути, проделанного в компании отца Джуссани. Поэтому, пытаюсь пролить свет на сегодняшние вызовы, я нашел крайне полезным обращение к некоторым моментам нашей истории: 1968-му и последовавшим за ним годам, когда провокация и давление обстоятельств были столь сильными, что многие разбежались. Именно тогда в очередной раз стала очевидна важность присутствия отца Джуссани. Наблюдая за собой в действии, он помогал нам осознать, в чем на самом деле заключалась суть вещей, несмотря ни на какие наши намерения, как раз потому, что учитывая все факторы, не умалял – как обычно делаем мы – масштаба проблемы. Его суждения – жест любви по отношению к нам, который в то же время выявляет весь его авторитет, не позволивший нам впасть в растерянность.

Отец Джуссани говорил: «Для меня история – это все; я учился у истории»⁴⁶, то есть у опыта. Читая книгу Савораны, мы убеждаемся, насколько истинны его слова. Даже он не был избавлен от обстоятельств.

В 1993 году один студент рассказал ему, что некоторые интеллектуалы жаловались на «Общение и освобождение», поскольку оно «было гораздо лучше в 1976-м, когда вовлекалось в политическую борьбу, занималось идеологической диалектикой, продвигало свои проекты, предлагало их в обществе, тогда как сейчас... все свелось к благочестию»⁴⁷. Мы сможем узнать об этом в новом томе из серии *Equipe*, который выйдет в свет осенью. Чтобы ответить на брошенный вызов, отец Джуссани просит перечитать отрывок из книги *Uomini senza patria*, опубликованной в 1982 году, где он говорил: «Вся наша деятельность, с тех пор как родилось “Общение и освобождение”, с 1970-го, <...>, все, что мы делаем [что

⁴⁶ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. VIII.

⁴⁷ Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino (1993–1998)*, готовящуюся к публикации в миланском издательстве Bur.

сделали], – для того, чтобы у нас была родина, чтобы у нас была родина в этом мире». Некоторые из вас припомнят и следующую фразу: «Я не говорю, что это не правильно. Говорю: мы делаем все, чтобы иметь родину, и такой родины у нас не будет»⁴⁸.

Как же это случилось? Чтобы ответить, Джуссани снова возвращается к тем годам: «В 1968–1969-м мы словно оказались выброшенными из дома»⁴⁹, поверженными марксистской идеологией и ее желанием освобождения. Так и сегодня нас могут сбить с толку волнения и новые тревожные устремления к освобождению, выражающиеся, к примеру, в требовании новых прав, – все они вышли из 1968-го. Каждое является способом, неполноценным и часто противоречивым, попыткой удовлетворить нужды, которые мы без труда признаем глубоко человеческими: потребность в привязанности, желание быть матерью и отцом, страх боли и смерти, поиск собственной идентичности... Каждое из этих новых прав корнями своими уходит в самую ткань человеческого существования. Отсюда их привлекательность. Умножение личных прав выражает надежду на то, что человеческие драмы можно разрешить в юридическом порядке, гарантировав удовлетворение бесконечных потребностей, населяющих сердце человека.

«Как Движение обнаружило толчок [этого желанного освобождения, порожденного 1968 годом]? Началось смятение <...>, характерное смятение тех, кто, проделывая свой путь и переживая собственный основополагающий опыт, вдруг застигнут врасплох событиями, требующими гибкости, перевода, истолкования и решимости такого уровня, какого их опыт еще не достиг»⁵⁰.

В этой ситуации возникал вопрос: «“Что мы должны делать?” <...> Группа из трех-четырех студентов в один прекрасный день <...> выпускает листовку, первую “контрреволюционную” листовку, и, наверное, их не пубили только потому, что они были лишь вчетвером. Листовка называлась “Общение и освобождение” <...> Что значило это название?»⁵¹

1. Во-первых, оно означало, что и в наших сердцах имелась потребность в освобождении. Мы тоже желали освобождения: «Существовала нить, связывавшая нас с сердцами всех людей, ведь даже марксист, выкрикивая “освобождение, освобождение”, выражал потребность серд-

⁴⁸ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: Bur, 2008. P. 88.

⁴⁹ Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino (1993–1998)*, готовящаяся к публикации в миланском издательстве Bur.

⁵⁰ L. Giussani. *La lunga marcia della maturità*. Op. cit. P. 62.

⁵¹ Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino (1993–1998)*, готовящаяся к публикации в миланском издательстве Bur.

ца, пусть путаную, неясную, погребенную под идеологическими речами. Но это было желание сердца»⁵².

2. Во-вторых, название утверждало, что освобождение неотрывно от христианской весты: освободитель – Христос. В самом деле, «Мы узнали Христа как освободителя человека. Это суть Искупителя: Христос Искупитель значит Христос Освободитель». Освобождение не может родиться от «человеческих усилий; <...> вы не в состоянии менять что-либо своими силами, освобождение мира может прийти только от того, что уже свободно. А что в этом мире уже свободно? Нечто не от мира сего, присутствующее в мире, но не принадлежащее ему, приходящее извне, свыше: Христос есть Освободитель. Но где сейчас Христос? <...> Христос становится присутствующим благодаря компании тех, кто Его признает»⁵³.

Однако казалось недостаточным просто жить новизной, принесенной Христом, в принадлежности Церкви и Движению как знаку изменения. Созидание христианской общины казалось несостоятельным на фоне имевшихся вызовов, необходимо было «что-то делать». И образ этот «действия» диктовался позицией других: речь шла о действии, подобном действию других и в то же время противоположном – в том смысле, что его вдохновляли христианские принципы.

И каков же в итоге был ответ на смятение? «Смятение сразу же преодолевалось желанием действовать»⁵⁴. «Мы предприняли, – говорит отец Джуссани, – бесконечное множество инициатив [самой грандиозной была встреча в «Палалидо»], охваченные лихорадкой делания, воплощения в жизнь ответов и действий, которые бы показали другим, что, отталкиваясь от христианских принципов, мы были лучше их. Только так и у нас могла бы появиться родина»⁵⁵.

Мы пытались преодолеть смятение желанием вмешиваться, действовать, быть активными, «следуя за миром, бросались с головой»⁵⁶ в претенциозные попытки изменить положение вещей собственными силами – точно как другие.

И что же произошло? Смещение, повлекшее за собой непредвиденные последствия. Незаметно для нас, по словам Джуссани, случился «переход от одной матрицы к другой, <...> в процессе которого были умалены и доведены до крайней степени абстракции дискурс и опыт, имевшие место раньше». Таким образом, была умалена, сведена на нет историче-

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ L. Giussani. La lunga marcia della maturità. Op. cit. P. 64.

ская толща христианского факта <...> через умаление его исторического значения, его “выхолащивание”, предельное ослабление его влияния на историю»⁵⁷. Это все сказал Джуссани. В общем, то, что мы переживали тогда в принадлежности Движению (полученное воспитание, каритатива, повседневное присутствие в школах и университетах, ответы на разные нужды), словно лишилось содержания, не обладало достаточным весом: необходимо было показать, что и нас интересовала участь мира, что мы знали как, будучи христианами, внести наиболее результативный вклад, что у нас имелись лучшие проекты и лучшая практика. Эта позиция, в конце концов, определила не только тех, кто хотел уйти, но и большую часть оставшихся.

Описанное умаление исторической значения христианского факта не проходит без последствий. Посмотрим, как их определяет отец Джуссани.

«Первое: “Понимание христианского вовлечения с точки зрения его эффективности, с упором на морализм”. И даже больше – с полным сведением к морализму! Почему нужно было оставаться христианами? Потому что христианство подталкивает тебя к действию, к вовлечению, и точка! <...> У христианства есть право оставаться в мире только в той мере, в какой оно берется за мирскую деятельность: это этическое христианство. <...> Перед лицом мировой нужды наличествует ее анализ, теория ответа и ответ согласно этой теории. Все происходит в рамках человеческой меры, Христос никак к делу не относится; Он относится к делу помимо времени и пространства; Он нравственное вдохновение, лежащее по ту сторону времени и пространства, “трансцендентное”»⁵⁸.

«Второе – и самое тяжелое – последствие: неспособность придать нашему дискурсу культурное измерение, вывести собственный христианский опыт на тот уровень, где он стал бы систематичным и критическим суждением и, таким образом, определенным руководством к действию. Возможность влияния христианского опыта на мир оказывается парализованной, потому что опыт влияет на мир лишь в той мере, в какой достигает культурного выражения»⁵⁹.

«Третье последствие: теоретическая и практическая недооценка авторитетного опыта, авторитета. <...> Христианский факт – повторим – в авторитете, сотворенном Христом, обретает конкретное место во времени и пространстве, где сохраняется Тайна»⁶⁰.

⁵⁷ Там же. Р. 62.

⁵⁸ Там же. Р. 63, 65.

⁵⁹ Там же. Р. 63.

⁶⁰ Там же. Р. 64.

«Таким образом, – резюмирует отец Джуссани, – во всеобщем смятении <...> [возобладало] оголтелое следование за миром. Наша история, ее ценность содержание были сведены на нет, по возможности истолкованы в отрыве от жизни, как нечто за рамками, их лишили возможности влиять на исторический процесс, а вместе с тем – и возможности подлинного воплощения». Незадолго до того, как сделать это наблюдение, отец Джуссани, ссылаясь на позицию тех, кто участвовал в протестах 1968 года, сказал: «Наивно полагать себя “мерой всех вещей”, наивен человек, говорящий: “Сейчас я расставлю все по местам”. Наивно полагать человека мерой всех вещей, это наивность самолюбия». А еще он восклицал: «Какая тоска! Какая тоска тут же охватила нас, и она становилась все тяжелее с каждым годом»⁶¹.

Бросившись делать разные дела ради своего христианского звания, чтобы продемонстрировать, что у нас как у христиан были лучшие решения проблем, мы могли думать о Христе как о сути вещей. Но суждение Джуссани снова ошеломляет нас: «Наш идеал вовсе не тот <...> что воображает себе пресса, наш идеал заключается вовсе не в праве находиться в мире и обществе, поскольку мы умеем отвечать на притязания или на нужды и потребности, которые есть у других, которые есть у людей. Хорошо отвечать на нужды и потребности людей, но мы здесь не для этого. В 1976-м в Риччоне перед двумя тысячами ответственных из студенческой среды я встал и не знал, что сказать, но ощущал серьезный дискомфорт и поэтому сказал: “Мы здесь не для этого, наша цель как христиан не в этом. Мы можем спокойно войти во все кооперации мира, можем войти во все мировые ассоциации и через них внести наш вклад в общее благо, но христианство не одна из таких ассоциаций, христианство не организация для облегчения человеческих нужд” <...> Вот иллюзия, с которой человек сталкивался во все времена и от которой неизменно терпел поражение. Это иллюзия, называемая утопией. <...> [Почему?] Потому что человек не в состоянии выявить, усвоить, соединить и применить целокупность имеющихся факторов; от человека всегда что-нибудь ускользает»⁶².

Сами того не заметив, мы перешли от Христа к утопии. Утопия и для нас стала сутью. Мы могли продолжать твердить, будто сутью был Христос, но, глядя на наши действия, отец Джуссани заставлял нас признать, что мы сдвинулись (это было видно из нашей неспособности «выявить

⁶¹ Там же. Р. 64–65, 61.

⁶² Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino (1993–1998)*, готовящаяся к публикации в миланском издательстве Bui.

и применить целокупность факторов»). «Словно движение “Общение и освобождение”, начиная с 1970 года, работало, созидало и боролось, исходя из ценностей, принесенных Христом, тогда как факт Христа для нас, для наших людей и для всех тех, кто строил вместе с нами CL, “оставался параллельным”»⁶³.

Что к этому привело? Недостаток осознания проблемы. Вот почему мы «современные», чада окружающего нас менталитета. Проблема касается восприятия, осознания себя, самосознания, а не нравственной последовательности. Мы «современны» (хотя по сути «современность» искушает душу любого человека в любую эпоху), и это видно из смещения центра тяжести к нашему религиозному, культурному или деятельному перформансу: Присутствие, факт Христа становится априори теоретическим; априорность же не определяет, кем мы являемся, как смотрим и в чем смысл нашего пребывания в мире⁶⁴.

О том, насколько трудно искоренить из себя этот менталитет, свидетельствует последующая история Движения, к которой мы недавно обратились в «Первой странице»⁶⁵. «Первым сознательным шагом стал Пасхальный плакат <...> Шаг, к которому плакат [*Cristo compagna di Dio all'uomo*, 1982] призвал всех и который многие совершили <...> дал понять: вопрос не в том, что мы делаем, не в том, что мы должны делать, не в анализе вещей, наша точка зрения на вещи вдохновляется христианскими ценностями. Мы на протяжении десяти лет работали над христианскими ценностями, позабыв о Христе, не познавая Христа»⁶⁶.

Джуссани говорил о смещении центра тяжести, о подмене сути вещей тем, что делаем мы – подобно всем современным людям, не отдавая себе отчета в полной несообразности наших дел факторам проблемы: «Если мы столь постыдно разделены, раздроблены, что даже единство между мужчиной и женщиной невозможно и никому нельзя доверять, если мы столь циничны в отношении всех и вся и равнодушны к самим себе, как же нам вытащить из этой трясины что-то, чтобы вновь возвести наши

⁶³ L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Op. cit. P. 56.

⁶⁴ Ср. «Новая, даже более того, современная эпоха есть трагическое свидетельство о том, до чего человек доходит в своей претензии на автономность – в претензии справиться самому, реализовывать себя самому, творить себя самому, принимать решения самому, ставить в центр себя самого. Претензия эта ведет к распаду, к потере свободы как самобытности суждения о жизни: в общем мнении, в культуре, в воззрениях, насаждаемых господствующей культурой, человек отчуждается» (L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Op. cit. P. 265).

⁶⁵ Х. Каррон. Свидетельство и рассказ. *Tracce-Litterae communionis*. Март. 2014.

<http://ru.clonline.org/>

⁶⁶ L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Op. cit. P. 88–89.

поваленные стены, получить цемент для строительства новых стен? <...> Когда мы так изранены, нам ли говорить: “Возьмемся за восстановление человечности!” Если мы до такой степени повержены, как же нам победить? <...> Необходимо, чтобы пришел кто-то извне – *должен прийти кто-то извне* и на развалинах нашего дома вновь возвести стены. <...> Здесь-то и кроется главная трудность <...> истонченного христианства: человек становится собой *посредством чего-то иного*, приходящего извне. <...> [Но такой порядок] “нам не нравится”, потому что впускает, гостеприимно встречает нечто несоответствующее нашей фантазии, нашему представлению об опыте, кажущееся абстрактным в своем притязании»⁶⁷.

Это «нечто иное, Христос, кажется нам абстрактным. И поэтому, отвечая на неотложную потребность в изменении, в созидании, «мы останавливаемся <...> на немощем стремлении исправить положение или на лукавой, лживой претензии; иными словами, отождествляем средство исправления с нашим представлением об исправлении и волей к нему». Ужасно! «Так рождаются, – продолжает отец Джуссани, – “разговоры” о нравственных ценностях, потому что разговоры о нравственных ценностях предполагают, что спасение от распада происходит за счет силы фантазии и воли человека: “Объединимся, чтобы исправлять!”»⁶⁸ Мы современны до мозга костей! И он говорил это нам, а не кому-то еще.

Но почему же мы уходим от Христа в активизм, в “делание”? Суждение отца Джуссани на этот счет еще более поразительно: мы смещаемся, потому что делание кажется нам менее абстрактной точкой опоры в ответе на наши страхи, чем Христос. Он говорит: «Экзистенциальная неуверенность, глубинный страх заставляют принимать за собственную точку опоры, за причину <...> [собственной] состоятельности вещи, имеющие организованный характер или культурное значение»⁶⁹.

Самое же поразительное – то следствие, которое Джуссани выводит из вышесказанного. Мы определили бы нашу «активность», с помощью которой пытаемся победить неуверенность, мы не задумываясь определили ли бы ее как «присутствие». Но это суждение бесконечно далеко от реальности. Послушайте, что он говорит: «Так вся культурная и организационная активность не становятся выражением нового облика, нового человека [они выражают наши страхи и неуверенность]. Будь они выражением нового человека, то их могло бы и не быть – если обстоятельства

⁶⁷ L. Giussani. È sempre una grazia. È, se opera. Suppl. 30Giorni. Febbraio. 1994. P. 57–59.

⁶⁸ Там же. P. 59.

⁶⁹ L. Giussani. Uomini senza patria (1982–1983). Op. cit. P. 97.

не позволили бы, но человек удержался бы на ногах. Тогда как многие из присутствующих здесь людей без этих вещей не удержались бы на ногах, не знали бы, для чего они здесь, не знали бы, к чему прилепились: все это несостоятельно и не способно удержаться, потому что состоятельность моей личности – в присутствии Иного»⁷⁰. Тут мы ясно видим связь между тем, что позволяет удержаться на ногах, «сутью», и нашей задачей в мире.

Если мы не признаем то, что отвечает на нашу экзистенциальную неуверенность, на наш глубинный страх, если мы не переживаем это на опыте, наше присутствие обозначит лишь современную попытку обрести состоятельность в наших делах. Поэтому, как заметил отец Джуссани, если бы не определенная активность, многие «не знали бы, для чего они здесь»⁷¹.

В чем главная причина описанного смещения, к которому мы еще вернемся сегодня после обеда? «Причина, в конечном счете, в том, с каким трудом христианский дискурс, христианский опыт становится зрелым <...>. Нетерпение – не последняя ловушка, а первая. Подумайте: христианский опыт изменит мир; однако для изменения мира нужна вся траектория истории. <...> Христианский опыт изменит мою жизнь, но нужна траектория бытия [истории; мы же всегда думаем, как бы срезать и достичь цели поскорее, считая себя умнее других!]. <...> В общем, христианский опыт не удовлетворяет лихорадочный вкус человека к эффективности, к мгновенному обладанию, к обладанию. Таково было искушение фарисеев, сказавших Христу: “Сотвори чудо, которое мы Тебе укажем, пошли нам молнию с небес. Пошли молнию с небес, и мы поверим Тебе”. Они сами устанавливали, каким должно быть чудо»⁷², как следование за Ним должно менять реальность («Не за тридцать серебряников <...>, а потому, что Царство Его не наступало»⁷³). «Вот подлинно *пафос*, стоящий за тогдашней драмой и за неуверенностью, меланхолией, усталостью и сомнениями сегодняшнего дня. И тут человек понимает, осознает, что значит вера, верить, верить в Него – то есть доверять христианскому факту [зверяться Его замыслу настолько, чтобы менять реальность; но нам такой способ кажется слишком медленным и малоэффективным]. Потому что подчас это означает умереть для самих себя, более того – это действительно означает умереть для самих себя». Вот почему «те, кто спасся, спаслись благодаря чувству верности собствен-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² L. Giussani. La lunga marcia della maturità. Op. cit. P. 66.

⁷³ Ср. С. Chieffo. Il monologo di Giuda. *Canti*. Op. cit. P. 230–231.

ной истории, поскольку они ясно осознавали – можно сказать, исключительно – важность религиозного измерения и его влияния на конкретный контекст и потому понимали присутствие Тайны как фактор, влияющий на человека; а кроме того они честно и ясно осознали, что необходимо доверять авторитету, открыли его историческое значение»⁷⁴.

Возможно, теперь более понятно, почему в 1993 году отец Джуссани спрашивал: «Так зачем же мы здесь?» Если наша цель как христиан заключается не в том, чтобы предпринимать инициативы и создавать различные дела для ответа на нужды, для разрешения человеческих проблем, тогда в чем же она? Он вновь возвращает нас на место, призывая вернуться к сути, в очередной раз утверждая центральную роль доверия по отношению к христианскому факту. Вот его ответ на вызовы: если мы не вернемся к истокам, нам не стоит заниматься ничем другим.

4. Возвращение к истокам: «Движение идет вперед исключительно за счет силы привязанности ко Христу»

«Так почему же мы здесь?» В 1993-м отец Джуссани ответил: «Причин две, и вторая вытекает из первой; можно сказать, она является случайным и непредвиденным ее следствием»⁷⁵. Поразительно, что, объясняя сказанное, он сразу же говорит: «мы здесь, как бы это сказать... мы шли по дороге и услышали, как говорил один человек, идеолог, хотя он был больше, чем идеолог, он был серьезный тип, его звали Иоанн Креститель. Мы остановились, чтобы послушать его. В один прекрасный момент кто-то из присутствовавших там собрался уходить, и мы увидели, как Иоанн Креститель посмотрел в его сторону и вдруг начал кричать: “Вот Агнец Божий”. Ну, конечно, он пророк и говорит странные вещи. Но мы двое, оказавшиеся там впервые, приехавшие из деревни, издали, отделились от группы и пошли вслед за тем человеком, так, из любопытства, которое не было любопытством, из какого-то странного интереса, бог знает откуда взявшегося, и Он повернулся и спросил: “Чего вы ищете?” – а мы ответили: “Где ты живешь?” Он же сказал: “Пойдите и посмотрите”. Мы пошли и пробыли там весь день, глядя, как Он говорит, поскольку, хотя мы слова Его были непонятны, Он говорил особым образом, произносил слова так, с таким лицом, что мы были там и смотрели, как Он говорит. Уйдя от Него

⁷⁴ L. Giussani. *La lunga marcia della maturità*. Op. cit. P. 66, 68.

⁷⁵ Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino (1993–1998)*, готовящуюся к публикации в миланском издательстве Bur.

по наступлении вечера, мы отправились домой с другим лицом, взглянули в лицо жене и детям иначе, между нами и ними словно возникла завеса, завеса того лица, и оно не выходило у нас из головы. В ту ночь никто из нас не спал спокойно, а на следующий день мы снова пошли искать Его. Он произнес фразу, которую мы повторили нашим друзьям: «Пойдите и посмотрите на Мессию, который должен был прийти; Он Мессия, так Он сказал: Я Мессия». И наши друзья тоже пошли и тоже были притянуты тем человеком. Вечером, собираясь вокруг костра, имея при себе четыре рыбины, пойманных прошлой ночью, мы могли бы сказать: «Если не верить такому человеку, если я не верю такому человеку, то мне не следует верить и собственным глазам»⁷⁶.

Отец Джуссани продолжает: «Мы в мире для того, чтобы кричать всем: «Смотрите, среди нас есть странное присутствие; среди нас здесь и сейчас есть странное присутствие: Тайна, творящая звезды, море и все сущее <...>, сделалась человеком, родилась от чрева женщины <...>». Мы в мире, потому что нам, а не другим, открылось, что Бог стал человеком. Среди нас есть человек, пришедший две тысячи лет назад и оставшийся с нами («Пребуду с вами во все дни до скончания века»), есть [среди нас] человек, являющийся Богом. Счастье человечества, радость человечества, свершение каждого желания человечества – все доводит до конца именно Он, доводит до конца ради тех, кто за Ним следует»⁷⁷. Мы сегодня могли бы добавить: даже та жажда освобождения, которая спутанным и противоречивым образом выражается в требовании новых прав, найдет свершение лишь во Христе.

Здесь намечается и вторая причина: «Незапланированное следствие того, что человек смотрит на Него, смотрит на Него говорящего, слушает Его, идет за Ним, возвещает всем: «Здесь, здесь, среди нас, пребывает Бог, ставший человеком», – незапланированное следствие для человека, поступающего так, заключается в улучшении жизни, он живет лучше; он не разрешает проблем, в том числе и проблем своей человечности, но переживает их лучшим образом: больше любит жену, умеет больше любить детей, больше любит самого себя, любит друзей больше других, смотрит на незнакомцев с бескорыстием, с сердечной нежностью – так, словно они друзья, поддерживает, как может, других в их нуждах – так, словно это его собственные нужды; с надеждой смотрит на время и потому энергично идет вперед; использует все, чтобы идти самому и помогать идти другим, подбадривая в боли, а в радости будучи бдительным, предельно бди-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

тельным; он полноценно переживает радость, но сознает, что у всего есть предел, временное ограничение. От ограничения к ограничению человек вместе с другими идет вперед, навстречу судьбе, навстречу тому дню, когда Он вновь явится, и не так, как явился Иоанну и Андрею, тем двоим, что последовали за Ним, но как явился в определенный момент своей жизни на горе Фавор, как явился, воскреснув из мертвых»⁷⁸.

Итак, мы здесь ради этого присутствия. Но кто понимает подобные вещи? Отец Джуссани задавался вопросом: «Родители, священники, католические ассоциации – кто ясно понимает, в чем отличие нашей задачи, кто улавливает это присутствие, кто не пытается удостоиться пространства в мире, права жить в мире лишь потому, что отвечает на нужды других, кто?»⁷⁹

Кто понимает? Папа Франциск ежедневно свидетельствует нам об этом.

«Великое очищение, великое просвещение должно найти приют в наших душах и господствовать в них, с нами должна случиться великая благодать... Должна случиться? Она уже с нами случилась! В Движении мы с первого дня говорили именно об этом, пусть даже другими словами; они услышали и сказали: “Что ж, я бы не прочь пойти вместе с ними”; каждый из нас ощутил это (и следует согласиться, что это переворачивает все): в центре жизни – не “успех”, а “признание Его Одного”»⁸⁰. Таким было замирание сердца. И сразу же после этих слов отец Джуссани указывает на альтернативу: «В чем ценность личности: в том, что ее признают – какая она прекрасная, способная, умелая, или же в том, что она любима? Единственное достоинство личности в том, что она любима, что состоятельность и природа “я”, твоего “я” – в избранности Тайной: <...> быть любимым – вот в чем состоятельность и природа твоего “я”»⁸¹.

Когда этого недостает, мы впадаем в растерянность. В центре жизни – не «успех, а признание присутствия» (и, может, поэтому некоторые из нас, подобно множеству наших современников, не ощутив себя любимыми, не ощущая себя любимыми, ищут свершения в других местах). «Вот в чем, – продолжал отец Джуссани, – проблема христианства в сравнении с проблемой любой философии <...>: наше спасение не в утопии <...>, а в Присутствии, которое необходимо признавать, не в “делании”, а в любви»⁸². Достаточно было бы осознать, кто мы, чтобы понять, удастся ли нам нашим «деланием» ответить на нашу человеческую драму. Жизнь

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

есть эта любовь, признание себя любимыми («Любовью вечной Он возлюбил нас и потому сжалился над нашим ничтожеством»⁸³). Отец Джуссани добавлял: «Произнося это слово [любовь], говоря то, что я сказал сейчас (проблема существования не в “делании”, а в любви), на девяносто девяти процентах лиц я читаю растерянную отчужденность»⁸⁴.

Что это за отчужденность? Знак нашего непонимания, нашего смещения. Она яснее всего остального говорит о том, откуда мы ожидаем ответа. Скажу больше: именно в силу этой отчужденности мы отходим от сути вещей и начинаем искать нашу состоятельность в том, что делаем. Она является самым ярким суждением, которое мы выносим о Христе и о себе самих. Не понимая, в чем наша проблема, мы не осознаем по-настоящему, кто такой Христос. В конце концов, главное, существенное – где-то в другом месте. Перед таинственным замыслом Божиим мы ощущаем растерянную отчужденность – отчужденность Петра перед замыслом Отца, которому Иисус подчиняется и которого Петр, напротив, не понимает. Эта отчужденность вынуждает нас отойти от сути вещей, искать нашу состоятельность в чем-то, что «в потаенных мыслях наших сердец» нам кажется менее «несостоятельным», чем Христос.

Мы не сможем внести подлинный вклад в жизнь мира, если не обретем состоятельность в любви, позволяющей нам быть иными в панораме общественной и культурной жизни. Отец Джуссани никогда не переставал указывать нам, где можно найти истинную состоятельность: «Состоятельность моей личности – это присутствие Иного»⁸⁵.

Мы же, наоборот, как напоминал он нам, ищем состоятельность «в том, чем занимаемся или чем обладаем, что одно и то же. Таким образом, в нашей жизни никогда нет чувства, опыта полной уверенности, на которые указывает слово “мир”, <...> той полной уверенности, той уверенности и полноты, без которых нет мира, а потому нет веселья и нет радости. В лучшем случае, мы доходим до довольствования тем, что делаем, или самодовольства. Но эти осколки удовлетворения тем, что мы делаем или чем являемся, не приносят никакого веселья и никакой радости, никакого твердого ощущения полноты, никакой уверенности и никакой полноты <...> Уверенность есть нечто произошедшее в нас, случившееся с нами, вошедшее в нас <...> С нами Кто-то произошел, дал нам Себя, дал так, что внедрил в нашу плоть и кровь, в нашу душу: “Уже не я живу, но живет во мне Христос”»⁸⁶.

⁸³ Ср. *Иер* 31, 3.

⁸⁴ Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino* (1993–1998), готовящуюся к публикации в миланском издательстве BUR.

⁸⁵ L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Op. cit. P. 97.

⁸⁶ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Ciisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2008. P. 25–26.

«Настал момент, – говорил отец Джуссани в 1991 году, – когда привязанность между нами обладает особым весом, непосредственно куда большим, нежели есть у догматической ясности, насыщенности богословской мысли или энергии руководства. Привязанность, которую необходимо переживать между нами, имеет лишь одну точку сопоставления [одну неотложную потребность] – молитву, привязанность ко Христу. В самом деле, настал момент, когда Движение идет вперед исключительно за счет привязанности ко Христу каждого из нас, о которой каждый из нас взывает к Духу»⁸⁷.

Только уверенный человек сможет ответить на вызовы настоящего: войти в палату смертельно больного человека, куда уже никто не заходит, сохранить ребенка с пороками развития, рожать детей, не отчаиваться в условиях безработицы.

Почему отец Джуссани постоянно возвращается к Иоанну и Андрею, к первому моменту воззвещения христианства, к первой встрече? Он что, далек от реальности? Или обманывается? Нет, он убежден: «Разрешение проблем, которые жизнь ставит перед нами каждый день, “происходит не через прямое столкновение с проблемами, а посредством углубления природы субъекта, с ними сталкивающегося”. Иными словами, “частность можно разрешить, углубляя суть вещей”»⁸⁸. Следовательно, чтобы встречать проблемы лицом к лицу, нужно нечто, позволяющее проявиться природе нашего “я” и ведущее ее к свершению, «тайна бытия извечная»⁸⁹, о которой говорит Леопарди. Таким образом, подлинный вопрос заключается в том, чтобы спросить себя, кто способен восстановить умаленное “я”, избавить его от диктата мелочных желаний и открыть великому желанию свершения жизни. «Только божественное спасает все факторы человечности»⁹⁰. Вот сердцевина христианского притязания. Задача Христа – лишь в том, чтобы пробудить личность, позволить проявиться в полноте ее желанию, освободив от рабства мелочных желаний.

Чтобы дойти до сути вещей, Иисус использует любую возможность, включая простые факты повседневности, коих полно в Евангелии: как, например, когда Он садится отдохнуть у колодца и, ощущая жажду, просит воды у женщины. Та, будучи самарянкой, замыкается на собственных мыслях: «Как ты, иудей, просишь пить у меня, самарянки?» Она застряла на уровне привычных представлений: иудеи не общаются с самарянами.

⁸⁷ *Corresponsabilità*. Stralci dalla discussione con Luigi Giussani al Consiglio internazionale di *CL*. *Litterae communionis* – *CL*. Novembre. 1991. P. 32.

⁸⁸ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 489.

⁸⁹ Дж. Леопарди. *К портрету красавицы, высеченному на ее надгробии*. Пер. А. Наймана.

⁹⁰ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 111.

Иисус мог бы принять ту или другую сторону. Но вместо этого, Он разрушает штампы, предлагая не реактивную, а изначальную, подлинную позицию: Ему прекрасно известно, что за видимостью, за формализмом скрывается жаждащее сердце этой женщины. И Он бросает ей вызов как раз на уровне сердца: «Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит Тебе: дай Мне пить, то сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую». Иисус пользуется случаем, чтобы сказать, Кто Он и в чем Его притязание. Каким взглядом необходимо обладать, чтобы перед вызовами реальности и противоборствующими мнениями, не быть поверхностными! Мы сейчас находимся в таких же точно обстоятельствах, между противоречащими друг другу идеологиями, и можем согласиться и дальше оставаться в силках одной из них. Самарянка делает вид, будто не понимает, не улавливает вызова: «Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодец глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова?» Иисус не отступает и еще упорнее настаивает: «Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать вовек, но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». Кто же может претендовать на то, чтобы утолить всю жажду человеческого желания и предложить себя в качестве воды, полностью удовлетворяющей ее? Кто может иметь подобное притязание? Лишь Он, лишь Господь. Таким образом, перед настойчивостью Иисуса проявляется человечность той женщины, потому что человек выходит на поверхность только тогда, когда оказывается перед реальным вызовом, перед чем-то по-настоящему исключительным, наконец-то соответствующим его ожиданиям. Самарянка сдается: «Господин! Дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать»⁹¹.

Таково присутствие Иисуса, присутствие, использующее что угодно, чтобы явить Свою инаковость. Мы избраны и призваны стать друзьями Иисуса и в любой ситуации, перед лицом любого вызова реальности свидетельствовать о ином взгляде, более человечном, более способном улавливать все факторы человеческого опыта – нашего и других людей. Лишь любовь к Иисусу, плод долгой совместной с Ним жизни, может перед любым вызовом выявить в нас ту инаковость, которая указывает на Его присутствие в действии.

Если мы этого не понимаем, наша активность или наши реакции примут без всякой критики позицию других людей – благодаря словам отца Джуссани мы видели, как такое случалось в прошлом. Мы простодушно обманемся и посчитаем себя в состоянии с помощью этики ответить

⁹¹ Ср. *Ин*, 4, 9–15.

на культурные и общественные вызовы, где на карту поставлено представление о человеке. Но хватит ли этического призыва, чтобы не прервать беременность, когда заведомо известно, что ребенок проживет лишь несколько часов? Хватит ли ободряющих советов завести детей, чтобы люди решились на это? Каждый может совершить проверку в рамках собственного опыта. Мы бы хотели ответить на антропологические вызовы с помощью этики, тогда как единственный ответ – встреча (способная пробудить «я»), от которой, в частности, рождается и этика: единственный ответ – «историческая толща христианского факта»⁹², иное присутствие в мире, свидетельство о чем-то, «что уже свободно»⁹³ и выражается оригинальным образом, не позволяя мирской шаблонной диалектике навязывать себе поле игры. Поэтому, если мы действительно желаем изменений в себе и вокруг нас, необходимо «заниматься христианством»⁹⁴, то есть «быть присутствием, <...> созидать там, где мы находимся, кусочек новой человечности, проделывающей путь»⁹⁵.

Наш друг, который столкнулся с вызовом человека в коляске, искавшего работу, так заканчивает свой рассказ: «Встретив его через три года, я спросил, что произошло в отношении с теми двумя друзьями, которые сопровождали его все это время. Он ответил: “Они открыли передо мной будущее”. – “И помогли найти работу?” Он сухо сказал: “Нет”. – “Тогда что же они сделали?” – “Дали мне начало, то есть путь, дали мне цель”. И тут у меня возник вопрос: кто Ты, позволяющий такое? Кто Ты, пробуждающий “я”, несмотря на кажущееся невезение, пробуждающий его настолько, что оно способно полностью осознать себя? Никто из множества людей, нашедших работу, никогда не говорил ничего подобного».

Если взгляд Христа не порождает нас вновь и вновь в настоящем, мы не сможем уловить критическую точку современной культуры, которой мы часто приобщаемся, о чем свидетельствует отчужденность, описанная отцом Джуссани. Она заключается в близоруком рассмотрении глубинных человеческих потребностей. Не понимая бесконечного масштаба нужд, составляющих сердце каждого человека, наша культура в итоге предлагает – и на материальном уровне, и на уровне существования и привязанности – умножение до бесконечности частичных ответов. Но, как напоминает Чезаре Павезе, «в удовольствиях человек ищет бесконечного, и никто никогда не отказался бы от надежды этой бесконечности

⁹² L. Giussani. *La lunga marcia della maturità*. Op. cit. P. 62.

⁹³ Отсылка к тексту встречи, запись которой войдет в книгу: L. Giussani. *In cammino (1993–1998)*, готовящаяся к публикации в миланском издательстве BUR.

⁹⁴ L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo (1991–1992)*. Milano: BUR, 2013. P. 326.

⁹⁵ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 62.

достичь»⁹⁶. Поэтому умножение, даже непомерное, «ложных бесконечностей (выражаясь словами Бенедикта XVI)⁹⁷ никогда не удовлетворит нужду, природа которой – бесконечность. «Беспокойное сердце» человека нельзя удовлетворить путем количественного накопления благ и опыта или с помощью неограниченного преобразования субъективных желаний в права. С другой стороны, и призывы этического характера не в силах освободить человека от умалений, вернуть ему адекватное осознание самого себя. Единственный ответ, как доказал нам Джуссани, – это событие, способное пробудить «я», породить его заново. Поэтому столь важна школа общины: «Иисус всем Своим существованием выражает пламенную любовь к отдельному человеку, стремление сделать его счастливым, что заставляет нас рассматривать ценность человеческой личности как нечто безграничное, неустрашимое. Проблема существования мира – это счастье отдельного человека. “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?” Никогда материнская или отцовская любовь, какой бы сильной и нежной она ни была, не охватывала человеческое сердце более, чем слово Христа, проникнутого пламенной любовью к жизни человека. Впрочем, размышление над высшими вопросами, поставленными Иисусом, – это первое послушание нашей природе. Если мы глухи к ним, то наиболее важные человеческие переживания для нас закрыты. Мы не сможем любить самих себя. Мы будем неспособны любить кого-либо другого. Ибо конечная движущая сила нашей любви к себе и другому – тайна “я”; любая другая причина является лишь предпосылкой»⁹⁸.

Мы ничем не отличаемся от остальных. Если нас вновь и вновь не пробуждать, то и мы в конце концов подчинимся всеобщему менталитету. Будучи такими же бедолагами, как и другие, станем искать свершения в карьере и успехе – явный знак умаления желания. Что же делает нас иными?

Один друг пишет мне: «Дорогой Хулиан, с тех пор, как я услышал твою лекцию, прочитанную в субботу после обеда на встрече ответственных Латинской Америки, меня буквально трясет! Когда ты только начал говорить, я хотел подняться и уйти и спрашивал себя, где оказался. Что значит возвращение к истокам на фоне многовековой истории Церкви? Или необходимость бороться за христианские ценности?! Однако после первого впечатления и особенно после цитаты Джуссани: “Мы на протяжении десяти лет работали над христианскими ценностями, <...> не познавая

⁹⁶ С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino: Einaudi, 1973. P. 190.

⁹⁷ Ср. Бенедикт XVI. *Послание на XXXIII Митинг за дружбу между народами*. 10 августа 2012 г.

⁹⁸ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 112–113.

Христа”, – я слегка ослабил оборону, благодаря чему смог вновь пережить и лучше понять один случай, произошедший незадолго до моей женитьбы. Вместе с будущей женой мы решили, что после свадьбы она уволится и переедет со мной за границу. Нас весьма пугала мысль о возможной скорой беременности, ведь, живя только на мою зарплату, мы бы такое не потянули. За несколько дней до свадьбы моя невеста, принимая во внимание ситуацию, спросила, стоит ли нам ограничиться лишь естественными методами. Не задумываясь о последствиях, я сказал ей: настоящая проблема в том, что, если мы не готовы принять детей, то, по сути, мы не готовы и к браку... Я помню, что тогда думал лишь о вопросе священника во время церемонии: “Готовы ли вы принимать с любовью детей, которых Господу угодно будет даровать вам?” Слушая тебя, я снова пережил тот момент и спросил себя: что в сложившейся ситуации сделало меня свободным и позволило “рискнуть” самым желанным на свете? Сразу же стало ясно: одного только уважения “христианских ценностей” оказалось бы недостаточно, чтобы поставить на карту предстоящий брак, о котором я так давно мечтал. Меня освободило не уважение христианских ценностей, а желание не отделяться от Христа, желание позволить Христу войти в самую сердцевину нашего брака, ощущение, что без Него не стоило жениться. Продолжаю думать о твоей лекции и задаваться вопросом: кто когда-либо говорил со мной таким образом, так истинно? Кто заставлял меня так трепетать? Кто помогал мне по-настоящему улавливать соответствие Христа моей жизни? Какая нежность по отношению ко мне! Спасибо».

Отец Джуссани, как и Папа Франциск сегодня, только и делал, что возвещал нам красоту веры и свидетельствовал о ней, показывая ее разумность с помощью плодов, которые она приносит в жизни. Вот почему Папа настаивает на необходимости сообщения миру того, в чем для нас заключается суть вещей. Можете ли вы предложить нечто более разумное и созвучное реальной человеческой ситуации? Послушайте, что Папа Франциск сказал епископам: «Вы храните доктрину не ради того, чтобы мерить, как далека жизнь мира от истины, в ней содержащейся, а чтобы очаровать мир, обворожить его красотой любви, увлечь его предложением свободы, дарованной Евангелием. Церковь не нуждается в защитниках по собственным делам или в крестоносцах на поле собственных битв, ей требуются смиренные и доверчивые сеятели истины, которые знают, что она постоянно вновь им препоручается, и которые доверяют ее силе»⁹⁹. Лишь свидетельство и рассказ о том, чем живешь, как сказал

⁹⁹ Франциск. *Речь на собрании Конгрегации по делам епископов*. 27 февраля 2014 г.

нам кардинал Скола¹⁰⁰, могут сделать христианство привлекательным – сегодня как и вчера, вновь породить «я» и освободить человека.

Одна подруга пишет: «Во время обсуждения закона об эвтаназии в Бельгии вдруг выступил один коллега, которого я знала только внешне. По его мнению, правильна эвтаназия новорожденных с тяжелыми нарушениями, когда с момента рождения понятно: ребенок никогда не сможет ходить и, вероятно, даже говорить, не сможет действовать самостоятельно. В общем, спрашивал он, что это за жизнь? Такие дети никогда не будут счастливы! [Тут на кону вопрос о смысле жизни.] Тогда я, до сих пор говорившая лишь банальности, не доходя до подлинного суждения, присоединилась к дискуссии и рассказала о своей дочери-инвалиде, которая находится как раз в описанных моим коллегой условиях и, тем не менее, счастлива, из чего видно, что счастье не прямо пропорционально тому, насколько человек “качественный” и способен самостоятельно совершать определенные действия, ведь не мы сами даем себе счастье. А еще я добавила, что, несмотря на трудности, дочь всегда была и продолжает быть для меня великим даром, поскольку ее очевидная всецелая зависимость напоминает о том, что мы в руках Иного. Затем я рассказала о некоторых событиях, произошедших в эти годы и ясно показавших, как ее присутствие обогатило тех, кто с ней встретился. После моей истории ни у кого не осталось возражений, и лед в нашей беседе тронулся. Спустя неделю тот коллега встретил меня, сказал, что хочет поговорить и пригласил на чашку кофе. <...> Он признался: “Я не могу выкинуть из головы вопрос: как ты могла рассказать о дочери таким образом и, самое главное, как в твоих обстоятельствах ты отважилась завести других детей. Для меня подобное за гранью понимания! <...> Эта мысль постоянно возвращается ко мне и не оставляет в покое”. Его признание глубоко тронуло меня и я спросила себя: “Что увидел благодаря мне мой коллега, из-за чего он лишился покоя?” Дело, конечно, не в моей речи, а в исключительном Присутствии [превосходящем меня], которое столь поразило его. А значит, это и для меня возможность увидеть, как вновь происходит Его присутствие! <...> Для меня такое пребывание в реальности непривычно. Раньше, участвуя в похожих спорах, я всегда злилась, но не набиралась смелости сказать что-либо и только думала со злостью, как люди могут рассуждать подобным образом. В этот же раз я смогла встретить обстоятельства лицом к лицу, помня истину о себе самой, бла-

¹⁰⁰ Ср. А. Скола. *Слова, произнесенные после проповеди по случаю IX годовщины смерти отца Джуссани и XXXII годовщины признания Святым Престолом Братства «Общениа и освобождения»*. Милан. 11 февраля 2014 г.

годаря пути, который проделываю, следуя за тобой и работая над школой общины. Я начинаю пребывать в реальности, ничего не отбрасывая, и уверена: все события являются прежде всего благом для меня, а другие люди – возможностью, которую Иисус дает, чтобы я могла углубить отношение с Ним. В результате я более довольна!»¹⁰¹

Вот какова суть вещей и ее роль в истории. «В обществе, подобном нашему, что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни: никакие структуры, организации или инициативы для этого не годятся. Лишь жизнь, иная и новая, способна в корне изменить структуры, отношения, в общем, все. А жизнь принадлежит мне, целиком и полностью мне»¹⁰². Поэтому лишь тот, кто соглашается проделать путь, подобно Петру, сможет внести реальный и подлинный с культурной точки зрения вклад в разрешение злободневных вызовов. Освобождение приходит только со стороны чего-то, что уже свободно, то есть благодаря христианской общине, не лишенной своего исторического измерения (культуры, милосердной любви и миссии), способности порождать и воспитывать пробужденное «я». От первого замиранья сердца и до сегодняшнего дня. В этом и заключается культурное значение тех глаз, того взгляда, который вошел в историю и о котором свидетельствует школа общины: «Иисус Христос пришел, чтобы вновь призвать человека к истинной *религиозности*, без которой всякое притязание разрешить проблему обращается в ложь», потому что христианская религиозность есть «*единственное условие человечности*»¹⁰³.

Теперь мы можем лучше понять значение такого простого повседневного жеста, как чтение молитвы Ангел Господень. Он в том, чтобы каждый раз впускать в наш взгляд, в наше сердце, в наши мысли суть вещей.

Ангел Господень

¹⁰¹ Ср. Lettera di Anna. *Tracce-Litterae communionis*. Aprile. 2014. P. 6.

¹⁰² Movimento, “regola” di libertà. Op. cit. P. 44.

¹⁰³ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 133, 116.

Суббота, 5 апреля, день

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Симфония № 38 («Пражская»)

Карл Бём – Венский филармонический оркестр

Deutsche Grammophon

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

Дорога к зрелости

Почему произошло все, о чем мы говорили сегодня утром?

«Причина, в конечном счете, [как уже было сказано] в том, с каким трудом <...> христианский опыт становится зрелым <...>. Эта позиция в течение долгого времени и разными способами оставалась запертой в пределах незрелости из-за недостаточного развития <...> нашего опыта». Поэтому, говорил отец Джуссани, «настоящая наша проблема – в том, чтобы преодолеть незрелость»¹⁰⁴.

Что он подразумевает под незрелостью? Незрелость означает слабость самосознания. Самосознание не развивается, не растет. И каково же содержание этого самосознания, которое не развивается? Оно касается того, что произошло с нами во встрече со Христом. «Именно отсутствие такого самосознания, осознания того, что произошло со мной во встрече со Христом, осознания того, что, даже если мир <...> изменится, я не поколеблюсь, поскольку <...> этот факт определяет мою плоть, мою кровь, мой дух, все мое бытие <...>, – именно отсутствие такого сознания <...> прочно вошло в плоть в том числе и тех, кто остался верен нашей истории, и потому их движения и манера говорить одеревенели, <...> их самоотдача стала машинальной и в общем-то ничего уже не порождает»¹⁰⁵.

Вот почему, если то, что мы переживаем, не позволяет возрастать нашему самосознанию, мы цепенеем и начинаем действовать по схемам. Слабость самосознания переходит, по словам отца Джуссани, ссылавшегося на упомянутые этапы истории, «в машинальную верность форме. Поэтому на протяжении долгого времени вперед продвигались – особенно на воспитательном уровне – конформизм, схематизм и некоторая бесплодность»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ L. Giussani. La lunga marcia della maturità. Op. cit. P. 66, 68, 70.

¹⁰⁵ Там же. P. 69.

¹⁰⁶ Там же.

Этот формализм (подушаем, к примеру, о том, как мы проводим школу общины или участвуем в определенных жестах) указывает на то, что переживаемое не становится опытом. Но ведь отец Джуссани начал Движение как раз ради того, чтобы вера превратилась в опыт. А значит, если преобладает формализм, мы не избавились от риска растерять харизму по пути.

1. Как выйти за пределы незрелости?

Как мы можем выйти за пределы незрелости? Нужно, чтобы все переживания позволяли возрастать нашей личности, нашему сознанию. В противном случае мы будем встречать новые вызовы, от которых никто нас не избавит, так, словно с нами ничего не произошло, то есть как все остальные.

Чтобы понять, о чем я говорю, рассмотрим вместе опыт апостолов, сталкивавшихся с теми же самыми затруднениями.

«Ученики Его забыли взять хлебов и кроме одного хлеба не имели с собою в лодке. Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой. И рассуждая между собою, говорили: это значит, что хлебов нет у нас». Какое снижение планки! «Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменело у вас сердце? *Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите?*» Что такого они видели раньше, о чем позабыли, что не оставило и следа, что не осталось в их взгляде и сердцах? «И не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? <...> двенадцать. А когда для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? <...> семь. И сказал им: как же не разумеете?»¹⁰⁷

Ученики были свидетелями двух ошеломительных, потрясающих фактов, двух случаев умножения хлебов, с какими никогда в жизни не сталкивались, но они не осознали всю их важность, а потому не возросли в отношении с Ним и встречают новый вызов, банальность – у них нет хлебов, не глядя сквозь призму произошедшего. Они были с Ним, видели, как Он умножил хлебы, но их сознание о том, Кем являлся Иисус, не выросло, и они беспокоились об отсутствии хлеба, а ведь у них под рукой был целый «хлебозавод». Такова и наша проблема. В учениках преобладает беспокойство о хлебе, которого нет. Присутствие Иисуса, находившегося там, физически присутствовавшего (Он не был где-то еще, не «растворился» в спиритуализме), равнялось нулю перед лицом очередного вызова. Поэтому ничем не

¹⁰⁷ Мк 8,14–21.

оправданы наши жалобы о том, что сегодня Он не присутствует, как тогда. Он присутствовал! Но физического присутствия оказалось недостаточно. Если мы не возражаем в сознании о том, кем является Присутствующий, Его физического присутствия не хватит, чтобы определить новый, отличный от других способ принимать вызовы. Без роста сознания о том, Кто такой Иисус, даже присутствуя физически, Он ничего не значит и мы действуем, как и раньше, до встречи с Ним.

«Иисус с учениками Своими удалился к морю; и за Ним последовало множество народа из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи и из-за Иордана. И живущие в окрестностях Тира и Сидона, услышав, что Он делал, шли к Нему в великом множестве. И сказал ученикам Своим, чтобы готова была для Него лодка по причине многолюдства, дабы не теснили Его. Ибо многих Он исцелил, так что имевшие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его. И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты Сын Божий. Но Он строго запрещал им, чтобы не делали его известным»¹⁰⁸.

«Вечером того дня, – говорится в другом отрывке, – сказал им: переправимся на ту сторону. И они, отпустив народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки. И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина. И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры? И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?»¹⁰⁹ Они не поняли, Кем был Иисус, и в них побеждал страх. Они видели, как он совершал удивительные действия, но ничего не изменилось, все, что они видели, не оставило в них и следа. Неуверенность заставляет их волноваться. Реакция учеников рождается от страха: «Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?»

Если сознание об Иисусе не возрастает, все наши попытки не избавляют нас от страха. Ответить на страхи может не «делание», но растущее сознание о том, Кто такой Иисус: это проблема веры. Тут, друзья мои, на карту поставлена вера. Но речь идет не о вере как о чисто формальном утверждении, на которое все способны. Не это порождает инаковость. Инаковость не в формальном утверждении догм, а в переживании наших слов на опыте. И она видна в том, как мы пребываем в реальности, потому что реальность, столкновение с ней, позволяет нам проверить пережитый опыт – не бого-

¹⁰⁸ Мк 3, 7–12.

¹⁰⁹ Мк 4, 35–41.

словие, которому мы научились, и все те разы, когда мы участвовали в школе общины. Опыт выходит на первый план перед лицом вызовов, ведь мы, подобно апостолам, можем наблюдать исключительные факты (о скольких мы рассказываем друг другу на наших встречах!), но это не прибавляет сознания о Нем, не развивает отношения с Ним. Наше самосознание, сознание о том, что произошло с нами благодаря Христу, не растет.

Один человек пишет: «На работе я замечаю, что смотрю на реальность не так, как мой начальник. Но часто я не дохожу до того, чтобы признать, что это Он допускает, и потому благодарить Его. Вот почему даже мой опыт не укрепляет отношение с Ним. И я понимаю это, ведь день спустя достаточно, чтобы кто-то не проявил признательности или доброжелательности – и ты падаешь духом». И тогда возникает вопрос: если подобное происходит после многих фактов, для чего же нужна вера? Зачем быть христианином? Когда человек переживает веру формально, не проделывая реального опыта, у него нет никаких причин оставаться.

Здесь мы можем по-настоящему уловить, в чем наша проблема, что это за незрелость, о которой говорит Джуссани: с нами произошла встреча, мы за ней последовали (о чем свидетельствует тот факт, что мы здесь), увидели исключительные факты, но все это не укрепляет нашего отношения со Христом. И в чем состоит проверка сказанного? В том, что наше «я» не растет. Откуда мы это знаем? Из того, что пребываем в реальности так, словно ничего не видели, прямо как ученики. Вот пример формализма, автоматизма, с позиции которых мы переживаем даже исключительные факты.

То же самое может произойти с нашей деятельностью: она не порождает личность, не позволяет созревать нашему самосознанию. Почему? «Деятельность остается оторванной от своего истока. <...> Многочисленность, а также успех стольких наших инициатив, – говорит отец Джуссани, – дали нам определенное чувство самодовольства». Но, поскольку деятельность остается оторванной от своего истока, «чем больше вы ей занимаетесь, тем сильнее ваша деятельность подавляет вызовы, инструментом которых должна бы являться, она не провоцирует вас больше. Чем вы активнее, тем меньше активность вас провоцирует. Более того, чем вы активнее, тем активнее устраняется столкновение, удар, вызов, которые несет в себе христианский факт»¹¹⁰.

Подтверждается это тем, продолжает отец Джуссани, что «деятельность не порождает личность, вследствие чего не становится зрелым наше мышление, а потому отношение с другими людьми остается лишь на уровне формальностей и слов и не выражается в предложении себя, нового себя,

¹¹⁰ L. Giussani. *Ciò che abbiamo di più caro (1988–1989)*. Milano: Bur, 2011. P. 142–143.

нового «я», видя которое «слышишь: “Ты отличаешься от остальных! Как тебе удастся? Как этому человеку удастся быть таким?”»¹¹¹ Когда нет нового «я», весть существует на уровне слов, разговоров. И что нам тогда остается? «В моих руках осталась лишь сожженная земля <...>. Остается только сожаление о зря потраченном дне».¹¹²

Мы столько раз видели исключительные факты, участвовали в стольких жестах, которые не можем не признавать прекрасными, занимаемся столькими делами, но ничто из этого не порождает личность. И потому все наши действия выражают страх, экзистенциальную неуверенность, а не новое «я». Почему? Потому что мы не приобретаем опыт: все дела, которые мы делаем, и события, которые наблюдаем, будучи оторванными от истока (не связанными в нашем сознании с истоком), не помогают нашей личности возражать, не меняют наше мышление, не порождают личность, не способствуют персонализации веры. Недостаточно делать, недостаточно видеть: необходимо, чтобы это становилось «опытом».

Поистине человек куда сложнее привычных схем. Поэтому отец Джуссани всегда говорил нам: «Ожидайте пути, а не чуда, которое избавит вас от ответственности, уничтожит ваши трудности, сделает машиной вашу свободу. <...> В этом глубокое отличие от того, что было раньше, от пути, проделанного вами до сих пор: глубокое отличие в том, <...> что теперь ты не сможешь следовать за нами, если не будешь стремиться понять. <...> Теперь ты должен будешь по-настоящему полюбить <...> жизнь и ее судьбу»¹¹³. В противном случае даже принадлежность самому прекрасному событию, произошедшему в нашей жизни, разочарует нас. То же говорил и Папа Франциск о святом Петре.

Почему факты не укрепляют уверенность «я»? Почему то, чем мы живем, предпринимаемые нами инициативы не цементируют отношение с Ним и, следовательно, не помогают ответить на вопрос о том, как жить? Нехватка опыта выявляет проблему метода.

Когда что-либо из переживаемого нами не становится опытом, мы не растем и сводим опыт к автоматизму, не вынося суждения о том, что испытали. Из чего я понимаю, что действительно приобретаю опыт? Отец Джуссани говорит: «Если конкретно, приобретать опыт – значит жить тем, что позволяет мне расти. Таким образом, опыт способствует развитию личности посредством освоения объективного отношения. <...>

¹¹¹ Там же. Р. 143–144.

¹¹² С. Chieffo. La guerra. Песенник. М., 2006. С. 173.

¹¹³ А. Savorana. Vita di don Giussani. Op. cit. Р. 636.

Поэтому “опыт” связан с осознанием собственного роста¹¹⁴. Если ученики не отдадут себе отчета в том, Кто открылся им в умножении хлебов, если не понимают (ведь нельзя сказать, будто мы ничего не видели), что за этим стоит, то перед лицом нового вызова они вновь начинают сначала. Почему так важно это осознание роста, являющееся отличительной чертой опыта? Потому что «личность есть в первую очередь сознание. Поэтому опыт характеризует не столько действие, машинальное установление отношения с реальностью: ошибочна привычная фраза “испытывать на опыте”, где “опыт” становится синонимом слова “попробовать”. Опыт характеризуется пониманием вещей, открытием их смысла. Следовательно, опыт подразумевает постижение смысла вещей. А смысл вещи открывается в ее связи со всем остальным, и потому опыт означает открытие того, для чего эта вещь нужна в мире»¹¹⁵.

Вот почему отец Джуссани всегда уделял так много внимания методу. С самого начала своей воспитательной деятельности он говорил: «Мы хотим – это наша цель – освободить молодых людей: освободить молодых людей от умственного рабства, от уподобления, которое на уровне мыслей превращает их в рабов других». Чтобы помочь им, отец Джуссани пришел в школу и сказал ребятам: «Я здесь не ради того, чтобы вы усвоили идеи, которые я вам предлагаю [об этом мы сейчас думаем: «Важно, чтобы наши ребята “считали” своими наши идеи; в этом мы обретаем покой, только вот потом ничего не остается]», но чтобы научить верному методу суждения о том, что я говорю [то есть вынесению суждения обо всем, что происходит в жизни]. Уважение этого метода с самого начала обозначило нашу воспитательную деятельность и ясно определило ее цель»¹¹⁶. Цель воспитательной деятельности отца Джуссани, ради которой он променял «теологический рай» на «чистилище работы в этой жизни»¹¹⁷, заключается в том, чтобы «показать неотъемлемость веры от потребностей жизни»¹¹⁸. Если же мы не улавливаем неотъемлемость веры от потребностей жизни, у нашей веры появляется срок годности.

Отец Джуссани стремился показать неотъемлемость веры от потребностей жизни, чтобы ребята, к которым он обращался, увидели, лично убедились, что предлагаемое им отвечает на неотложные проблемы бытия, на вопрос: «Как возможно жить?» Отец Джуссани говорит нам, почему он пришел к такой убежденности: «Благодаря воспитанию, полученному в семье

¹¹⁴ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М., 1997. С. 130.

¹¹⁵ Ср. там же. С. 130–131.

¹¹⁶ Ср. там же. С. 24.

¹¹⁷ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 146.

¹¹⁸ Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 24.

и семинарии, и последующим моим размышлениям, я глубоко убедился в том, что вера, которая не может быть обнаружена и обретена в опыте настоящего и подтверждена им, которая не принесит пользы в ответе на насущные потребности [то есть в ответе на вопрос: «Как возможно жить?»], такая вера не в силах устоять в мире, где все, *все* противоречило и противоречит ей»¹¹⁹. Необходимо было продемонстрировать «неотъемлемость» и указать метод, позволяющий открывать ее (иначе говоря, выносить суждение). Поэтому мы вновь поместили эту фразу на пасхальный плакат Движения: каждое слово в ней надлежит еще выучить на опыте.

Когда человек начинает отдавать себе отчет в важности метода, он постепенно становится благодарным за то, что перед ним лежит путь, который предстоит пройти, благодарным за существование пути; ошибки не исчезают, но путь куда значительнее ошибок. Кто хочет, тот может преодолеть его, и ему не нужно ничего, кроме желания идти, кроме любви к самому себе, достаточной для такого желания, ведь нам дано все, чтобы мы могли идти. Один из вас пишет: «Сознание, что путь существует, меняет все, в противном случае в любой сложной ситуации ты цепенеешь и убеждаешь себя, что жизнь тебя просто-напросто оставила в дураках». Но порой, даже отдавая себе в этом отчет, мы не в состоянии избежать того, что характеризует современного человека, – сомнения!

И как же тогда нам достичь уверенности? Нужно проделывать человеческий путь!

2. Факторы человеческого пути

Четко определив проблему, посмотрим теперь, каковы факторы человеческого пути. Обычно мы совершаем одну и ту же ошибку: факторы известны, но нам кажется, будто они относятся «только» к началу. Мы знаем, что необходимо сердце, необходима встреча с исключительным фактом, необходимо переживать опыт соответствия, но считаем все это присущим лишь началу. Сердце требуется, чтобы признать Христа, но, как только оно Его признало, дело в шляпе. На наш взгляд, все перечисленное не относится к пути. И потому мы часто не совершаем работу, не идем по пути. Это видно из того, что не прибавляется опыт, не растет самосознание.

Для отца Джуссани указанные факторы важны не только вначале, они являются факторами пути, и, соответственно, ими отмечен каждый шаг. Мы видели это в восьмой главе школы общины: отец Джуссани говорит не

¹¹⁹ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 24–25.

о том, что нужно прежде встречи с Движением, что имеет значение еще до нее. Он рассказывает о пути, благодаря которому ученики смогли признать Его, и о том, что облегчает признание. Работа на школе общины над восьмой главой книги «У истоков христианского притяжения» показала нам, насколько это не само собой разумеется. Мы увидели, как трудно ответить на вопрос, Кем является Иисус, уловить экзистенциальное и культурное богатство главы в ответе на вызовы нашего настоящего. И потому с легкостью сводим ее к спиритуализму. Во время моей поездки в Бразилию один юноша говорил о ситуации в Венесуэле, и я спросил его: «Как твои слова связаны с восьмой главой?» Он посмотрел на меня с изумлением, словно они не имели к главе никакого отношения. Если школа общины сведена к спиритуализму, лишена своей исторической толщи, своего культурного значения, что тогда остается? Только текст, который можно комментировать. А культурные инструменты для разрешения вызовов мы ищем в других местах. Но в таком случае лучше сразу закрыть книгу и отправиться куда-нибудь еще. Умалая восьмую главу до спиритуализма, мы не понимаем ее важности, ее новизны и в результате сами становимся частью проблемы. Наше «я» недостаточно пробуждено и не улавливает новизны.

Еще раз кратко опишем факторы человеческого пути.

А. Сердце

Первый фактор – сердце, то есть сознание о самих себе, о собственном желании смысла, сознание, что у нас есть вопрос – а еще лучше, что мы сами являемся вопросом о том, как возможно жить. Первый инструмент человеческого пути – осознание самих себя, собственного желания, потребности в смысле, необходимости в адекватной цели и в пути, позволяющем этого смысла достичь, уверенности при встрече с обстоятельствами, проблемами, противоречиями. Ведь жизнь не протекает сама собой, без смысла все теряется, все происходящее ни на что не годится: мы можем наблюдать прекрасные факты, но они не помогают встречать жизнь лицом к лицу. Отец Джуссани всегда определял сердце как настоящее оружие, но только если оно не сведено к чувствам. По этой причине отец Джуссани настаивал – как свидетельствует множество эпизодов из его жизни, описанных в книге Савораны, – на сердце, на наших потребностях, на наших человеческих вопросах.

«Когда я организовал первую встречу священников, – вспоминал он, – первый же из выступавших сказал мне: “Что бы вы посоветовали нам, молодым священникам?” – “Будьте людьми!” <...> “Как это, быть людьми?!” – “Будьте людьми! <...> Если вы будете людьми, то сможете чувствовать то, что присуще человеку, характерные для него потребности и пробле-

мы, жить отношением со всем, что становится присутствующим и озаряет вас. То же самое он говорил и одной девушке из *Memoires Domini*: «Отвечаю тебе аналогичным образом: будь человеческой, живи истиной о твоей человечности. Твоя человечность не в том, что ты сейчас делаешь, а в том, как тебя создал Бог, позволив тебе родиться от чрева твоей матери. <...> Будь человеческой, [а значит] переживай твою человечность как устремление, как чувствительность к проблемам, как необходимость рисковать, как верность тому, что побуждает тебя изнутри твоей души, что благодаря Богу изначально побуждает тебя изнутри твоей души; и таким образом <...> [смотрите, какое он делает наблюдение: если твоя позиция такова, если в тебе есть эта неотложная нужда] реальность предстанет перед твоими глазами в своем истинном облике. Чтобы Бог мог мне ответить, соответствовать, чтобы мог меня удовлетворить, нужно быть тем, кем Он меня сотворил»¹²⁰.

Вот почему – в противоположность тому, что мы думаем, – моя человечность, твоя человечность не являются препятствием, неудобством. Они представляют собой условие понимания. Куда смотрит отец Джуссани, когда говорит так? Чему он послушен? Своей природе, тому, как Бог сотворил его, создал его и каждого из нас. И как же Он нас сотворил? Бог сотворил нас как «совокупность потребностей и очевидностей, сопровождающих человека в сравнении со всем сущим. Природа вовлекает человека во всеобъемлющее сопоставление себя с самим собой, с другими, со всем окружающим, наделяя нас орудием этого всеобъемлющего сравнения – совокупностью изначальных потребностей и очевидностей, настолько первичных, что все, что человек говорит и делает, зависит от них»¹²¹. Поразительно: Бог вовлек нас в борьбу, дав такое орудие, ведь, используя сердце, сверяя все с ним, мы не можем ошибиться. Бог вовлек нас в борьбу, устроил нам очную ставку со всем существующим и дал нам такое орудие – наше сердце.

Сейчас мы можем понять решающую ценность предпосылки, помещенной в начале восьмой главы книги «У истоков христианского притязания», над которой мы работали на школе общины. Стоит перечитать ее. Чтобы понять ценность личности по ее поступкам и вынести о ней суждение, требуется «человеческая гениальность». Эта человеческая гениальность не какой-то особый дар, а наша с вами человечность, самоощущение сотворенного существа. И в чем же проблема? В том, что мы зачастую сводим нашу природу к состояниям души, а гениальность к спонтанности: «Каждый из нас должен вовлекаться в ту крайнюю открытость духа, которую мы назвали религиозной гениальностью, несмотря на разницу природных

¹²⁰ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Milano: Bur, 1996. P. 61–62.

¹²¹ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 10.

данных, которая нас отличает. И здесь велика ответственность воспитания: способность к пониманию <...> спонтанно не проявляется. Более того, если рассматривать ее как чисто спонтанное начало [что обычно и случается на уровне общепринятого мышления], исходная чувствительность, на которой она основана, будет задущена; сведение религиозности к чисто спонтанным проявлениям – это самый окончательный и тонкий способ ее преследования, это превознесение ее наиболее зыбких и преходящих аспектов, вызванных сиюминутной сентиментальностью. [Поэтому, если мы не вовлекаемся] если постоянно не подстегивать чувствительность к нашей человечности и не упорядочивать ее, то ни одно событие, сколь бы очевидным оно ни было, не найдет в ней соответствия [ни одно событие ничего нам не скажет; могут произойти исключительные факты, но мы ничему не научимся, они не укрепят отношение ни с чем, не принесут никакой пользы]. Так или иначе все когда-нибудь испытывали чувство тупой отчужденности от реальности, которое охватывает нас, когда мы просто плывем по течению, когда не предпринимаем никаких усилий: неожиданно вещи, слова и поступки, которые прежде были логичными и мотивированными, перестают быть таковыми, становятся непонятными»¹²². И человеку кажется, что он начинает все с нуля, словно произошедшее совершенно ему не пригдилося.

Соответственно, первый шаг, первый фактор человеческого пути заключается в том, чтобы принять всерьез нашу человечность, постоянно работать над ней, решиться пребывать в том месте, где нас учат осознавать ее. Приглашая нас к такому непрестанному сопоставлению, отец Джуссани просто следует за Христом, Который, в Свою очередь, поддерживает все то, что сотворил Бог, когда дал нам эту совокупность изначальных потребностей и очевидностей.

Если мы не работаем над нашей человечностью, если не внимаем конечным вопросам, заданным Иисусом («Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»¹²³), то препятствуем приобретению наиболее значительного человеческого опыта, как мы уже говорили сегодня утром. Наша человечность сводится к самым переменчивым аспектам, к чувствам, к состояниям души. Увы, часто наше «я» сводится к такому клубку чувств и настроений. И потому человек в конце концов может сказать: «Я больше не вижу в моей человечности ресурса, помогающего проделывать путь, а сердце не такой уж безошибочный критерий суждения». Налицо серьезное ослабление

¹²² Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 110.

¹²³ Мф 16, 26.

сознания, восприятия собственных желаний и критических способностей. То есть, когда желание, являющееся критерием суждения, умалется, само суждение становится хрупким и неуверенным.

Мне вспомнилось, с какой точностью отец Джуссани описывал разницу между ребятами, с которыми он встретился в пятидесятых, и поколением, выросшим тридцать лет спустя, в восьмидесятые (представьте, сколько всего случилось с той поры, насколько ухудшилась ситуация, в том числе и по сравнению с тем, что было три десятилетия назад, когда я встретил Движение): «Разница [заключается] в большей слабости сознания, наблюдаемой сейчас»¹²⁴, и ее можно увидеть в сегодняшних молодых людях.

В чем выражается эта слабость сознания? В нехватке осознания того факта, что у меня есть критерий для вынесения суждения. Поэтому я не сознаю свою способность выносить суждение и безошибочность имеющегося у меня критерия и, как следствие, нуждаюсь в стороннем подтверждении, чтобы увериться в том, что переживаю. Отец Джуссани говорит, что речь не о «этической слабости [мы не менее последовательны, чем прежде, непоследовательность не проблема], а об энергии сознания»¹²⁵; слабость касается самой динамики сознания. Мы довольствуемся любым подобием ответа – настолько умалено наше «я». Замешательство – плод такого умаления.

Почему подобное случилось и с нами? Виной «пагубное влияние власти, общепринятого менталитета, играющее решающую роль». В чем оно состоит? Не нужно воображать бог знает что. Власть – инструмент, принимающий многообразные формы, посредством которого умалется человеческое желание. «В самом деле, как действует власть? Она стремится умалить желание [то есть наши изначальные потребности]. Умаление желаний или цензура в отношении некоторых потребностей, умаление желаний и потребностей – вот оружие власти»¹²⁶. Власть не в силах уничтожить то, что заложено в самой нашей структуре, в нашей природе, – изначальное ожидание и наше структурное ему несоответствие, но она может умалить его, лишит присущей ему простоты. И часто мы тому потворствуем. Отец Джуссани объяснял это с помощью следующего образа: «Нынешние молодые люди будто поражены черныбыльской радиацией: структурно организм такой же, как и прежде [внешне не видно никаких изменений], но динамика уже не та [словно у организма из-за радиации не осталось энергии]». Далее он говорит фразу, которую мы всегда должны помнить: «Больше как будто

¹²⁴ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Milano: Bur, 2010. P. 181.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. P. 181, 253–254.

не существует никакой реальной очевидности, кроме той, что в моде, ведь мода – [инструмент] проект власти»¹²⁷. Нет больше никакой реальной очевидности, и именно поэтому в нас часто преобладает сомнение, подозрение.

Вообразите, что значит жизнь без реальной очевидности, за которую можно ухватиться! Умножение замешательства, смятения. И оно происходит не потому, что мы недостаточно хороши: осторожно, тут вас поджидает искушение ограниченно воспринять наблюдение отца Джуссани и решить, будто мы просто недостаточно хороши и последовательны, будто мы не на высоте. Но отец Джуссани говорит о слабости, которая не имеет ничего общего с этической последовательностью. Она связана с сознанием, со способностью отдавать себе отчет в происходящем. Речь идет об очевидности. Он утверждает, что сегодня не существует больше никакой реальной очевидности. Пусть каждый из нас посмотрит, как действует, и тому найдется множество примеров.

Теперь становится понятно, почему даже христианская весть все с большим трудом становится убедительной жизнью, жизнью и убежденностью»¹²⁸. Поэтому, друзья, либо мы запасаемся терпением, спокойствием и терпением, чтобы проделывать путь (поскольку мы как будто отправились в него, изначально испытывая эту нехватку, мы будто родились в такой ситуации), предоставим самим себе все необходимое время, чтобы возвещенное нам стало убежденностью, либо довольно скоро разочаруемся. Обычно нетерпеливые, мы желаем, чтобы события происходили тотчас, нам хочется сразу же видеть результаты любого нашего действия. Но ничто не случается с такой скоростью, а потому метод Бога нас разочаровывает, и мы пытаемся срезать и достичь цели в краткие сроки. Так рождается утопия. Наша наивность заставляет нас всегда мечтать о других дорогах, которые кажутся нам более эффективными.

Тут нужно время, а мы поколение, жаждущее всего «здесь и сейчас», мы привыкли вставлять монетку в автомат и наблюдать, как вниз падает банка «Кока-колы». Нам сложнее смириться с тем, что путь требует времени (для предыдущих поколений размеренная жизнь была более естественной; средства сообщения были не такими быстрыми, а теперь, если нам не удастся подключиться к Интернету в течение двух минут, мы приходим в ярость!). Но это не должно нас пугать.

Вследствие описанной слабости, по словам отца Джуссани, «по-настоящему не усваивается то, что мы видим или слышим. Окружающая нас среда, господствующий менталитет <...>, власть производят в нас отчуждение от самих

¹²⁷ Там же. Р. 181–182.

¹²⁸ Там же. Р. 181.

себя». Слово от нас отрывают наше собственное бытие: «С одной стороны, мы остаемся отвлеченными в отношении с самими собой [не только с другими, но и с самими собой; подумаем о том, сколько времени каждый из нас способен выдержать наедине с самим собой, в тишине: нам нужно тут же сбежать, отвлечься; мы не в состоянии быть наедине с самими собой и чувствовать себя в своей тарелке], словно в нас закончился заряд привязанности <...>; с другой стороны, в противовес этому [внимание!], мы укрываемся в компании, как в некоем убежище»¹²⁹. Спасаемся, подобно героям Пасколи¹³⁰, у очага, чтобы не замерзнуть.

И здесь снова выявляется вся сила и все величие благодати, которой является для нас отец Джуссани. Первый фактор человеческого пути, на который он указывает (сообщая нам свою историю, опыт собственной человечности), связан с возможностью уловить ответ на вопрос, как жить. Неотложная потребность в воспитании касается в первую очередь вышеописанной нехватки реальной очевидности. Как мы видим на примере молодых людей, как видите вы в отношении с вашими детьми, бессмысленно нагружать их знаниями, если прежде мы не помогаем проявиться в их сознании этой реальной очевидности: любой ветерок развеет все, что мы насадили!

Как же выйти из подобной ситуации? Предложений в ходу совсем немного! В лучшем случае нам удастся проанализировать некоторые признаки проблемы, но когда нужно предложить вариант решения, наши предложения оказываются невероятно слабыми. Единственным ресурсом для тех, кто пока не хочет сдаваться, становится морализм, установление правил. Но хватит ли их? Каждый может ответить, исходя из собственной жизни. Спросим же себя: существует ли надежда – для нас, таких, какие мы есть, со всем нашим бессилием, в той ситуации, в которой находимся, не в начале пути, не до встречи со Христом, не до встречи с Движением, а сейчас, посреди брода? Существует ли для нас надежда?

Б. Факт

Да, надежда существует. Об этом нам свидетельствовали женщины, с которыми работает Роуз в Уганде, ведь некоторые факты говорят куда больше, чем любые наши возражения, они их побеждают. Заразившись СПИДом, потеряв волю жить и сознание ценности жизни, во встрече с Роуз те женщины обрели что-то, благодаря чему они смогли собраться с силами и начать заново, их жизнь получила новое начало. Жизнь опять обрела

¹²⁹ Там же. Р. 181–182.

¹³⁰ Ср. G. Pascoli. Il focolare. *Poesie*. Milano: Garzanti, 1994.

смысл, а они – желание принимать лекарства и жить. То же самое произошло с одним заключенным: ему придется провести в тюрьме еще долгие годы, но его жизнь началась заново, ведь кто-то взглянул на него не как все: «На меня никто никогда так не смотрел». Еще один пример: инвалид, которому не удастся найти работу, как мы уже говорили сегодня утром, снова начал жить, когда друзья помогли ему открыть, в чем заключается начало, цель, смысл.

Что становится очевидным, благодаря подобным фактам? «Ответ, что я собираюсь дать, касается не только [подходит не только] ситуации, в которой мы находимся. То, о чем я говорю, является правилом, универсальным законом с тех пор [и до тех пор], пока есть человек: личность вновь обретает себя в живой встрече, иными словами, в присутствии, с которым она сталкивается и которое излучает привлекательность, в присутствии», которое влечет за собой следующее утверждение: «То, из чего сделано твое сердце, существует»¹³¹. Именно это с самого начала уловили Магдалина и Закхей, благодаря чему сразу же прилепились к Нему: «То, из чего сделано твое сердце, существует». Откуда мы это знаем? Потому что в противном случае не прилепились бы. В самом деле, случается уйма вещей, но лишь некоторые из них захватывают нас.

Вот знак христианского события: оно воскрешает и наделяет силой то, что было затемнено, сердцевину изначальных очевидностей «я». Самый явный знак присутствия Христа – способность возвращать к жизни изначальные очевидности, из которых соткано наше сердце. Сердце, столь часто погруженное в сон, погребенное под грудой обломков, под завалами из нашей рассеянности, пробуждается, и ты вынужден признать: оно есть, сердце есть, твое сердце есть. У тебя появляется друг, в твоей жизни появляется друг в тот момент, когда это происходит, когда ты находишься перед кем-то, кто пробуждает в тебе тебя. Вот кто такой друг, все остальное не оставляет и следа.

Таков и закон нового открытия очевидностей, подлинных измерений человечности, «ценностей», таков путь осознания собственного исходного опыта: и для нас должна была произойти – и должна происходить по сей день – эта «живая встреча», побуждающее событие. А то, что необходимо нам, необходимо и любому другому человеку. «Я» вновь обретает само себя, наше сердце вновь оживает во встрече с присутствием, утверждающим, что «то, из чего сделано твое сердце, существует. Смотри, оно существует, например, во мне»¹³². Вот вернейшее доказательство существования твоего

¹³¹ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Op. cit. P. 182.

¹³² Там же.

сердца – иначе ни одному другу не удалось бы пробудить его. Чтобы вновь обрести себя, сердцу не нужны стратегии, достаточно просто столкнуться с описанным присутствием.

Поэтому Джуссани на вопрос: «Ваше педагогическое предложение опирается на религиозное чувство человека, не так ли?» – отвечает: «Сердцевина нашего предложения – это скорее возвращение свершившегося события, которое поражает людей точно так же, как две тысячи лет назад весть, принесенная ангелами в Вифлеем, поразила бедных пастухов. Событие, происходящее прежде любого рассуждения о религиозном или нерелигиозном человеке. Восприятие этого события возрождает или же укрепляет исходное чувство зависимости и ядро изначальных очевидностей, которое мы именуем “религиозным чувством”»¹³³.

Какая же слепота – не видеть в столкновении с присутствием дара, даже если мы продолжаем спать, даже если в нас еще не случилось того, что мы разглядели в этом присутствии, даже если то, чем оно живет, еще не стало нашим! Если я замечаю, как в другом человеке пробуждается сердце, то и для меня это событие становится благодатью и шансом: значит, подобное возможно! Если оно случилось с женщинами Роуз, то может случиться и с тобой. Если оно случилось с каким-то другом, с последним из пришедших, то может случиться и с тобой. Это возможно для тебя, возможно! И никакие утверждения, рассуждения, истолкования, никакие стратегии власти не могут ничего поделать с тем, что перед тобой находится человек, живой и присутствующий, чье сердце пробудилось. Никто не в силах этого отменить. Он как свет, как маленький огонек зажигалки: весь мрак вокруг не способен его угасить. Вот почему власть приходит в ярость – ведь никакая власть и никакая тьма не устранят его. Это и есть благодать отца Джуссани для нас. Он стал для нас таким светом: мы поняли, что у нас есть сердце, поскольку увидели, как оно существует в нем.

Отец Джуссани продолжает: «Парадоксальным образом подлинность собственной жизни обретаешь, когда замечаешь в себе [будьте внимательны!] нечто, существующее во всех людях [вот самое поразительное: наиболее личное и сокровенное я в действительности разделяю с любым человеком] и позволяющее тебе говорить с кем угодно, не оставляющее тебя отчужденным от кого-либо»¹³⁴. Человек вновь открывает собственную подлинную идентичность, сталкиваясь с присутствием, которое притягивает, поскольку осуществляет «соответствие жизни согласно целокупности ее измерений. Фактически личность вновь обретает себя, когда в ней утверж-

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. Р. 183.

дается присутствие <...>, соответствующее природе жизни, вследствие чего человек больше не одинок. <...> Однако же обычно в рамках повседневной реальности человек как «я» пребывает в одиночестве, от которого пытается сбежать с помощью воображения [и разговоров]. Это присутствие [соответствующее жизни] есть противоположность воображения, прямая противоположность».

Встреча, позволяющая человеческому «я» вновь открыть себя, является не «культурной, а живой, это не произнесенная речь, а нечто живущее, про-являющееся в том, как кто-то говорит; когда то, что кто-то говорит – нечто живущее, с чем ты приходишь в отношение <...>: “Не культурная, а экзистенциальная встреча”».

Такая встреча обладает двумя характеристиками, по которым ее можно узнать, произвести безошибочную проверку (Джуссани предоставляет нам все знаки, чтобы мы могли сами выносить суждение, он не хочет посмеяться над нами): она приносит в жизнь «драматичность, включающую в себя <...> неотложную необходимость изменений в твоей жизни; и в то же время [она приносит] по крайней мере каплю радости: даже в самых горьких условиях, в констатации твоей ничтожности – радость! В общем, [используя другое выражение, то, что должно произойти, чтобы «я» вновь открыло себя, это] <...> “евангельская встреча”, то есть встреча, восстанавливающая человечность в ее жизненной силе, как произошло во встрече Христа с Закхеем»¹³⁵.

Одна наша подруга после знакомства с нами говорила: «Я никогда не думала, чем стала бы моя жизнь без настоящего поворотного момента, без чего-то или, лучше сказать, без кого-то, кто открыл бы во мне подлинную меня. Но это случилось». Что случилось с этой девушкой? «Я столкнулась с таким взглядом и с таким вниманием по отношению к себе, каких никогда прежде не испытывала».

Что случилось с нашей подругой? Сейчас мы можем в точности это описать: «Встреча с объективным фактом, изначально независимым от личности, приобретающей опыт; с фактом, чья экзистенциальная реальность является реальностью общины, доступной для непосредственного наблюдения, подобно любой целостной человеческой реальности; общины, критерии и форму которой устанавливает человеческий голос авторитета, выносящий суждения и дающий указания. Не существует такой разновидности христианского опыта, сколь внутренним он ни был бы, которая не предполагала бы, по крайней мере в конечном итоге, встречу с общиной и соотнесение себя с авторитетом»¹³⁶.

¹³⁵ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Op. cit. P. 183–184.

¹³⁶ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 133–134.

Что поразило эту девушку? Взгляд, какого она никогда раньше не видела. То же самое поражало и современников Иисуса. Нам знакомы истории Закхея, Магдалины, Матфея... Их всех позвали по имени. Об этом говорит каждая страница Евангелия.

Здесь становится понятно, кем Он является, ведь «только божественное может “спасти” человека», то есть может смотреть на него, не умаляя, может спасти подлинные и сущностные измерения человека. Только божественному удается сделать нас самими собой. Только божественное позволяет «открывать во мне подлинную меня». Так Христос являет, Кто Он. Это признали женщины Роуз, или заключенный, или инвалид, поскольку «основополагающим фактором взгляда Иисуса Христа является существование в человеке реальности, превосходящей любую пространственно-временную реальность. Весь мир не стоит самого малого человеческого существа; ничто во вселенной не может сравниться с ним с первого момента его зачатия вплоть до последнего мгновения его дряхлой старости»¹³⁷.

Поэтому «встреча пробуждает личность, осознание собственной личности [«подлинной меня»]. Встреча не “порождает” личность [личность порождается Богом, когда Он дает нам жить посредством наших отца и матери]; но именно во встрече я замечаю самого себя, именно в ней просыпается слово “я” или слово “личность”. <...> “Я” освобождается из утробы, в которой было заключено изначально, восстает из могилы, из гроба, из ситуации своей изначальной закрытости и, можно сказать, “воскресает”, осознает себя, как раз таки во встрече. Исходом встречи является пробуждение смысла личности. Словно личность рождается: человек не рождается в тот момент, но во встрече осознает себя и потому рождается как личность. Человек рождается как личность во встрече, личность пробуждается в нем благодаря встрече»¹³⁸.

Но как я могу утверждать подлинность факта, подлинность встречи? Почему могу говорить, что в них заключен ответ на вопрос, как жить, что они отвечают и на общественные вызовы, не позволяя нам вновь удариться в утопию?

В. Опыт

Третий фактор – опыт. Сердца и факта недостаточно. Необходима их «корреляция»¹³⁹ (как сказал бы Бенедикт XVI): я должен заметить соответствие между фактом и сердцем, то есть мне необходимо заметить, как

¹³⁷ Л. Джуссани. *У истоков христианского притяжения*. С. 111–112.

¹³⁸ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Op. cit. P. 206–207.

¹³⁹ Ср. Бенедикт XVI. *Речь в Бундестаге*. 22 сентября 2011 г.

факт отвечает на мои потребности, на мои нужды. А из чего я могу понять, отвечает ли факт на мои потребности? В опыте я улавливаю, помогает ли встреча отвечать на вопрос: «Как жить?» Действительно, реальность факта становится очевидной в опыте, в нем она проявляется в своем истинном облике и ее можно познать такой, какая она есть.

«Самое важное из сказанного мною в жизни, – говорит Джуссани, – это то, что Бог, Тайна, явил Себя, сообщил Себя людям таким образом, чтобы сделаться объектом их опыта. Тайна становится также и объектом нашего опыта, <...> отождествляясь со знаком, сотканным из времени и пространства»¹⁴⁰. Поэтому, «если Иисус как Бог не становится нашим опытом, не входит в него, то мы не в состоянии должным образом признать Его во всей основательности, пусть и непростой, во всей привлекательности, пусть и загадочной, в какой реальность предстает перед нашими глазами»¹⁴¹.

Как мы видели, опыт состоит не только в чисто машинальном столкновении «я» с фактом, поскольку оно не позволяет нам расти, не оставляет следа. Опыт предполагает сопоставление факта с сердцем, в результате которого выносятся суждения. Включает он и осознание присутствия иного фактора, делающего возможной поражающую меня реальность. Переживать опыт – значит испытывать факт и выносить о нем суждение согласно совокупности изначальных очевидностей и потребностей, именуемых “сердцем” и присущих каждому из нас. Почему же, хотя мы и наблюдаем множество исключительных фактов, они не помогают укреплять отношения с Ним? Из-за нехватки суждения. Мы словно ничему не учимся у того, что видим и чем живем.

Поэтому на человеческом пути необходим фактор, называемый опытом. Без суждения нет опыта (хотя часто мы обозначаем этим словом любую вещь, которую «попробовали»). А отсутствие опыта – не что-то второстепенное. Событие, не превратившееся в опыт, не оставляет и следа – разве только сентиментальное потрясение. В результате перед всяким новым вызовом мы возвращаемся в одну и ту же точку, безоружные, как и в самый первый раз. И тогда в определенный момент человек говорит: «Чего ради я теряю время, если то, чем я живу, никак не помогает мне в жизни?» Так людей постигает разочарование.

Без опыта не растет наше «я», не развивается наша личность. «Опыт должен действительно быть таковым, то есть оцениваться разумом». Только тогда он сможет оставить след и «сохраниться в памяти»¹⁴².

¹⁴⁰ L. Giussani. *L'autocoscienza del cosmo*. Milano: Bur, 2000. P. 164–165.

¹⁴¹ L. Giussani. *Vivere la ragione. Tracce-Litterae communionis*. Gennaio. 2006. P. 1.

¹⁴² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 98.

«На прошлой неделе я ужинал с семьей друга, много лет принадлежащей к Движению. Как только мы сели за стол, его отец рассказал об одной старушке, которая вынуждена была стоять в трамвае. Рядом сидел молодой человек – он прекрасно видел пожилую женщину, но места ей не уступил. Оттолкнувшись от этого эпизода, отец подытожил: “Короче говоря, современному обществу не хватает ценностей”. Разговор продолжился, и в определенный момент я спросил: “А откуда, по-твоему, рождаются ценности?” – “Хороший вопрос”, – ответил он. И тогда я вдруг увидел то, что очевидно в моем опыте: желание и способность обнимать весь мир рождаются и продолжают существовать во встрече (таинственной и вместе с тем реальной) со Христом, Который вновь привлекает меня к Себе и расширяет меру моего сердца, делая незнакомого человека в трамвае достойным внимания и сочувствия. В ходе нашей беседы оба родителя моего друга осознали: ценности рождаются во встрече, предшествующей всему и являющейся источником ценностей. В определенный момент я заметил, что они это поняли. У них имелся такой опыт, но он был словно затуманен! Его нужно было вытащить на свет. И родители не просто наклеили ярлык – это чувствовалось по атмосфере за столом, настоящей, искренней, живой. Мать рассказала, как девочкой встретила Движение. Ее история завершилась словами: “Действительно, необходима человеческая встреча, пробуждающая сердце!” В конце разговора мы осознали, что наша первостепенная ответственность в деле изменения общества – в том, чтобы самим жить встречей, пробуждающей человечность (во мне словно взорвалось желание все полнее жить Его присутствием), в надежде, что потом через нас она распространится и на “других пассажиров трамвая”. Таинственная ответственность, ведь речь идет о мере и о сроках, которые не мы определяем, но вместе с тем очевидно: это единственная разумная гипотеза».

В продолжение темы: на встрече CLU отец Джуссани рассказал (об этом можно прочесть в его биографии) об открытии, сделанном вскоре после рукоположения. «Я открыл это, когда, будучи молодым священником, начал принимать исповедь. Я говорил сам себе: “Взгляни на людей, которые приходят к тебе, чтобы рассказывать эти вещи из другого мира; они приходят к тебе, двадцатитрехлетнему: почему не к шестидесяти- или семидесятилетним, кто испытал все на свете? Потому что у них нет опыта, тогда как я, имея в руках материал, который мне дают, использую идеальный инструмент, то есть выношу суждение” [сопоставляю то, что мне говорят, с моими изначальными потребностями; и люди возвращались к нему, ведь в его лице они обрели того, кто помогал им проделывать путь, в тогда как другие лишь комментировали, делились впечатлениями, но не помогали. Люди искали его, двадцатитрехлетнего священника, а другие, дожив до

шестидесяти-семидесяти лет, не могли ничего сказать, поскольку не совершали этого сравнения]. Таким образом, проделывать опыт – значит испытывать что-либо, выносить суждение. Это основополагающий пункт, потому что идеал позволяет тебе понять и то, что испытывает другой, – не обязательно то, что испытываешь ты, он отождествляет тебя с другим как раз с точки зрения идеала: позволяет выносить суждение и, следовательно, дает тебе способность к изменению. Это и есть опыт. [Обратите внимание, далее Джуссани делает крайне важное для нас замечание!] Наша компания либо становится опытом [местом, где нам непрестанно предлагают проделывать опыт, где мы действительно приобретаем опыт], либо несет в себе опасность [да, опасность!], поскольку люди в ней подобны стаду баранов¹⁴³. Это основополагающий пункт. Наша компания либо становится опытом, либо несет в себе настоящую опасность, поскольку люди в ней подобны стаду баранов. Напротив, когда человек начинает выносить суждение, все превращается в часть пути.

Благодаря чему мы замечаем, что нашли ответ на вопрос, как жить? Давайте попробуем уловить его в действии, в еще одном свидетельстве: «На протяжении восемнадцати лет моя жизнь была бессодержательной, я не осознавала, кем являлась. Растрачивала данное мне время! В прошлом году, в самом начале университетского опыта, я познакомилась с ребятами из CLU. Меня поразило, насколько они, такие же, как я, наслаждались учебой, едой, пением, совместным пребыванием. Абсолютно нормальные вещи, но затронутые чем-то иным – и это иное меня привлекло. Отдельные ребята покорили меня тем, как встречали жизненные обстоятельства и как смотрели на меня, не обращая внимания на все мои ограничения. Я следовала за ними, поскольку хотела жить, как они, и поэтому доверилась их лицам и начала привязываться к ним. Но в то же время меня охватила великая печаль. Мне чего-то не хватало. Я была грустной, потому что не могла поступить на факультет, куда так стремилась. А когда у меня в конце концов получилось, оказалось, что даже этого не хватало. Думаю, я выросла, ведь теперь я начинаю задавать себе вопросы и размышлять: “Неужели я такая хрупкая, что не в состоянии сопротивляться обстоятельствам и переменам? Почему я постоянно замечаю некую нехватку? Кто может привести меня к свершению?” Теперь каждый день я открываю, насколько в Нем нуждаюсь. Проблема была не в факультете, не его мне недоставало! Он просит меня говорить да Ему, а не тем лицам, которые свидетельствовали о Нем. Я не хочу обманываться и терять очередное мгновение моей жизни, я желаю достичь уверенности в том, что ее строжим является Христос».

¹⁴³ L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose (1979–1981)*. Milano: Bur, 2007. P. 248–249.

Благодаря чему эта девушка признала, что встретила ответ на вопрос о том, как жить? «На протяжении восемнадцати лет моя жизнь была бес-содержательной, я не осознавала, кем являлась. Растрчивала данное мне время!» Что же произошло в один прекрасный момент? Встреча, столкновение с фактом, с «абсолютно нормальными вещами, затронутыми чем-то иным – и это иное меня привлекло». И почему это привлекло ее? Потому что соответствовало ее ожиданиям, тому, чего она желала. И поэтому «*сознание соответствия между значением Факта, с которым человек встречается, и смыслом собственного существования*»¹⁴⁴ играет решающую роль. То есть ты понимаешь, что нашел ответ на вопрос «Как возможно жить?», когда встреча соответствует потребностям сердца и пробуждает самосознание: «Думаю, я выросла, ведь теперь я начинаю задавать себе вопросы и размышлять».

Потом наша подруга замечает постоянную нехватку чего-то и приходит в замешательство. Но как раз эта нехватка и выявляет случившееся в ней: встреча пробудила всю ее человеческую нужду. Вот верный знак того, что встреча отвечает на наше ожидание: она позволяет нам переступить рамки нашей умаленности, выбраться из могилы. Благодаря чему это произошло? Благодаря абсолютно нормальным вещам. И что это за «абсолютно нормальные вещи, затронутые чем-то иным, чем-то привлекательным»? Мы читали о них в тексте школы общины, и они прекрасны: «Это откровение божественности, обнаруживающейся в земном существовании Иисуса – не бурно и не в грандиозных деяниях, но в непрестанном молчаливом преодолении границ человеческих возможностей. [То, что представало лишь] <...> как благотворная естественность <...>, в конечном итоге является просто как чудо <...>, молчаливый шаг, преодолевающий границы человеческих возможностей, но гораздо более чудесный, чем неподвижность солнца или содрогание земли»¹⁴⁵.

Так мы можем должным образом уловить смысл встречи: «Ценность того факта, с которым мы сталкиваемся, превосходит силу пронизательности человеческого сознания и для сообразного ее понимания требует действия со стороны Бога. В самом деле, то действие, посредством которого Бог являет Себя человеку в христианском событии, превозносит и познавательную способность сознания, приводит пронизательность человеческого взгляда в соответствие с исключительной реальностью, его

¹⁴⁴ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 134.

¹⁴⁵ Ср. Р. Гвардини в книге Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 80.

побуждающей. Это называется “*благодатью веры*”¹⁴⁶. Тут я понимаю всю важность описанной встречи для жизни.

А как же укрепляется уверенность?

Г. Проверка

Последний фактор рассматриваемого нами человеческого пути – проверка. Все происходящее с нами: обстоятельства, с которыми мы вынуждены сталкиваться, жесты, которые предлагаем, – все является возможностью познать (признать) еще больше то, что отвечает на вопрос нашей жизни, а значит, и совершить его «проверку». Это наш наивысший интерес: рост «я», порождение субъекта – состоятельного, свободного, творческого. В чем же проблема? «Почему для многих, – спрашивал себя отец Джуссани, – Движение становится разочарованием? Потому что, войдя в него, они словно закрывают вопрос, они словно уже достигли цели». Напротив, встреча знаменует «начало приключения. Приключение начинается, когда человек пробуждается во встрече»¹⁴⁷. Здесь-то и начинается приключение, здесь-то и начинается самое прекрасное. Так произошло с отцом Джуссани: «Я был молодым семинаристом, послушным и примерным юношей, пока однажды не случилось нечто, кардинально изменившее мою жизнь”. Эпизод связан <...> с профессором [отцом Гаэтано Корти], который читает Евангелие от Иоанна. “Оно буквально охватило мою жизнь: и как память, настойчиво стучавшаяся в мои мысли, и как толчок к переоценке повседневной обыденности. С тех пор мгновение не было для меня банальным. Все сущее, а потому все прекрасное, истинное, пленительное, чарующее и все, что могло стать таковым, обретало в том послании причину своего бытия” как уверенность в присутствии, в котором была надежда обнять все. От окружающих меня отличало стремление и желание понять. Именно на такой почве прорастает наше благоговение перед разумом”. Это открытие уже никогда больше не покинет Джуссани: “Величие христианской веры, не идущей в сравнение ни с какой другой позицией в следующем: Христос ответил на вопрос человека. Поэтому одна общая судьба связывает тех, кто принимает веру и живет ей, и тех, кто, не имея веры, утопает в вопросе, отчаивается в вопросе, страдает в вопросе”¹⁴⁸.

Вот почему не следует «отправлять реальность в архив [лишь на основании того факта, что мы уже встретили Его] <...>, у нас есть все, но чем является это все [какова ценность того, что мы встретили], мы понимаем

¹⁴⁶ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 133–134.

¹⁴⁷ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Op. cit. P. 207.

¹⁴⁸ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 47.

<...> в столкновении с обстоятельствами, людьми, событиями. Не нужно ничего отправлять в архив, <...> или подвергать цензуре, или забывать, или отталкивать. [Поскольку] <...> смысл “всего” мы понимаем, вынося суждение, встречая вещи лицом к лицу»¹⁴⁹. Так случилось с вами: что значит мама, вы поняли, не размышляя о материнстве, а встречаясь в отношении с ней со страхом, голодом, нуждами, одиночеством, – именно тогда вы поняли, что значит мама. Без этой постоянной проверки, выявляющей роль матери в вашей жизни, вы не привязались бы к ней столь крепко, не осознали бы важность ее присутствия. Поэтому если мы, однажды встретив Христа, останавливаемся, вместо того, чтобы вновь и вновь проверять произошедшее и в столкновении с любыми вызовами жизни отталкиваться от встречи, то нам не удастся понять, какое благо с нами приключилось, какую благодать нам довелось получить.

Кому будет явлена эта благодать? Кому откроется ее ценность? Лишь тем, кто рискнет вступить на поле боя, чтобы перед лицом всякого вызова проверять, Кого мы встретили. Я могу понять, что Христос отвечает на вопрос, как жить, только проделывая подобный путь. И чем дальше мы идем по нему, тем более уверенными становимся насчет содержания нашей жизни, и все начинает цементировать отношение с Ним, укреплять нас в сознании, что мы встретили нечто, позволяющее смотреть на любые события, входить в любые обстоятельства, в любой мрак.

3. Метод – следование

Рассмотрев все факторы, все шаги человеческого пути, перейду к последнему пункту.

Благодаря какому методу то, о чем мы сказали, все больше становится нашим? Благодаря следованию. Мы можем непрестанно проверять, как встреченное нами отвечает на потребности жизни, следуя за ним. Следование – тот путь, что проделал Петр: он продолжал жить рядом с Иисусом и постепенно, пусть ошибаясь и спотыкаясь, начал замечать, как возрастала его личность.

«Андрей привел брата своего Симона к Иисусу, преодолев небольшой подъем прямо перед Его домишкой. Симон шел, не отрывая взгляд от чело- века, который ждал его вдалеке, и его переполняло любопытство, присущее людям не особенно “образованным” и невероятно живым. Ему уже никогда не забыть, какой взгляд Он устремил на него, когда между ними оставалось

¹⁴⁹ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro* (1986–1987). Op. cit. P. 55.

три или четыре метра! <...> “Никто никогда так не смотрел на меня!” Симон был во власти феномена, который словарь определяет как изумление. И тотчас ощутил себя привязанным [прилепившимся к Тому Человеку] <...>. Если бы на городской площади поднялось восстание против Того Человека, он был бы за Него, пусть бы его даже убивали (ты поступил бы так же: ты не смог бы Его оставить»). <...> День спустя, вместо того, чтобы заняться своими делами, то есть ловить рыбу, он побежал в соседнюю деревню, зная, что [Тот Человек отправился туда]. <...> И действительно, там собралось человек тридцать; Симон протиснулся между ними, чтобы услышать, как Он говорит [увидеть, как Он говорит]: <...> все было как накануне, когда Он сказал ему: “Симон, сын Ионин, ты назовешься Петром”, – раскрыв его глубинный, образующий его характер. <...> Вскоре после этого Тот Человек, уже ставший другом <...>, пригласил их на свадьбу. И превратил воду в вино. <...> И как можно было не ощущать себя привязанными по рукам и ногам к Тому Человеку? [Кем Он был?] Кто мог сравниться с Тем Человеком?»¹⁵⁰ И каждый день он возвращался домой другим. Не нужно никаких подтверждений. Нет нужды в подтверждениях, когда есть подтверждающая всё очевидность. Подтверждением был сам опыт: Симон приходил домой измененным, другим. И изумление повторялось на следующий день и через неделю. День ото дня все очевидней становилась симпатия, привязанность, доверие, уверенность, так что, когда однажды вечером в капернаумской синагоге Иисус сказал слова, по-человечески непонятные: «Дам вам в пищу плоть Мою», – и присутствовавшие воскликнули: «Безумец», – а затем Он сразу же обратился к ним, говоря: «Не хотите ли и вы отойти?», – святой Петр не раздумывая ответил: «И мы не понимаем того, что Ты говоришь, но если оставим Тебя, то куда нам идти? Нет никого, как Ты, лишь у Тебя слова, разъясняющие жизнь, придающие ей смысл»¹⁵¹.

«Да», произнесенное Симоном на берегу Тивериадского озера, стало продолжением этой привязанности, этого удивления, этого восхищения, не прекращавшихся два года, три года; но даже Симон не всегда угадывал правильный ответ. Когда Иисус впервые назвал Себя Сыном Человеческим и сказал, что Ему надлежит много пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками и быть убиту, святой Петр не совершил еще серьезных ошибок, а потому чувствовал себя уверенно и спокойно и заявил, что скорее собственную голову отдаст на отсечение. Но Иисус ответил: «Отойди от Меня, сатана! Ты не хочешь, чтобы я лицом к лицу встретил волю Отца Моего, и желаешь, чтобы все происходило, как

¹⁵⁰ L. Giussani, Il «sì» di Pietro. *L'attrattiva Gesù*. Op. cit. P. VII–VIII.

¹⁵¹ Ср. *Ин* 6, 53–69.

угодно тебе”. Какое унижение! Но в результате [парадоксальным образом] он привязался [к Нему] еще крепче»¹⁵². Его отношение с Иисусом было «исполнено почтения <...>, [возникшего] как суждение, как действие ума, увлекшего за собой и сердце, <...> сотканного <...> из нежности, недаром же он и остальные скорее позволили бы размозжить себе голову, чем предали бы Его (и они Его предали! Они скорее позволили бы размозжить себе голову, чем предали бы Его, но все же предали!)»¹⁵³. И «в то мгновение петух пропел в третий раз. Иисус покинул зал, Его тащили воины <...>, а Он смотрел в его сторону. Симон Петр, ожидавший на углу, обернулся на шум и увидел Его. И “горько заплакал”». Петр обратился ко Христу с разбитым сердцем, осознавая собственную ничтожность и трусость: трус, можем сказать, “грешник”». «На суде Пилата Петр был человеком, раздавленным осознанием своей греховности, угнетенным своей ошибкой, оказавшейся противоположностью всему тому, чего он хотел, противоположностью тем чувствам, которые всегда питал к Иисусу. Что случилось со мной? Как смог я совершить подобное? Кто я? Что такое этот Человек?»¹⁵⁴

А «в тот раз, когда лодка пристала к берегу, полная рыбы, [был там и Иисус] и развел костер и поджарил на нем рыбу, и все апостолы уселись, чтобы поест <...>, и [Иисус] тоже начал есть с ними, и оказался рядом с Симоном <...>, и задал ему вопрос (“Симон, любишь ли ты Меня?”), и то “да” не являлось результатом волевого усилия, не являлось “решением” молодого Симона: в нем проявились, вышли наружу вся нежность и вся привязанность, вызванные почтением к Нему (а потому это было действие разума), так что он не мог не ответить да. И весь ворох совершенных грехов и грехов, которые, он, возможно, совершил бы, не имел никакого значения: он и двух секунд о них [о своих грехах] не думал, ему такое даже в голову не пришло»¹⁵⁵, настолько преобладало Его присутствие. «Симон, любишь ли ты Меня?» – и он ответил: «Да». «“Да” вырвалось у него как следствие изумления, с которым он смотрел на Него, вновь смотрел на Него каждое утро, смотрел на Него каждый вечер, уходя»¹⁵⁶, засыпая каждую ночь. Так Иисус вошел в историю, чтобы любой из нас мог пережить тот же опыт, что и Петр, спотыкаясь, предавая, подобно ему, ошибаясь, но все крепче привязываясь, замечая, как вьется нить нежности, привязанности, почтения; чтобы, в конце концов, и мы могли

¹⁵² L. Giussani. Il «sì» di Pietro. *L'attrattiva Gesù*. Op. cit. P. IX.

¹⁵³ Там же. P. XI.

¹⁵⁴ L. Giussani. La virtù dell'amicizia o: dell'amicizia di Cristo. *Tracce-Litterae communionis*. Aprile. 1996. P. III.

¹⁵⁵ L. Giussani. Il «sì» di Pietro. *L'attrattiva Gesù*. Op. cit. P. IX–X.

¹⁵⁶ L. Giussani. La virtù dell'amicizia o: dell'amicizia di Cristo. Op. cit. P. VII.

сказать: «Не знаю, как, Христе, не знаю, но вся моя человеческая симпатия обращена к Тебе»¹⁵⁷.

Христос вошел в историю, присутствует и ней и позволяет встречаться с Ним сегодня, происходит в настоящий момент ради пробуждения нашего «я», всего нашего сердца, всей нашей способности к привязанности, к почтению, к человеческой симпатии по отношению к Нему, ради того, чтобы мы жили, исполненные Его присутствия, и чтобы радость от Его присутствия начала покорять нашу жизнь. Именно перед этим присутствием находятся сейчас наш разум и наша свобода – как две тысячи лет назад случилось с Петром.

«Это была не сентиментальная привязанность, это был не эмоциональный феномен, а феномен разума, если точнее – проявление той разумной причины, в силу которой ты привязываешься к человеку, находящемуся перед тобой, поскольку выносишь почтительное суждение; ты смотришь на человека, и в тебе рождается почтительное удивление, заставляющее тебя привязаться»¹⁵⁸. И это почтение проистекает из жизни рядом с Ним.

Лишь от такой любви способна родиться миссия. «Любовь Христова томит нас, ведь, если Один умер за всех, [это для того] чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего»¹⁵⁹. Миссия не возникает без того, о чем мы говорили. Чтобы дойти до нее, необходимо начать с самого начала. Если во мне ничего не случается, я не могу рядиться в активиста, а должен вместо этого вновь отправиться к истоку, задавая себе вопрос о том, как живу. Если я не преображен изнутри, если моя жизнь ничем не отличается от жизни других людей, потому что память о Христе не стала неотъемлемой частью моей личности и не порождает мою инаковость, если все является лишь чистой водой волонтаризмом, я могу предпринимать множество инициатив, но никакая из них не будет нести в себе нечто иное. И поэтому нужно беспокоиться лишь об одном: о том, чтобы, как мы уже сказали, жить памятью о Христе, ведь только когда Христос изменяет меня, только когда я соглашаюсь позволить Ему изменять меня, только когда Он увлекает меня за Собой, только когда Он достигает меня, только когда охватывает мою личность, – только тогда я могу донести что-то до других. Действительно, мы не можем принести ничего, что не являлось бы нашим опытом.

«Наша задача не в том, чтобы спрашивать себя, что мы сделали ради изменения мирового устройства, нам нужно задаться вопросом, как обсто-

¹⁵⁷ Ср. *Ин* 21, 17.

¹⁵⁸ L. Giussani. Il «sì» di Pietro. *L'attrattiva Gesù*. Op. cit. P. IX.

¹⁵⁹ Ср. *2 Кор* 5, 14–15.

ят дела с нашим обращением», – говорил отец Джуссани в 1968 году. «И отвечая на возражение, – мол, христианская община “не может сама по себе быть новым обществом, если она обусловлена определенными структурами, которые, так или иначе не позволяют ей быть новым обществом” – замечал: “Христианская жизнь есть метод, меняющийся в том числе и структуры”, однако “было бы заблуждением пытаться изменить структуры, если в нас не произошло чего-то бескорыстного”, иначе выражаясь, “обращения”»¹⁶⁰.

Поэтому сердце миссии – томящая нас любовь Христова. Сердце миссии – это само сердце нашей жизни; вот что должно сквозить во всем, чем мы занимаемся, к чему прикасаемся, с чем входим в отношение. Следовательно, изменение моей личности есть условие миссии.

В чем же видно это изменение? В наших разговорах? Нет. В наших инициативах? Инициатив у многих хватает. Каков же тогда верный знак, помогающий всем увидеть в нас миссионеров? Степень нашей предприимчивости? Нет. Знаком является радость! «Таким образом, великое правило миссии заключается в том, что лишь через радость нашего сердца мы сообщаем изменение, произошедшее в нас [какая благодать – знать человека, который говорит подобные вещи и не позволяет нам хитрить; поэтому, если мы несем жалобы, предпринимайте какие угодно инициативы, но они не станут миссией: кого заинтересует тот, кто вечно плачется?]. Слово “радость” здесь указывает на притягательный и убедительный аспект обращения, совершенного в нас силой Божией. <...> Его убедительная, покоряющая сила заключается, как всегда бывает, когда речь идет о человеке, в исходящем от него очаровании. Притягательность обращения – в радостном лице, которое оно порождает; обращение порождает не разговоры, а радостное лицо. Вот фантастическая фраза: *Notam faciet gloriam nomini Sui in laetitia cordis vestri* – “явит славу имени Своего в радости вашего сердца”»¹⁶¹. В этом состоит окончательное преодоление дуализма и объяснение того, что значит быть мирянами, новыми творениями. Все остальное не может называться так, ничто из остального, ведь все остальное уже есть в распоряжении каждого человека. Миряне, то есть новые творения.

Отец Джуссани настаивал: «Церковь существует не для того, чтобы по-мирски приводить историю в порядок, а ради свидетельства о том, что в порядок ее уже привели. <...> Как Церковь свидетельствует об этом? Благодаря тому, что она является человеческой реальностью, созданной отлично

¹⁶⁰ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 398.

¹⁶¹ Archivio Storico dell'Associazione Ecclesiale Memores Domini (ASAEMD). *Documentazione audiovisiva*. Esercizi estivi del Gruppo adulto. Le Pianazze (PC). 29 luglio – 3 agosto 1973. Seconda lezione del 2 agosto.

от других. Церковь дает свидетельство определенным способом совместной жизни, способом действия, который отличает ее от всего остального. Церковь является свидетельством не потому, что возводит собор Святого Петра, Церковь является свидетельством не потому, что организует широкую сеть школ или занимается телевидением, которое смотрят во всех уголках земли и которое она поручает СЛ, Церковь [является свидетельством] не потому, что издает сто пятьдесят четыре ежедневных газеты по всему миру; не в силу своей деятельности, а благодаря своему состоянию [а ведь мы на протяжении долгих лет думали, что наше отличие – в том, чтобы отвоевать больше пространства, добиться большей власти. Мы, как и все, поверили в это!]. Слово “состояние” содержит в себе и намек на разнообразную деятельность, но деятельность как выражение чего-то; вот на что указывает слово “состояние”. Людей поражает состояние нашей жизни, а не наша активность», – их поражает то, что сквозит в ней, переливается через край, победа бытия над небытием, которое как искушение нависает над нашей культурой. Это небытие побеждается лишь Присутствием, привязывающим нас к Себе, привязывающим на глубинном уровне и не позволяющем нам провалиться в ничто: «Свидетельство перед людьми совпадает с нашим состоянием, иными словами, с нашей реальной и сознательной позицией в отношении всех вещей. Вот почему вершиной свидетельства является целомудрие как таковое»¹⁶².

Послушайте, что писал отец Джуссани в 1965 году, будучи в Сан-Антонио, штат Техас, куда отправился в полном одиночестве: «Взвешиваю мысли и действия, состояния души и реакции, дни и ночи. Но Другое Присутствие является глубокой компанией и совершенным Свидетелем. Вот долгое путешествие, которое мы должны проделать вместе, вот настоящее приключение: открытие этого Присутствия в нашей плоти и крови, погружение нашего бытия в это Присутствие – то есть святость. Она является к тому же и подлинным общественным делом. Поэтому <...> необходимо следовать с отвагой и верностью за знаками, данными совокупностью условий, в которых мы оказались: мы не нуждаемся ни в чем другом»¹⁶³. Это любовь, любовь к Его присутствию и благодарность за то, что оно существует.

¹⁶² ASAEMD. *Documentazione audiovisiva*. Esercizi estivi del Gruppo adulto. Falcade (BL). 31 luglio – 5 agosto 1983. Seconda lezione del 4 agosto.

¹⁶³ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 366–367.

СВЯТАЯ МЕССА

Чтения: Иер 11, 18–20; Пс 7; Ин 7, 40–53

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА ПЬЕТРО ПАРОЛИНА,
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ВАТИКАНА

Дорогие братья и сестры,

я рад праздновать с вами Евхаристию во время духовных упражнений Братства «Общения и освобождения». И приветствую каждого из вас с братской любовью и радостью, которая «наполняет сердце и всю жизнь тех, кто встречается Иисуса»¹⁶⁴.

Я желаю вам, чтобы эти дни стали временем близости ко Господу – насыщенным и непрерывным пребыванием лицом к лицу с Иисусом Христом, Который есть «суть вещей», углублением общения с Ним и возможностью вновь настроить на верный лад нашу христианскую идентичность, которая сегодня как никогда подвергается испытаниям со стороны изматывающего взаимодействия с коварным духом мира, способным просочиться всюду и заразить любую обстановку и реальность, не щадя ничего.

Испрашиваю для вас изобилия Святого Духа, играющего главную роль в опыте и вообще в христианской жизни. Я веряю вас заступничеству Марии, Матери Божией и нашей Матери, и всех святых.

Я привез вам особое благословение Святейшего Отца Франциска, адресованное всему Братству, чтобы, как написал ему отец Хулиан Каррон, президент вашего Братства, «Дух Святой расположил нас к изменению сердца и всецелому посвящению жизни делу Христову, в каком бы окружении и в каком бы месте мы ни жили».

Название этих духовных упражнений – «В стремлении достичь Его». Как я понимаю, оно отсылает к двенадцатому стиху третьей главы послания святого апостола Павла к Филиппийцам: «Не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг мена Христос Иисус».

Здесь мы снова сталкиваемся с божественной инициативой. Это похоже на игру: Павел бежал от Иисуса и преследовал Его. Но Иисус достиг его, дотронулся до него, схватил его, и вот уже Павел бежит за Иисусом, чтобы догнать Его. Бог всегда опережает нас. Он сотворил нас. Он искупил нас. Он говорит с нами в Своем Сыне. Он обновляет нас Своей благодатью.

¹⁶⁴ Франциск. Апостольское обращение *Evangelii Gaudium*. 1.

Вступительная молитва сегодняшней Литургии говорит о том же: «Господи, всемогущий и милосердный, привлеки к Себе наши сердца». «Привлеки к Себе наши сердца, – сказали мы, – ибо без Тебя мы не можем угодить Тебе, Который есть высшее благо». В этой молитве, в этом кратком воззвании обозначена вся динамика, характерная для христианской жизни.

В начале жизни по вере лежит не намерение, не волюнтаризм, не расчет, не правильное умозаключение. Верить не значит следовать истинам, которые сформулировали или вывели мы сами, опираясь на собственные силы. В начале всегда лежит порыв души в ответ на притягательность, на то, что притягивает наше сердце. «Господи, привлеки к Себе наши сердца».

Приведенные слова описывают также и динамику, свойственную жизни Церкви. Об этом ясно сказал Папа на покое Бенедикт XVI: «Церковь не занимается прозелитизмом. Она развивается скорее благодаря “привлекательности”: подобно Христу, привлекая всех к себе»¹⁶⁵. То же постоянно говорит и нынешний преемник Петра Франциск. Я процитирую лишь несколько строк из его проповеди, произнесенной 1 октября 2013 года в Доме святой Марфы, где, повторив только что упомянутые слова своего предшественника, понтифик продолжил: «Когда люди, народы видят свидетельство смирения, мягкости, кротости, они ощущают нужду, о которой говорил пророк Захария: “Мы желаем пойти с тобою” (ср. *Зах* 8, 23). Люди замечают в себе такую потребность, встречаясь со свидетельством милосердия. Именно перед милосердием, открытым всеобщему обозрению, но вместе с тем смиренным, лишенным деспотизма и самодостаточности, люди преклоняются, именно ему служат! Благодаря такому свидетельству, растет Церковь». Это подтверждает и «святая Тереза Младенца Иисуса, [ставшая] покровительницей миссий потому, что ее пример заставляет людей сказать: “Мы пойдем с тобою!”»

Отец Джуссани, детьми по вере которого вы себя считаете, был уверен: если сегодня Господь способен привлекать сердца тех, кто принадлежит Ему, значит, Он живет и действует сейчас, здесь и сейчас. Вот «привлекательность, имя которой Иисус»¹⁶⁶ (отсылка к названию одной из книг отца Джуссани – «*L'attrativa Gesù*». – *Прим. ред.*). Именно о ней он много раз говорил вам столь волнующим образом, пересказывая отрывки Евангелия. Человек может испытывать благородное чувство благоговения в отношении правильных идей или добрых воспоминаний об ушедших дорогих нам людях. Но речь идет о преданности, а не о привле-

¹⁶⁵ Бенедикт XVI. *Проповедь во время Святой Мессы открытия V Ассамблеи епископов Латинской Америки в Апаресиде*. 13 мая 2007 г.

¹⁶⁶ L. Giussani. *L'attrativa Gesù*. *Op. cit.*

кательности. Ощущать влечение, переживать опыт привлекательности можно только в отношении живого человека, который движется, дышит. Не мы ставим Его на первое место с помощью собственных усилий, с помощью самовнушения. Он действует Сам!

Если Господь привлекает к Себе наши сердца, то, следовательно, Он жив. И если Он привлекает наши сердца, то, следовательно, Он любит нас и хочет даровать нам спасение. Он действительно жив и бесконечно любит нас, и со временем, по мере нашего развития, взросления, постепенного старения мы замечаем, в простоте признаем, что привлекательность, по сути, есть объятие. Он обнимает нас и несет на руках. По мере нашего взросления и старения этот факт может стать для нас очевидным, как когда-то для первых апостолов: не я бегу к Иисусу, а Он бежит мне навстречу, смотрит на меня, заключает меня в объятия, подобно отцу из притчи о блудном сыне. Если человек вот-вот упадет, только Он в силах его поддержать. А если человек упал, только Он в состоянии поднять его. Таким образом, слова святого Павла становятся для нас все в большей степени экзистенциально несомненными: «Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего»¹⁶⁷. Так Господь может даровать нам благодать снова стать детьми и попасть на Небо, поскольку единственное условие, которое Он выдвигает для того, чтобы попасть на Небо, – снова стать детьми: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»¹⁶⁸.

Есть знаки, указывающие, что Он несет нас на руках и что мы идем правильным путем. Один из них – смирение. Когда встреча настоящая, мы смиряемся перед встреченным величием. Тут нельзя возгордиться. Если мы привлечены, если Господь заключил нас в объятия и несет на руках, то это по природе не может выродиться в претензию на обладание, на превосходство. Мы ни в коем случае не хозяева слова, обещания и нежности Бога. Напротив, переживая милосердие в отношении наших грехов, мы становимся смиренными. Как говорил отец Джуссани: «Христос пришел не к праведникам, а к людям, которые страдают от своей разрушенности и израненности»¹⁶⁹. И именно в тот момент можно стать добрыми, обрести мир в сердце, исполниться благодарности. Стать кроткими, выражаясь словами сегодняшнего первого чтения, обрести кроткое сердце, которое силой благодати может сохранять безмятежность в самых печальных или болезненных обстоятельствах, поскольку все дове-

¹⁶⁷ Рим 9, 16.

¹⁶⁸ Мф 18, 3.

¹⁶⁹ L. Giussani. «È sempre una grazia». Febbraio 1993. *È, se opera*. Op. cit. P. 56.

рило Господу. «Как кроткий агнец, ведомый на заклание», ведь «Тебе вверил я дело мое».

Только благодаря милосердию Бога, заключающего нас в объятия и забывающего наши грехи, на пути христианской жизни, на который, возможно, мы вступили уже давно, способны появиться пункты нового начала, новых начинаний. Как повторял отец Джуссани, «непрерывное продолжение того, что произошло вначале, осуществляется лишь посредством благодати столкновения, всегда нового и рождающего изумление, как и в первый раз». В противном случае, – объяснял он, – мы начинаем строить теории относительно «свершившегося события», а «в месте изумления господствуют мысли, на которые мы способны в силу культурного развития, критика в отношении пережитого и переживаемого, основанная на нашей чувствительности, альтернатива, которую нам хотелось бы навязать, и так далее». В конечном счете, господствует грех, ошибки, за которые человек не знает, как себя простить. Но (говорит Джуссани) высший парадокс христианской вести в том, что «*грех прощен*. <...> Вот изумление и опыт милосердия, которые каждый может пережить в отношении с Христом»¹⁷⁰.

Таким образом, в Своем милосердии Бог являет всемогущество. Чудо любви, которое Церковь всегда признавала и прославляла в делах милосердия для тела и души, есть чудо, наиболее очевидным для всех образом являющее славу Бога: чудо искупления жизней, пошедших под откос, чудо исцеления дочерей и сыновей, казавшихся потерянными, обреченными, объятием бескорыстной любви.

Если этого нет, если сердца не обновляются и не умягчаются опытом милосердия Господа, повторяется то, что произошло со многими фарисеями и о чем говорится в сегодняшнем Евангелии. В лучшем случае люди становятся печальными или немного злобными поборниками правильных идей и делают вид, будто у них все в порядке, все на месте. В худшем, ради выгоды или власти они продолжают играть определенную роль, носить определенную маску, маску выдуманных убеждений. И пытаются диктовать законы другим. Фарисеи отвергают Христа, явившегося во плоти, поскольку по их учению, в соответствии с их выводами, Спаситель не может прийти из Галилеи. Они уже знают это, они уже все знают наперед. И потому смеются и издеваются над изумлением других. Если бедные люди растроганы, если народ Божий выражает благодарность в ответ на чудо благодати, которая дается когда хочет, как хочет, кому хочет, они досадают и говорят: разве мы дозволили вам увлекаться

¹⁷⁰ Там же. Р. 45, 62, 64.

этим, радоваться, проявлять благодарность? «Уверовал ли в Него кто из начальников или фарисеев? – спрашивают они в евангельском отрывке, который мы читали. – Но этот народ невежда в законе, проклят он». А Никодиму, свидетельствующему о Господе в силу личного сознания, они раздраженно отвечают: «И ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк». «Рассмотри!» В их понимании все решается приобретением определенного навыка, знания, правильного метода, терминологии. Свободно, безошибочно владея навыками религиозного рассуждения, они предъявляют свои притязания на господство над другими. Это те, кто, по словам Папы Франциска, становятся у входа в Церковь и не дают другим попасть внутрь, но прежде всего не позволяя выйти наружу Иисусу¹⁷¹.

В наши дни, как и во времена, о которых говорится в Евангелии, дела Иисуса выявляют скрытое в сердцах. Мы можем радостно встрепенуться от благодарности за чудеса и новые знамения, совершаемые Господом в Церкви, или же и дальше раздувать собственное самомнение. Эти два пути открываются перед каждым из нас ежедневно. Господь уже сказал нам в Евангелии: в истории Церкви Слово Божие живет в сердцах тех, кто прост и смирен. В бесчисленном количестве простых людей, которые, как недавно повторил Папа, «шли за Иисусом, потому что слова Иисуса приносили им благо и согревали их сердце»¹⁷², согревали их сердце.

Попросим у Марии и ее Сына привлечь наши сердца, дать нам ощутить, что Он несет нас на руках сквозь любые перипетии повседневной жизни. Как говорится в одном из гимнов, который вы поете: «Приблизь это сердце к Себе, Иисус».

Попросим о даре всегда идти по пути в радости Господа среди Его народа, рассеянного по всему миру.

Аминь.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Спасибо, Ваше Высокопреосвященство. Я знаю, как внимательно вы относитесь к жизни Движения не только здесь в Италии, но и во всем мире. Наши друзья из разных стран часто встречаются с вами. Особенно мы признательны за ваше служение теперь, когда вы так тесно сотрудничаете со Святейшим Отцом Франциском, за которым

¹⁷¹ Ср. Франциск. *Утреннее размышление «Закат дней апостола»*. Дом святой Марфы. 18 октября 2013 г.

¹⁷² Франциск. *Утреннее размышление «Слово взаперти»*. Дом святой Марфы. 21 марта 2014 г.

мы хотим следовать всем своим существом, вновь и вновь увлекаемые и покоряемые пламенной любовью, с которой он переживает присутствие Христа в жизни Церкви и каждого человека, отсылая нас к тем «окраинам существования», где нас породила харизма, данная отцу Джуссани.

Спасибо, Ваше Высокопреосвященство.

Кардинал Паролин. Если у вас осталась капелька терпения, я хотел бы кое-что добавить перед заключительным благословением.

Во-первых, меня поразило, как вас много. Ваше собрание действительно впечатляет!

Каррон. Рядом еще один такой же зал!

Кардинал Паролин. Получается, я поражен вдвойне!

Во-вторых, я хотел поблагодарить вас за приглашение. Было не просто принять его, поскольку мне приходится ограничивать периоды отсутствия, но я не жалею, что приехал.

В-третьих, (я уже немного сказал об этом в проповеди, и отец Хулиан сейчас подчеркнул то же самое), Папа поручил мне передать вам его привет, сердечный привет и ободрение. Он знает, что может рассчитывать на вас в деле пастырского обращения, миссионерства, к которому призвал всю Церковь в программном документе «*Evangelii Gaudium*». Миссионерства, идущего путем привлекательности. Мне кажется, в последней части своего размышления (я слушал в комнате за сценой) вы сказали именно об этом: мы должны привлекать других ко Христу так же, как и сами были привлечены к Нему силой Его благодати и Его милосердия.

И, наконец, я хотел бы попросить вас молиться. Святой Павел говорит: «Чем нас больше, тем больше возносится к Богу наших слов благодарности, наших молитв». Представьте себе силу молитвы этого зала сегодня вечером! Прошу вас молиться во всех намерениях, в которых мы совершили эту Евхаристию, но особенно о двух вещах. Прежде всего, о Венесуэле. Вы упомянули, что я был нунцием в этой стране. Там я познакомился с Движением, мы работали вместе, и нам удалось сообща воплотить в жизнь несколько инициатив. Я хотел бы передать привет нашим друзьям оттуда и сказать, что мы рядом с ними в это непростое для их родины время, и пусть победит общее благо, чтобы установились мир и примирение. Молитесь также о двух священниках из моей епархии, которые только что были похищены в Камеруне, на границе с Нигерией. Мы надеемся на благополучный исход, но очень переживаем. Я говорил сегодня с моим епископом, епископом Виченцы. Он сказал, что все край-

не обеспокоены. Знаете, один из этих священников за несколько месяцев до похищения, когда такая же история случилась с отцом Ванденбешем из Франции, в ответ на призывы к осторожности и даже более того – на предложение покинуть страну, написал: «Если мы приехали сюда разделить жизнь наших братьев и сестер, как мы можем бросить их в момент опасности?» Вот красота нашей веры, вот красота человека, верующего во Христа, готового без сожаления отдать всю жизнь без остатка. Будем молиться о них, чтобы ситуация разрешилась наилучшим образом.

Наконец, молитесь о Папе и, если у вас останется еще немного времени, молитесь обо мне, поскольку я в этом очень нуждаюсь.

Каррон. Обещаем, что будем молиться. Но можно нам тоже попросить? Передайте сердечный привет от всех нас Папе Франциску.

Кардинал Паролин. Передам с большим удовольствием. Итак, соберем всё в благословении, которое теперь получим во имя Господа. Если позволите, я хотел бы его пропеть. Вы же знаете, как отвечать, правда?

Воскресенье, 6 апреля, утро

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Большая месса до минор, К 427

Герберт фон Караян – Берлинский филармонический оркестр

«Spirto Gentil» n. 24, Deutsche Grammophon

Отец Пино. Давайте будем помнить о том, как смотрели друг на друга Петр и Христос, и о словах Папы Франциска, выбранных для пасхального плаката: «Иисус Христос любит тебя, Он отдал Свою жизнь ради твоего спасения и теперь живет бок о бок с тобой каждый день, чтобы просвещать, укреплять, освобождать тебя». Когда мы называем эту весть “первичной”, это не значит, что с нее все начинается, но потом о ней забывают, или подменяют ее другими вестями, или оставляют позади. Она первична в качественном смысле, поскольку является *главной* вестью, к которой необходимо всегда возвращаться, которой следует всегда внимать. Эта весть отвечает на жажду бесконечного, существующую в сердце каждого человека».

Ангел Господень

Утренняя молитва

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. Как и каждый год, мы завершаем нашу встречу собранием. Хочу сказать, что лично я раз от раза все больше осознаю, насколько важна эта составляющая, эта образующая часть упражнений. Благодаря ей становится понятно, как содержание предложения, сделанного каждому из нас вначале, растет и расширяет возможность влиять на нашу жизнь по мере того, как мы участвуем в этом предложении, по мере того, как мы присутствуем здесь и сейчас, позволяем произносимым словам и происходящим событиям поражать нас и порождать вопросы. Возникающие вопросы являются отражением того, поразило нас что-либо или нет, то есть того, что происходит в нас. И поэтому спрашивать – значит вносить свой вклад в упражнения, и на это, без сомнения, способен любой.

Из многочисленных поступивших нам вопросов мы, как обычно, выбрали лишь некоторые. Прежде чем перейти к ним, позволю себе короткое вводное замечание. Если в двух словах, совершенно ясно, что мы столкнулись с требовательным предложением. И это хорошо, ведь мы здесь, чтобы про-

дельвать путь, а не останавливаться на уже понятном. И поэтому справедливо, что предложение требует вовлечения. Самое же полезное вовлечение для каждого из нас – отождествление себя с тем, кто в настоящий момент делает нам предложение. Иначе мы ничего не поймем.

В частности, вопросы с очевидностью демонстрируют, что нас поразило очередное прочтение нашей истории, в котором большинство из нас увидели жест любви к нашей жизни, пламенную любовь к нашей судьбе. И здесь возникает первый вопрос, сформулированный множеством способов. Изложу его так: «Почему именно сейчас ты, Хулиан, ощущаешь неотложную потребность в описанном тобой шаге сознания?»

Хулиан Каррон. Неотложную необходимость в таком шаге сознания я замечаю прежде всего во мне: вопросы, которые мы поставили перед нами, задаю себе и я. В сложившейся жизненной ситуации, как мы вспоминали в прошлом году, меня первого поразили взгляд отца Джуссани, утверждавшего, что проблема не в том, «кто прав», а в том, «как жить», как встречать вызовы существования. Отсюда родился другой вопрос, стоящий перед нами в нынешнем году: какова наша задача в мире и как следует ее решать? Иными словами, что это такое – христианское присутствие?

Не знаю, как для вас, а для меня эти вопросы по-прежнему открыты. И чем сильнее натиск вызовов, тем они становятся все более живыми и насущными. Вопрос о нашей задаче в мире я себе задавал. Так случилось, что один человек, работавший над изданием новой книги из серии «Equipe» и пораженный прочитанным, дал мне этот текст, датированный 1993 годом, который я вчера цитировал и в котором отец Джуссани отвечает на вопрос, возникающий по сей день кое у кого из нас: разве раньше Движение не было лучше? Сейчас оно сведено к благочестию, замкнулось на внутрицерковной жизни, находится во власти спиритуализма. Это говорили в 1993-м, и я не имел к этому ни малейшего отношения! Рассказываю, чтобы не тратить зря время: подобные утверждения имели место и в присутствии отца Джуссани! И поэтому, друзья, нам нужно по-настоящему решить, хотим ли мы следовать за ним, хочет ли следовать каждый из нас.

Чем меня поразили упомянутый текст? Тем, как отец Джуссани, перечитывая историю, отвечает на поставленный вопрос. Вы слышали это вчера. Все, что я сказал вам, – его слова. Мне нечего предложить, кроме того, что уже предложил отец Джуссани, у меня нет ничего более интересного, чем то, что помогает мне жить и отвечать на вызывающие вопросы настоящего.

Перед лицом провокации отец Джуссани спрашивает себя: какова наша задача в мире? И утверждает: мы в мире не для того, чтобы отвечать на

неотложные нужды людей, мы в мире для того... И тут он начинает рассказывать об Иоанне и Андрее¹⁷³.

Чтение этого текста меня первого выбило из привычной колеи, и я вам сказал, до какой степени. Тогда я подумал: нужно сообщить это всем! Как иначе я могу ответить на открытые вопросы, если не рассказывая о том, что я нахожу в словах отца Джуссани, и помогая тем самым нам всем понять, почему он говорит определенные вещи? Вот работа, которой нам предстоит заниматься на протяжении года. Зачем Джуссани говорит нам то, что мы услышали вчера? Надеюсь, потихоньку мы начали понимать уже в эти дни.

Далее в тексте подчеркивалось следующее. Кто признает то же, что Иоанн и Андрей, приносит в мир присутствие, показывающее, как жизнь человека, следующего за Христом, становится лучше, как ему удастся сообразнее отвечать на насущные проблемы существования и свидетельствовать при этом, как возможно жить. Следуя за Христом, принимая Христа всерьез, человек начинает получать уже сейчас во сто крат.

Вторым решающим шагом в подготовке этих упражнений стала работа над текстом 1972 года «Долгая дорога зрелости» (*La lunga marcia della maturità*), в котором отец Джуссани выносит суждение о событиях, произошедших в 1968-м. Попробуйте найти суждение более актуальное и способное пролить больше света на настоящее, чем то, что предлагает отец Джуссани. Я вновь обратился к данному тексту не ради очередного переосмысления истории. Для нас сегодня крайне важно то, как он в конкретный момент говорил о причинах возникшего тогда смятения, утверждая, что это в норме вещей, поскольку реальность нас провоцирует и часто застигает нас врасплох. Не то чтобы Тайна сначала готовила нас к болезни, а потом посылала ее. Нет, она допускает болезнь, а затем предоставляет нам все время, необходимое для ее понимания, для понимания ее смысла. Христос дал нам все, Он дал нам Свое присутствие, и Его присутствие помогает нам понять смысл болезни, смысл потери работы или смысл неудач. На возникшее смятение, по словам отца Джуссани, мы попытались ответить нашими делами, не осознав, что было поставлено на карту. Нам нужно понять, почему он говорил нам то, что говорил, тогда как мы полагали, будто все наши действия являлись выражением того, с чем мы встретились. Он же исправлял нас коренным образом!

В 1976 году произошла явная поправка курса. Поэтому, когда в 1993-м некоторые интеллектуалы стали утверждать, что стоило бы вернуться к Движению, каким оно было в 1976-м, и пытаться отвечать на неотложные потребности с помощью активной деятельности, Джуссани, как мы уже

¹⁷³ См. с. 34–35.

видели, ответил, припомнив то, что волновало тогда его сердце: «Движение состоит не в этом, христианство не организация по разрешению человеческих нужд, мы в мире не для того». В 1972 году он сказал, что попытки противостоять смятению, порожденному в 1968-м, путем «оголтелого следования за миром» стали знаком моралистического ответа, напрочь лишенного собственной культуры и не связанного с авторитетом¹⁷⁴. Почему так случилось? Потому что мы не сознавали важность и историческое значение христианского факта и, движимые присущим нам нетерпением, хотели достичь цели в один момент и своими силами изменить положение вещей (типичное мышление, характерное для любой революционной попытки). Христианское событие меняет жизнь, однако, по утверждению отца Джуссани, необходима «вся траектория истории»¹⁷⁵, чтобы это произошло.

Таким образом, если мы не понимаем, что и сейчас, в столкновении с новыми вызовами, решающим является осознание исторического значения христианского факта, то снова начнем заниматься делами, которые по сути не отвечают на вопросы – и это трагично, ведь история уже доказала, что они не отвечают, о чем я еще скажу позднее. Вот почему, друзья мои, необходимо вернуться к истокам! У каждого из нас имеется свое представление о Движении. Это неизбежно. Все вы или, по крайней мере, многие из вас провели в Движении долгое время, нередко гораздо большее, чем я. У каждого, безусловно, есть воспоминания и собственный образ Движения – и тут нет ничего дурного, просто каждый помнит ситуации в свете определенных фактов и событий. И ведь отец Джуссани, когда происходили вещи, которые мы перечислили, не молчал, а мы, участвуя в различных жестах, присутствовали в них со всем желанием понять. И все же сколько из вас говорили мне: «Где же я был?!» Некоторые из «старожилов» повторяют: «Где я был, когда Джуссани говорил об этом? Я ничего тогда не понимал!» И я отвечаю им: не стоит сожалеть, мы могли понять лишь то, что могли; проблема не в том, что мы отвлекались – хотя и такое возможно, но вопрос не в этом. Будь мы даже в полной мере внимательны, нацелены на понимание, и тогда мы поняли бы лишь то, что могли понять, поскольку уровень нашего личного развития, нашего личного пути, нашей истории позволяли нам понять то, что мы были в состоянии понять. И поэтому так важна книга Савораны. Отец Джуссани сказал нам вчера (я только процитировал его слова) о необходимости «великого очищения»¹⁷⁶, которое поможет не свести его к нашим представлениям, ведь он куда больше всего

¹⁷⁴ См. с. 30.

¹⁷⁵ См. с. 33.

¹⁷⁶ См. с. 36.

того, что любой из нас думает о нем. Нужно быть расположенными к обращению, готовыми «подчинить разум опыту»¹⁷⁷, так как многие вещи мы до сих пор не поняли. Кое-кто боится этого, поскольку им кажется, будто я сужу нашу историю, будто я тут, чтобы подчеркивать ошибки. Нет, нет и нет. Я ничего не сказал от себя. Я хочу учиться! И не боюсь признавать, что происходили события, после которых отец Джуссани призывал нас к исправлению, ведь моя состоятельность не в делах и даже не в том, чтобы действовать правильно: моя состоятельность – в любви! Именно поэтому для меня не проблема попросить прощения со страниц газет, когда мы в чем-то ошибаемся, как не проблема попросить прощения у вас! Если мы к такому не готовы, значит, харизма уже умерла и похоронена, а мы остановились, нас парализовало, каждый замкнулся в собственных мыслях. Наши попытки всегда ироничны и потому поддаются совершенствованию. В любой из наших попыток мы не должны бояться постоянной устремленности к большему пониманию, к лучшему следованию, к выявлению пути, который надлежит пройти. И я прошу вас просить об этом для всего Движения и для каждого из нас. Потому что если мы не расположены к обращению, то и миссия окажется невозможной, как уже было сказано вчера вечером. Миссия связана исключительно с нашим обращением: «Условие миссии – изменение моей личности». Но нам кажется, будто говорить так не значит выступать с каким-либо предложением, хотя и эта фраза тоже принадлежит Джуссани. Я передаю вам лишь то, что нахожу у него и что помогает в первую очередь жить мне самому.

Проспери. «Каким должен быть первый шаг, первое движение перед лицом упомянутых тобой вызовов?»

Каррон. Прежде всего, перечислю вопросы, которые вы мне задаете и которые я получаю по почте. Как можно не утратить то прекрасное, что происходит в жизни? Как избежать ощущения, словно все теряешь? Как выносить чужую боль, когда окружающие убеждают не придавать ей значения? Как пребывать в повседневности, сбивающей с ног? Кто-то из нас идет в гости к другу и слышит от него: «Я никогда не заведу ребенка. Откуда у меня смелость, чтобы обречь еще одного несчастного на страдания? Я боюсь моей свободы: в лучшем случае она бесполезна, в худшем способна причинить кому-то боль. Я же стараюсь сделать как можно меньше зла». Или вспомним слова, которые я уже цитировал вчера, когда наша подруга приводила фразу своего коллеги: «Какая жизнь может

¹⁷⁷ Cp. J. Guitton. *Arte nuova di pensare*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 1996. P. 71. Также см. с. 92.

быть у новорожденных с тяжелыми нарушениями?» Сколько страхов и неуверенности!

Каждый из нас может притворяться, будто ничего не происходит, или же встречать возникающие вопросы лицом к лицу. Вопрос как раз в том, действительно ли мы смотрим в лицо вопросам, встающим перед нами. Прежде всего, необходимо понять природу вызова, который эти вопросы несут в себе, а затем нужно вынести суждение и понять, сообразны ли ему наши попытки ответить. Мы первые, кому бросается вызов. И какова же глубинная природа вызова, заключенного в перечисленных вопросах? Что стоит за множеством вопросов, им подобных? Нигилизм, друзья мои, или страх, что, в конце концов, за видимостью ничего нет. Такова наиболее отличительная, характерная черта нашей культуры, которую нередко куда острее, чем остальные, ощущают люди, проводящие презентации биографии отца Джуссани. Обратите внимание: если мы не понимаем природу вызова, это не значит, что мы не движемся. Движемся, но не адекватно; отвечаем, но не уровне проблемы. Лечим опухоль парацетамолом. Суетимся, да и только. Ели вас это утешает, поскольку хоть что-то нам удалось сделать...

Следовательно, на первом месте – суждение, суждение о происходящем, о подлинном вызове. Как часто мы даже не осознаем его природу и наряду со всеми участвуем в умалении, увязаем в нем по горло. И у нас не просто возникает искушение думать, будто за видимостью ничего нет, – мы думаем, что, по сути, и Христос – такое же ничто. Самое тонкое искушение – считать Христа абстрактным: даже Христос не спасается от нигилизма, заполняющего нас, даже Он сводится к абстракции.

Итак, важнейшая проблема, обостренная сегодняшними вызовами, заключается в суждении о том, истинен Христос или нет, реален Он или нет. Ведь если Христос, лик Бытия, привлечший нас, абстрактен, побеждает ничто и мы превращаемся в блуждающие мины. Вот почему, отец Джуссани не оторван от мира, когда называет проблемой жизни любовь. Напротив, он признает: только существование чего-то, обладающего достаточной плотностью реальности, достаточной привлекательностью, достаточной силой притяжения, позволит нам надеяться, что нас, как остальных, не поглотит небытие.

В этой любви задействована вера, признание Присутствия, делающего нас отличными от других – не более умными, а избранными, привязанными, прилепившимися к этому Присутствию, которое не позволяет нам провалиться в ничто. И как это Присутствие влияет на нас? Откуда я знаю, что Христос и правда присутствует? Из того факта, что Он пробуждает меня и спасает все измерения моей человечности. Пробуждая, Он освобождает меня от любого умаления, и в итоге я могу понять вызов, заключенный в реальности.

Почему отец Джуссани не поддавался умалениям, как мы? В силу некой странной гениальности или благодаря его отношению со Христом, пламенной любви к Нему? Даже когда мы все уходили в сторону, он не отдалялся от Христа и потому понимал вещи, был в состоянии выносить суждение, вмешиваться в реальность так, как нам и не снилось. Либо Движение способно порождать людей, подобных ему, либо мы все станем частью проблемы, а не ее решения, – я всегда это говорю.

Поэтому, друзья мои, вопрос в том, расположены ли мы проделывать путь, который действительно может нас пробудить, чтобы находиться в реальности с новым сознанием и умением давать ответы, сообразные вызовам. В противном случае наш вклад будет равен нулю.

Проспери. «Чувство немощи сопровождает всякий серьезный человеческий опыт. Именно это чувство немощи порождает *одиночество*» (отец Джуссани). Ты говоришь об этом чувстве немощи, сопровождающем всякий серьезный человеческий опыт и порождающем одиночество, как о чем-то положительном, способном открывать нас. Во мне же оно вызывает лишь злобу, цинизм и желание отвлечься от реальности».

Каррон. Прежде всего, друзья, нужно взглянуть с простотой и реализмом на наш человеческий опыт. Всеобщий менталитет в первую очередь производит в нас отчужденность, оторванность от самих себя – вчера мы в этом убедились. Мы не понимаем себя до конца, поскольку наше отношение с самими собой абстрактно. А серьезное вовлечение в жизнь, говорит Джуссани, отношение не с одним лишь ее с аспектом, не с какой-то отдельной навязчивой идеей, доходящее до истерии, а с полной бытия, – такое отношение порождает в нас сознание нашей немощи. Основной знак серьезного вовлечения в собственную человечность – понимание того, чем в действительности является «я», чувство немощи. Чем больше человек вовлекается в свою человечность, тем чаще ощущает себя немощным, видит структурную несоразмерность между тем, что он делает и чего желает. Мы с трудом отдаем себе в этом отчет. Трудность понимания, непривычность для нас подобных мыслей видна в том, что мы пытаемся устранить немощ собственными силами, умножая количество дел. Но если проблема именно в этом, если немощ выявляется по мере вовлечения, то как можно надеяться ответить на нее путем еще большего вовлечения и умножения дел? Ты лишь расширишь ее границы. Чем активнее мы действуем, тем острее ощущаем свое бессилие, чем чаще бросаемся с головой в дела, тем очевиднее наша немощ. И я прекрасно понимаю, почему такая ситуация зачастую порождает озлоблен-

ность, цинизм или желание отвернуться от реальности (мы не хотим смотреть в лицо собственной немощи и потому обращаем взгляд в другую сторону).

В вопросе говорится, что я воспринимаю немощь как нечто положительное. Что должно произойти, чтобы мы начали иначе воспринимать немощь – без злобы и цинизма, без стремления отвлечься? Необходимо присутствие, подобное тому, в котором нуждался ребенок в луна-парке; необходимо присутствие, позволяющее нам обнять собственное бессилие, поскольку бессилие спасается только присутствием. Если нет присутствия, делающего меня способным видеть реальность такой, какой ее сотворила Тайна, то и на бессилие я не смотрю должным образом. Тайна сотворила нас немощными не по рассеянности и не ради забавы, не для того, чтобы унижить человека. Нет, Бог возлюбил нас и потому наделил нас этим бессилием и этой структурной несоразмерностью, вложил в наши кости, в каждую частицу нашего существа безграничную несоразмерность и широчайшую, бесконечную открытость, которые способны заполнить лишь Его присутствие, чтобы мы могли наслаждаться жизнью, какую и в мечтах себе не представляли. Когда недостает взгляда этого Присутствия, немощь злит нас; мы не понимаем, что она дана, чтобы нам было легче признать Его: пустота, печаль, несоразмерность, чувство нехватки выражают неотложную потребность в Нем, ностальгию по Нему, по Его присутствию, на которые Он желает ответить. И лишь когда мы находим ответ, все начинает придавать нам силы на пути. И тогда в нас появляется благодарность за ностальгию, за потребность в Нем, за возможность вернуться к Нему: «Я с благодарностью ощущаю всю свою немощь, потому что понимаю, как сильно Ты любишь меня, Господи. И я рад, что Ты живешь, о Христе».

Не будучи чувствительными к насущным потребностям людей, мы не сможем утверждать эти вещи всем нашим «я», со всей сознательностью. Без подобной чувствительности значительный человеческий опыт недоступен для нас. Меня поражает, что, встретив отца Джуссани, мы тем не менее часто испытываем затруднения именно на этом уровне. Ведь если кто и принимал всерьез всю свою человечность, весь свой человеческий трепет и позволял нам осознавать человеческую драму, так это он.

Какую благодарность ощущаешь, когда каждое утро можешь снова начинать с потребности во Христе, с ностальгии по Его присутствию! Попробуйте-ка сообщить Марии Магдалине, что ее чувство одиночества бессмысленно! Как можно сказать женщине, не спавшей всю ночь и «искавшей любовь своей души», что ностальгия по возлюбленному – преграда на ее пути?! Говоря о двух по-настоящему любящих людях, мы никогда не станем утверждать, будто нехватка и ностальгия, которые каждый из них

испытывает в отношении другого, являются преградой на пути, источником озлобленности. Ностальгия и нужда, переживаемые нами, – самый явный знак того, что мы встретили: «К счастью, Ты есть, Христе!» Но мы будем не в состоянии сказать «Христос» и позволить всему нашему существу прийти в трепет, если подвергаем цензуре нашу природу. Естественно, кто-то в любом случае может отвлечься, ради бога!

Проспери. Значит, Хулиан, одиночество – это желание всеобъемлющего Присутствия, обнимающего наше ничтожество?

Каррон. Отец Джуссани, цитируя святого Фому Аквинского, называет печаль «желанием отсутствующего блага»¹⁷⁸. Таково наше внутреннее устройство, с которым сотворила нас Тайна. Замысел Бога о человека заключается в том, чтобы тот стал соучастником Его счастья. И поэтому первая мысль Бога – воплощение Христа, благодаря которому все человечество может приобщиться к полноте богатства, присущего тайне Троицы. В начале лежит не отсутствие. В начале – желание Бога разделить с нами, прежде не существовавшими, всю полноту богатства, которую переживал Он. Бог мог бы сотворить другие звезды, других птиц или рыб, но с ними ему не удалось быть разделить то, что Он делит с нами, делая нас участниками невиданных доселе опыта и насыщенности жизни. Но, как гласит богословский принцип, первое в намерениях есть последнее в осуществлении. Когда нам нужно построить дом, первое, о чем мы задумываемся, – намерение (дом), но дом возникает в последнюю очередь. Чтобы его возвести, необходимо найти участок земли, пригласить архитектора, создать проект и лишь затем приступить к строительству. В замысле Бога происходит то же самое: намерение состоит в желании Бога разделить Его счастье. Но, чтобы осуществить это желание, нужно было сотворить мир, в мире сотворить существо, наделенное бесконечным желанием и потому способное признать Его, когда Он решит воплотиться и прийти в мир. С пришествием Христа все прояснилось. Христос является ключом к пониманию замысла. И если мы смотрим на собственную немощь, не имея в виду определенное «место», определенное Присутствие, которое делает ее вразумительной, доступной для понимания, если мы смотрим на нее сами по себе, то наши мысли полны злости, поскольку мы не знаем, кто в состоянии нам ответить. Напротив, влюбляясь, человек говорит: «Наконец-то! Теперь я знаю, ради чего стоило родиться, – ради встречи с тобой!» А ведь раньше, в подростковом возрасте он не мог взять в толк, откуда в нем столь огромные желания. В какой-то

¹⁷⁸ Ср. Фома Аквинский. *Сумма теологии*. Часть I. Вопрос 20. Раздел 1.

момент смысл открывается. Либо мы замечаем, что Тайна отвечает на наше ожидание, на наше бесконечное желание, замечаем, что любовь, встреча со Христом, наполняющая существование Его присутствием, разрешают проблему жизни, либо продолжаем злиться на желание, данное нам именно для того, чтобы признавать Его, позволять Ему наполнять нас.

Преспери. «Опыт того ясного взгляда на мою жизнь, какой я встретил в эти дни, впускают небо и в мои глаза. Что делает постоянным путь взгляда, помогающий достичь подлинной уверенности?»

Каррон. Путь взгляда, друзья мои, становится постоянным в следовании. Поэтому я вновь и вновь предлагаю вам следовать, ведь с этим справится каждый. Я не являюсь ответом, как не является ответом ни один из нас. Ответ на одиночество и бессилие, о которых мы говорили, заключается в столкновении с Присутствием. Если я соглашаюсь впустить этот новый взгляд в свою жизнь, то начинаю предчувствовать в себе всю его новизну. Как же он становится шире? Благодаря чему обретает постоянство? Благодаря непрестанному использованию в реальности. Если перед лицом вызовов, провокаций, боли, неожиданностей, смятения я не отталкиваюсь от того, что со мной произошло, от Присутствия, с которым столкнулся, то мне не удастся проверить, достаточно ли в нем состоятельности, чтобы ответить на любую проблему, а значит, описанный взгляд никогда не станет во мне постоянным. Это не раз случалось с учениками. Они видели ошеломительные чудеса, но, когда возникал новый вызов, начинали сначала. Это часто случается и с нами. Кто-то спросит: «Неужели ты не видел, что произошло?» И мы можем ответить да. Но отсюда не следует, что произошедшее утвердилось в нас, стало нашим и составляет нас до мозга костей, а потому при встрече с очередным вызовом мы будем отталкиваться от этого. Все попытки отца Джуссани были направлены на то, чтобы событие, произошедшее с нами, образующее нас, принадлежащее нам, как мы принадлежим ему по факту Крещения, ставшее раз и навсегда нашей новой природой, по-настоящему вошло в наше сознание и опыт. Иначе Крещение есть, но перед вызовами жизни ничего не значит; школа общины есть, но перед вызовом обстоятельств ничего не значит.

Итак, подлинная проблема заключается в персонализации веры. Скажите, существует ли что-то более важное, чем признание Его присутствия, становящееся во мне все более постоянным, образующее меня, порождающее во мне самосознание, которое позволяет встречать лицом к лицу любые вызовы, благодаря которому развивается мое «я»? Если Христос не определяет мое «я», если невозможно рождение нового творения, если

разумность веры не превращается во все большую разумность реальности, в способность все больше прирастать, – если не случается этого, Христос равен нулю. И тогда мы имеем дело с протестантизмом – и остаемся такими, какими были. Но нет! Когда человек следует, когда решает участвовать в христианской жизни согласно замыслу и срокам, которых не знает, которые не он устанавливает, но которые требуют полноты его вовлечения, свободы и разума (ведь мы не роботы), тогда взгляд Христа в его самосознании становится все более постоянным, так что в определенный момент человек сам себе удивляется: «Как это возможно?!» Один новиций из *Memores Domini* говорил мне: «Я открываю в себе динамику, не являющуюся моей, замечаю реакции, каких прежде у меня не было».

О том же рассказывалось и в письме, процитированном вчера. Это путь, который каждый из нас призван совершить. Коллега бросил вызов нашей подруге: «Эвтаназия младенцев с серьезными пороками справедлива». Она же, прежде не говорившая ничего кроме банальностей, не доходящая до подлинного суждения, вступает в дискуссию и рассказывает о своей больной дочери, которая пребывает в описанных условиях и тем не менее счастлива. После чего, как вы уже знаете, спустя неделю коллега вновь встречается с ней, поскольку не может выкинуть из головы услышанное. Интересна концовка письма: «Раньше, участвуя в похожих спорах, я всегда злилась, но не набиралась смелости сказать что-либо и только думала со злостью, как люди могут рассуждать подобным образом». Кажется, будто есть только такая альтернатива: либо молчать, либо злиться, – и ничего другого. Именно к этому зачастую сводится наш выбор: к молчанию или озлобленности. Однако «я смогла встретить обстоятельства лицом к лицу, помня истину о себе самой, благодаря пути, который проделываю, следуя за тобой и работая над школой общины». В один прекрасный момент появляется новый субъект, и наша подруга первой удивилась, когда открыла в себе новый способ отвечать. Таким образом, путь взгляда становится постоянным в следовании. И однажды человек замечает, что реагирует на обстоятельства совершенно по-новому – не реактивно (в любом смысле слова), а по-настоящему.

Проспери. «Я много лет принадлежу истории Движения, со мной произошла встреча, и все же в столкновении с обстоятельствами я замечаю: Христос не является самым главным. Что помогает мне признавать Христа сутью вещей? В каком смысле следование облегчает такое признание?»

Еще один вопрос: «Выносить суждение – значит признавать Христа?»

Каррон. «В столкновении с обстоятельствами я замечаю, что Христос не является самым главным». А тебе хотелось бы, чтобы Он был самым

главным? Весь вопрос в том, насколько мы желаем, чтобы Христос был самым главным. Это проблема желания. Ведь если Христос становится сутью вещей, становится дороже всего остального, и человек предчувствует стоящее за этим обещание, то уже ничто не представляет собой препятствие, и тогда начинается работа. Человек начинает внимательно относиться к любым указаниям, которые мы даем, ко всем предлагаемым советам, потому что невозможно находиться здесь и не получать отовсюду ресурсы. Было бы только желание, чтобы Христос стал дороже всего. К этому нельзя принудить, нет никакого правила, пробуждающего нас. Просто когда человек видит, что происходит в другом, когда он видит, как кто-то живет, у него неизбежно появляется непреодолимое желание жить так же: «Я тоже хочу жить так, я желаю жить так!» Следование рождается от желания жить той жизнью, которую мы замечаем в других. И поэтому легко понять, является ли для меня Христос сутью вещей: Он должен стать средоточием моей привязанности. Да, средоточием моей привязанности, ведь, как мы говорили с самого начала, критерий нам дан в Евангелии: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Какая привязанность преобладает в нас? Что для нас дороже всего? Каково наше заветное желание? Понять, где находится твое сердце, несложно. Проблема, повторюсь, в том, насколько мы желаем, чтобы Христос был сутью вещей – достаточно этого желать!

Перейдем ко второму вопросу. Выносить суждение – значит сопоставлять все то, что случается с нами в жизни, с изначальными потребностями и очевидностями, которые мы зовем сердцем. Но в какой момент это суждение, это сопоставление выявляет соответствие, позволяющее признать: произошедшее с нами – именно то, чего мы ищем? Когда человек встречает Христа, ведь ничто не соответствует нашему сердцу больше, чем Он. И я знаю, что встретил Христа, что Он господствует во мне, поскольку становлюсь свободным, радостным. Я не прекращаю спотыкаться и совершать ошибки, но Его присутствие господствует в моей жизни, и поэтому я могу смотреть даже на мои ошибки и ни одна из них не определяет меня, моя состоятельность – в Ином, в отношении, моя состоятельность – в любви.

Преспери. И еще два взаимосвязанных вопроса.

«Ты сказал: наша компания либо становится опытом, либо несет в себе опасность. Как это понимать?»

«Чем жизнь наших групп Братства способна помочь в преодолении незрелости и восприятию реальности как самоочевидной?»

Каррон. То, что говорит отец Джуссани, рассказывая о бытности своей молодым священником и исповедях, наглядно демонстрирует, к чему он

стремился с самого начала, еще до появления Движения, когда ему было двадцать три года. Люди не искали тех, у кого побольше «опыта», а шли к нему, молодому священнику. В чем была разница? Он выносил суждение. С самого начала отец Джуссани старался предложить нам метод, позволяющий выносить суждение, ведь без суждения нет опыта, как мы сказали вчера. Однако мы с трудом понимаем это. Вот почему он говорил, что наша компания либо становится опытом, местом, где нам постоянно предлагают проделывать опыт, то есть выносить суждение, либо она несет в себе «настоящую опасность». И объяснял, что в последнем случае «люди в ней подобны стаду баранов»¹⁷⁹. Если мы не выносим суждение, то представляем собой стадо баранов. И это опасно: сегодня ветер подует туда, завтра – сюда, а мы превратимся в блуждающую мину! И не важно, откуда дует ветер – с моей стороны или со стороны последнего из пришедших: не будучи способными выносить суждение, не беря на себя ответственность за вынесение суждения, мы утрачиваем собственное достоинство. Джуссани отправился работать в школу не для того, чтобы ребята воспринимали его слова как заведомо правильные, он хотел предложить им метод, который бы позволил выносить суждение о его словах. Поэтому, если наша компания не предлагает нам метод суждения, не побуждает нашу способность судить о вещах, не учит нас этому, она становится опасной, а мы теряем самое ценное, что есть в харизме. Не имеет значения, с чьей стороны дует ветер сегодня или завтра, – мы в любом случае отдаляемся. Компания же становится опасной и бесполезной. Подлинный вызов, стоящий перед Движением (и перед каждым из нас в группах Братства, на школе общины, в совместной жизни), заключается в том, способно ли оно порождать людей, умеющих выносить суждение. В противном случае мы всегда будем во власти последнего комментария, последней реплики, реакции того или иного человека – а ведь нас немало! Суждение же есть начало освобождения – так говорится в первой главе «Религиозного чувства». Если мы хотим быть свободными в отношениях между нами и в мире, в данных нам обстоятельствах, нужно выносить суждение, или же мы неизбежно окажемся во власти какого-нибудь гуру. Вы можете думать что угодно, но лично я не хочу следовать за гуру! Я хочу следовать за тем, что непрерывно выявляется в опыте, поскольку, благодаря этому, если я честен и готов «подчинить разум опыту» (как всегда говорил Джуссани, цитируя Гитона), нельзя ошибиться. Таким образом, великий воспитательный вызов, стоящий перед вами, передо мной, перед вашими детьми, – в том, чтобы Движение становилось местом, где человек учится судить о вещах, а иначе все, что мы делаем, бессмысленно.

¹⁷⁹ См. с. 64.

Проспери. В завершение – ряд вопросов, возвращающих нас к проблеме нашей инициативы в реальности, о которой ты говорил вчера.

«Встретив Движение в 1970-е годы, я участвовал в различных манифестациях и ощутил привязанность, когда моя вера стала публичной. Сейчас перед лицом вызовов, касающихся новых прав, я, работая в школе, чувствую, что необходимо занять определенную позицию. Является ли моя попытка дать собственный ответ реактивным присутствием? Как понять, что присутствие подлинно?»

Другой вопрос: «Мы всегда считали дела проверкой нашей жизни. По твоим словам, людей поражает состояние нашей жизни, а не наша деятельность. Тогда что же такое наша деятельность? Какой в ней смысл, если единственный критерий суждения о том, кто мы такие, – в состоянии нашей жизни? Ты настаивал на делах, а они в моей жизни играют значительную роль: работа, различные инициативы, «Компания дел»... Встреча со Христом разжигает в тебе пламя, и ты не можешь не действовать. Факт Христа подталкивает тебя к действию. В некотором смысле действие совпадает с миссией, с конкретными делами. Кроме того, именно в действии ты лучше осознаешь, что с тобой произошло. «Я» открывается в действии, в делах. Откуда тогда такое суждение о делах, о делании, которое кажется полностью негативным?»

И наконец: «На сегодняшний день я не вижу в Движении никакого риска активизма, скорее наоборот».

Каррон. Мы все тут что-то «делаем», равно как и в Евангелии каждый что-то делает: фарисеи делают, ученики делают, Иисус делает – все в делах. Но Иисус говорит: «Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев [если ваши дела не будут отличаться от их дел], то вы не войдете в Царство Небесное»¹⁸⁰. Иначе говоря, проблема не в противопоставлении делания и неделания, поскольку не делать ничего невозможно. Проблема в том, чтобы понять, какое делание сообразно вызовам, какое делание должным образом отвечает на насущные потребности настоящего.

Евангелие – чтобы не быть голословными – это прямо-таки «праздник» противопоставления дел учеников и дел Иисуса. Неужели Иисус не хотел, чтобы они что-то делали? Перед вызовом в Гефсиманском саду Петр мгновенно решил действовать: достал меч и начал отсекал уши! Это дело. Но Иисус ему говорит: «Ты с ума сошел? Ты хоть представляешь, сколько легионов ангелов у Отца Моего?»¹⁸¹ Может быть, Иисус против дел? Или за Его

¹⁸⁰ Мф 5, 20.

¹⁸¹ Ср. Мф 26, 52–53; Ин 18, 10.

реакцией кроется такой способ действовать, который рождается от понимания замысла Бога, напрочь ускользавшего от учеников?

В другой раз Иисус отправил учеников в миссию, и вот они возвращаются – их буквально распирает от сделанного: «Царство дьявола рушилось на наших глазах». Иисус же говорит им: «И вас это радует? Радуйтесь не тому, что сделали, а тому, что имена ваши написаны на небесах»¹⁸².

Еще один пример: в пустыне, искушая Иисуса, дьявол пытается заставить Его «сделать» что-нибудь. Почему Он отказывается? «Скажи, чтобы камни сделались хлебами!»¹⁸³ Христос мог бы основать грандиозную некоммерческую организацию, разрешить проблему голода. Нам был бы уже не нужен «Продуктовый сбор» (*Banco Alimentare* – инициатива, предложенная в 1989 году отцом Джуссани и Данило Фоссати и направленная на помощь нуждающимся. – *Прим. ред.*). И не то чтобы Иисус бездействовал – вспомните хотя бы умножение хлебов. Разве Иисус против дел? Или, может, нам стоит уже чуть-чуть продвинуться вперед и понять, какие дела рождаются от сознания Иисуса, а какие от сознания всех остальных?

Хватит утверждать, будто это «по-моему» необходимо противопоставлять делание и неделание: «Каррон говорит, что не нужно делать». Бог великий труженик. И у человека делание заложено в генах. Проблема в том, рождаются наши дела от христианской новизны или от чего-то еще. Я никогда не думал (и эпизоды из нашей истории, о которых мы вспоминали вчера, ясно дали мне это понять), что, как выразился отец Джуссани, «лихорадка делания» тех лет возникла по причине экзистенциальной неуверенности, страха, заставлявшего нас бросаться с головой в дела. Мы и сейчас часто говорим: «Необходимо что-то делать», – ведь иначе нас охватывает страх.

Так что же, нужно бездействовать? Нет. Но если я убежден, что источник моей уверенности не в делах, то могу действовать иначе. Вот в чем весь вопрос. Скажем, как следует действовать перед лицом вызовов, связанных с новыми правами? Можно вести себя реактивно или же пытаться понять, в чем состоит их глубинная провокация. Ведь даже людьми, стремящимися обрести новые права, движет желание свершения, как двигало оно теми, кто в 1968-м искал освобождения. Если мы не улавливаем этого и не понимаем, что им никогда не достичь свершения посредством урезанных представлений о столь желанных правах, то в дискуссиях не будет толку. Дело закончится противостоянием, в котором никто не сдвинется с места даже на миллиметр. Что способно освободить этих людей? Что делал и продолжает делать Иисус? Он пробуждает в человеке подлинное сознание,

¹⁸² Ср. Лк 10, 17–20.

¹⁸³ Ср. Мф 4, 3.

помещая его тем самым в условия, позволяющие признать полную несостоятельность определенных представлений о правах, причина которой – природа «я», бесконечная природа «я». Только тогда те, кто требует подобных прав, не будут больше нуждаться в их законодательном признании. Они осознают, что, даже получив желаемое, не смогут ответить на всю драму собственного «я».

И как же действовать в подобных ситуациях? Роуз, увидев, что ее пациентки потеряли смысл жизни, поняла: единственная интересная вещь, которую она в состоянии им предложить, – свидетельство о жизни не как о делах, а как о любви; жить – значит быть любимыми, состоятельность «я» – в том, что оно любимо. То же самое говорил нам в течение всех этих упражнений отец Джуссани. Нет ничего интереснее, чем сообщение христианства, не сведенного к спиритуализму, не лишенного его исторического значения! Ничто не смогло бы сильнее повлиять на женщин Роуз! Для человека, не понимавшего, как можно иметь больного ребенка, самым большим вызовом стало свидетельство. Свидетельство – такое делание, которое охватывает все, – с ним в тепле не отсидишься! Но, чтобы действовать подобно Роуз или другой нашей подруге, нужно жить чем-то иным. Как по-вашему, это иное общедоступно или припрятано подальше? Оно у каждого перед глазами, оно пробивается из всех щелей. И наши инициативы либо становятся его выражением, либо не годятся в качестве ответа на вызовы.

Заканчивая, скажу, что причина, по которой существует Братство, и самое значительное, чем мы должны заниматься, – Движение. Вот главное «дело», превосходящее любое другое. Для женщин из Уганды важнее всего, чтобы в их стране было Движение, люди должны иметь возможность прикоснуться к одеждам Христа через наше присутствие. Поэтому необходимо порождать христианскую общину, обладающую всеми характерными для нее измерениями, которые мы перечислили вчера: культурой, милосердной любовью и миссией. То есть обладающую новой разумностью по отношению к реальности – разумностью веры, становящейся разумностью реальности, жестами милосердия, жестами новой человечности в настоящем, в какой бы среде мы ни находились, желанием выйти из нашего футляра и разделить с другими то, что нам было дано, на любых «окраинах» (к чему нас призывает Папа Франциск).

Знаем ли мы более интересный способ отвечать на встающие перед нами вызовы?

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Общий фонд

Напомню то, что уже было сказано в ноябре 2012 года: «С самого начала Движение существовало исключительно за счет финансовых пожертвований людей, в нем состоящих. Человек, принадлежащий Движению, обязуется ежемесячно платить свободно установленный им денежный взнос в так называемый “общий фонд”. Отец Джуссани всегда утверждал, что этот жест воспитывает в нас представление об общинном характере имеющихся у нас благ и осознание нищеты как евангельской добродетели и жеста благодарности за то, что мы переживаем в Движении. Именно в силу упомянутой воспитательной причины важен не размер взноса, перечисляемого каждым, а серьезность, благодаря которой человек остается верным взятому на себя обязательству. Для поддержания жизни наших общин в Италии и по всему миру, а также для дел милосердия, культурных и миссионерских инициатив, движение “Общение и освобождение” не нуждается ни в чем ином [все должны знать, что нам ничего иного не нужно]; поэтому в решении задач, стоящих перед нами как перед движением, мы свободны от всех и от всего»¹⁸⁴.

В другой раз я говорил, что мы «проявляем послушание в отношении того, как Тайна дает нам ресурсы. Если у нас хватает средств на пять дел, <...> мы делаем не четыре с половиной, а пять. Но если можно сделать только три дела, мы делаем три», поскольку наша состоятельность не в наших делах. Каждая предпринятая нами попытка – это пример. «Иисус не исцелил всех больных Своей эпохи»¹⁸⁵, и мы тоже не в состоянии ответить на все нужды. Наша уверенность не в том, что нам удастся сделать, она – в присутствии, выражающемся в конкретных примерах, а не в нашем тщеславии по поводу собственных дел.

Обязательство поддерживать общий фонд Братства важнее любой другой деятельности или инициативы (касающихся дел милосердия, миссионерства и т.д) отдельных общин – именно в силу указанной причины, то есть потому, что созидание Движения и Братства – самое значительное, чем мы можем заниматься в реальности. Фонд Братства существует ради созидания общего дела, коим является Движение. И это, как нас

¹⁸⁴ J. Carrón. Con audacia del realismo. Appunti dal dialogo all'Assemblea generale di CdO. Milano. 25 novembre 2012. *Tracce-Litterae communionis*. Dicembre. 2012. P. VI.

¹⁸⁵ J. Carrón. La diversità di un'opera. Appunti dall'Assamblea della «Scuola Opere» per gli associati di CdO Opere Sociali. 13 giugno 2012. *Tracce-Litterae communionis*. Luglio-agosto. 2012. P. XII.

учили, в гораздо большей степени служит славе Божией, нежели любая другая инициатива. Ни одно дело, основанное членами Движения, не сравнится с тем делом, каким является само Движение. Замешательство, связанное с общим фондом, есть прямое следствие недостаточной ясности по данному вопросу: первое, чем необходимо «заниматься», – это христианская община. Никакое другое дело не сравнится с христианской общиной как таковой. Никакое другое дело не отвечает на потребности человека, подобно христианской общине. Забывая об этом, мы теряем критерий и оказываемся во власти сентиментализма. Каждый должен сделать свой выбор.

Некоторые письма свидетельствуют о том, как обязательство перед общим фондом помогало людям в их личном пути. «Вчера я начал получать временное пособие по безработице. Мне нужно было сделать взнос в общий фонд – я задолжал за полгода и хотел заплатить». Почему? Какова причина? «Моя семья и община оказывают мне невероятную поддержку». Причина – в благодарности общей истории.

Вот другое письмо, от одной нашей подруги: «Хочу сообщить, что с августа я начала работать, а с октября – получать зарплату. Поэтому с радостью увеличиваю размер взноса в общий фонд. Я благодарна, что посредством этого маленького жеста могу вновь подтвердить свою принадлежность компании, в которой есть Ты, непрестанно дарующий мне саму себя». Причина опять же в благодарности этому «Ты», дарующему человеку самого себя. И потому нет дела более важного, чем созидание христианской общины. Общий фонд служит исключительно этой цели.

Один друг пишет, что платит взносы в общий фонд «из благодарности за получаемое в принадлежности к Движению». Или вот еще письмо от женщины: «Участие в истории Движения является для моей жизни важным и основополагающим, и потому я стараюсь поддерживать по мере возможностей общий фонд». Вопрос общего фонда «всему предшествовал».

Некоторые люди готовы в качестве внепланового платежа перечислять тринадцатую зарплату. Кто-то решает сделать взнос «из благодарности за преизбыток благодати, даруемой в принадлежности Движению, в силу которой нашу жизнь день за днем все более “потрясает” новизна Его присутствия». Супружеская пара пишет о «бесконечной признательности за путь, пройденный в эти годы, и за верную компанию в нашей жизни». А еще один человек говорит о «благодарности Христу и компании, которая оказывала поддержку».

Все эти письма выявляют глубинные причины, побуждающие людей вносить деньги в общий фонд. Как видите, проблема носит не эконо-

мический характер. В очередной раз вопрос в том, что для нас является сутью вещей и как мы замечаем ее в основе движений нашей личности.

Перечислю вам критерии, согласно которым мы использовали общий фонд.

Основополагающим критерием, направляющим нас, является тот факт, что Движение есть «дело» Братства, возможность «свидетельствовать и рассказывать» всем о положительности и полезности веры для жизни. Мы не некоммерческая организация, собирающая средства для дальнейшего их перераспределения.

С самого начала нашей истории общий фонд использовался ради следующих целей:

- > обеспечение работы инструментов, необходимых для жизни Братства (на сегодняшний день насчитывающего более 60 000 членов) и Движения (включая персонал штаб-квартиры, коммунальные платежи, поездки), при котором не следует, однако, упускать из виду суть вещей;

- > поддержка различных инициатив, выражающих измерения Движения (культуру, милосердную любовь, миссию), в которой уделяется внимание тому, чему Бог позволяет происходить на наших глазах;

- > поддержка присутствия общин Движения за рубежом (в более чем 90 странах), реализуемая в постоянном диалоге, благодаря которому со временем они могли бы самостоятельно удовлетворять собственные потребности;

- > еще одно направление, которому всегда уделялось немало внимания, – помощь отдельным людям или семьям в Италии и по всему миру, неожиданно оказавшимся в сложной ситуации (вследствие смерти супруга, потери работы и т.п.). Если затруднения растягиваются во времени, необходимо позаботиться, чтобы вокруг человека образовалась компания друзей, способная ему помочь, прежде всего в вынесении суждения о новом положении дел, а также готовая сопровождать этого человека в переосмыслении его потребностей или потребностей его семьи. В некоторых случаях стало ясно, что люди нуждались именно в такой компании, и эта нужда превосходила нужду экономическую, на которую Братство способно ответить. Мы всегда рассматриваем все поступающие нам просьбы, изучая их с предельным реализмом, поскольку для нас важно должным образом использовать собранные средства – плод жертвы каждого из нас. Однако, как вы хорошо понимаете, не всякое желание и не всякая потребность могут получить ответ.

- > также существует поддержка деятельности (связанной с культурой или милосердием), которая считается значимым свидетельством о богатстве харизмы и которая в конкретный исторический момент нуждалась в помощи;

Сделаю также два уточнения:

> во-первых, помощь, которую может предоставить Братство, никогда не является бессрочной. Мы всегда применяем одни и те же критерии, выработанные, благодаря отцу Джуссани, учившему нас относиться к использованию денег определенным образом, и все они направлены на поощрение ответственности того, кому оказывается помощь. Это не должна быть гипертрофированная опека, поскольку в любом выборе на первом месте находится воспитательная забота – дать возможность проявиться субъекту.

> во-вторых, Братство не банк! Поэтому оно не может и не хочет давать займы или заделывать дыры в бюджетах фирм и ассоциаций, оказавшихся в сложном положении. Мы не вмешиваемся в дела предприятий, терпящих убытки, но если ситуация влечет за собой экономические затруднения в семьях сотрудников, мы можем временно помочь семьям.

Часть средств идет на поддержку священников, задействованных в жизни Движения, на нужды Церкви (пожертвования на благотворительные инициативы Папы Римского, на религиозные организации), на чрезвычайные ситуации (например, возникшие в результате стихийных бедствий).

Архив

Сохранение памяти о том, чему Бог позволил произойти между нами, представляется нам важнейшей обязанностью. Благодаря этому нам удалось, прежде всего, опубликовать многие тексты отца Джуссани (в настоящий момент доступные на сайте scritti.luigigiussani.org), а также трехтомный труд отца Массимо Камизаски об истории Движения и книгу Альберто Савораны о жизни отца Джуссани.

Кроме того, с подачей прошения об открытии процесса беатификации, возросла потребность в собирании всех доступных еще неизданных материалов, организации их сохранности и тщательной каталогизации.

Прошу вас, и особенно людей определенного возраста, имеющих за плечами долгую историю в Движении, хорошо подумать о ваших отношениях с отцом Джуссани, о письмах или записках, которые вы получили от него, о текстах или кассетах, убранных на чердак и забытых. Уверяю, большое количество материалов до сих пор на руках. Нам важно получить оригиналы писем, записок и других документов по разным причинам, среди которых их последующее хранение. Но даже качественной копии для архива будет достаточно.

В завершение прочитаю телеграмму, отправленную Папе Франциску:

«Ваше Святейшество, приветствие и благословение, переданные нам от Вас кардиналом Паролином во время празднования Евхаристии, наполнили радостью и благодарностью сердца двадцати четырех тысяч членов Братства “Общениа и освобождения”, собравшихся в Римини для участия в ежегодных Духовных упражнениях, а также нескольких тысяч людей, присоединившихся к нам по видеосвязи в семнадцати странах мира.

Эти дни были отмечены Вашим призывом к “сути вещей, то есть к Иисусу Христу”, Который непрестанно указывает нам метод, заключающийся в “основанной на личном опыте уверенности в том, что знать Иисуса и не знать Его – не одно и то же, не одно и то же – идти вместе с Ним или пробираться наощупь”.

История отца Джуссани призывает нас к тому факту, что вера – это признание Присутствия, отвечающего на потребности существования. Все более близкое знакомство со Христом позволяет нам сегодня жить на любой окраине бытия. Иоанн и Андрей, Петр, Закхей и самарянка указывают нам дорогу к зрелости: “В следовании за Христом мы познаём Его” и преодолеваем экзистенциальную неуверенность, в силу которой возлагаем все наши надежды на собственные дела.

Перед вызовом повседневных обстоятельств мы углубили сознание о том, что для познания Христа, как Вы сказали нам, недостаточно знаний, полученных на катехизации, необходимо проделать путь, подобно Петру, стремясь достичь Его.

Утвердившись в сознании, что “Движение идет вперед исключительно за счет привязанности ко Христу” и что “личность вновь обретает себя в живой встрече”, мы еще раз препоручаем Вам, Святейший Отец, всех нас и все наши общины в молитве, которая, по словам отца Джуссани, есть “нищенствование, исполненное уверенности в милосердном ответе”.

В дни упражнений мы заново открыли, что “утверждать разумность веры – значит все больше, все подробнее, все насыщенней описывать следствия Христова присутствия в жизни Церкви в ее подлинности, “на страже” которой стоит Папа Римский” (цитата отца Джуссани). Поэтому просим у Богородицы на заре каждого дня обновлять в Вас опыт сыновства и принадлежности Отцу, порождающий новую жизнь в радости, какую мы наблюдаем в любом вашем слове и жесте».

СВЯТАЯ МЕССА

Чтения: *Иез 37, 12–14; Пс 129 (130); Рим 8, 8–11; Ин 11, 1–45*

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ

В начале духовных упражнений мы услышали, что Христос всегда «поражает нас подлинным, ни к чему не сводимым присутствием. <...> Он <...> показывает Свою инаковость, невероятным образом бросая вызов нашему разуму»¹⁸⁶.

Именно такой опыт мы переживаем в эти дни, именно его учимся признавать в нашей жизни и в жизни Движения. И признавая дарованную нам благодать, мы призваны принимать во внимание ее условия и обстоятельства, то есть не забывать о работе, которую должны проделать, – она не так проста и влечет за собой множество вопросов.

Но мы не одни. И сейчас вновь ощущаем благодать Божию в компании двух учениц Христа, Марфы и Марии, сестер Лазаря. Сегодняшнее Евангелие свидетельствует нам, что даже люди, искренне привязанные ко Христу, более того, входившие в круг самых близких Его друзей, подвержены риску умалить веру. Возможно, это умаление будет чистой реакцией: «Друг Твой болен, Господи, приди скорее!» Или разочарованием, вызванным тем, что Христос, кажется, не уступает нашему желанию, принятым нами решениям, ведь даже исцеление от болезни, даже воскрешение на четвертый день после смерти – это не ответ. В самом деле, Лазарю суждено было снова умереть...

Единодушная реакция Марфы и Марии: «Господи! Если бы Ты был здесь...» – одновременно и жалоба, и разочарование. Остается последняя капля веры, очень похожая на слова того отца, который сказал Иисусу «Верую, помоги моему неверию», и Марфа говорит: «Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь...» Как понимать это утверждение? Марфа еще не верит, что Иисус способен воскресить ее брата, она сразу же добавит: «Да, он воскреснет, но в последний день». А когда они приходят к могиле, Марфа возражает: «Господи, уже четыре дня!» Скорее всего, Марфа уверена, что Иисусу, возможно, удастся ее утешить, что у Него есть план «Б», какой-то запасной вариант, чтобы приглушить (но не отменить совсем) необходимость жаловаться и предъявлять претензии.

Нам хорошо знакомо подобное поведение – способ переживать отношения с Христом, при котором всегда остается что-нибудь не вверенное Ему. Оно касается в первую очередь не сферы нравственности, оно бьет

¹⁸⁶ См. с. 10.

по самой природе суждения и опыта веры, поскольку в результате мы, сталкиваясь с разочарованием и горечью жизни, придумываем и строим запасные варианты, пытаясь предложить Иисусу достойный выход из разочарования, Им же и принесенного.

Такое поведение описывает самое ужасное умаление веры, которое снова подчиняет все нашему больному суждению, исходящему из умаления желания. И дело не только в том, что власть так на нас действует, – мы сами ей помогаем, с готовностью довольствуясь тем, что получаем от Христа только «утешительный приз», вся «польза» которого в том (когда мы это осознаем, наступает в высшей степени драматический момент), что мы продолжаем чувствовать себя, по сути, «кредиторами» Христа, не желающего или не способного дать нам многие вещи.

Но Христос не терпит подобного умаления, не соглашается с ним. Мы понимаем это из Его ответа Марфе: «Воскреснет брат твой. Иными словами, не умаляя свое желание, не теряй содержание обещания, из которого проистекает вера. Знай, что жизнь твоего брата важна для Бога намного больше, чем для тебя – ты не обладаешь исключительным правом на любовь к нему!

Любовь Божия не соглашается с тем, чтобы ее превращали в обещание, столь отдаленное во времени, столь давнее, что оно прекрасно уживается с верой, сведенной к сомнительному утешению, которое в конце концов начинает подпитывать наш цинизм и жалобы.

Любовь Бога, дающая и хранящая жизнь, – это не концепция, а присутствие. Иисус говорит: «Я есмь воскресение и жизнь». То есть: тебе, Марфа, этими словами Я говорю, что Мое присутствие касается не только воскресения, не только твоего умершего брата, но и жизни, а потому и тебя, и ты так же нуждаешься во Мне, чтобы жить, как твой брат нуждается во Мне, чтобы воскреснуть.

Вера, сведенная к разговорам или к сомнительному утешению, соседствует с невозможностью познать, что же такое на самом деле жизнь, поскольку влечет за собой умаление жизни до образов, доступных нашему воображению, до наших поспешных выводов, не доходящих до подлинного суждения о нашей жизни. Но жизнь – просто и непреклонно – является жизнью Христовой, жизнью, в которой человек един и как бы пронизан Божественным, исполнен благодаря Его Присутствию полноты (ср. *Еф* 3, 17–19).

«Живущий и верующий в Меня не умрет вовек, – говорит Иисус Марфе. – Верить ли сему?» В словах Христа Марфе слышится нечто большее, чем утешение в связи со смертью брата. Христос предлагает ей пережить полное удовлетворение ее желания бесконечности. Но оно

неразрывно связано с верой – не в абстрактную истину, не в безличную доктрину, а в личность, в Христа, Который стоит перед ней.

Ответ Марфы схож с ответом Петра на тройной вопрос: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?» (ср. *Ин* 21, 15–17). Марфа тоже не отвечает Христу прямо, но честно исповедует все, что может сказать о Нем: «Верую, Господи, что Ты Христос, грядущий в мир».

Как же мы можем утверждать Христа (сейчас я говорю про нас), как мы можем утверждать Христа и достигать Его? Как мы можем обрести подлинный опыт истины, той истины, о которой Христос говорит в словах: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. А всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек»? Только это утверждение полностью соответствует нашей жизни, поскольку оно утверждает Его объективное присутствие в реальности.

Я начинаю приобретать опыт этого объективного присутствия через новое суждение, когда признаю, что объективность Его присутствия *более истинна*, чем даже мои мысли и мои суждения. Я признаю ее и желаю, чтобы она все больше привлекала и притягивала меня, она становится смыслом жизни.

Объективность присутствия Христа, Который стоял прямо перед Марфой, дана нам в Евхаристической жертве. И единственный возможный наш ответ на нее – то, что святой Карло Борромео называл «жертвой воли»¹⁸⁷. Только она позволяет нам занять правильную позицию, чтобы признавать по-настоящему нашу историю и все больше опираться на инициативу Другого. Но смысл слова «жертва» традиционно объясняют через выражение *sacrum facere*, «делать священным». И поэтому жертва не означает утрату: жертвуемое становится полностью соответствующим воле Бога. Жертва нашей воли, следовательно, не означает, что мы от нее отказываемся, – она становится такой, какой ее задумал Бог. Это не утрата, а приобретение и, более того, необходимое условие обретения самих себя. Неслучайно жертва воли обновляется всякий раз, когда мы

¹⁸⁷ Ср. San Carlo Borromeo. *Preghiere*. Milano: Edizioni O.R., 1984. P. 20–21: «Господи, мы раскаиваемся в том, как вели себя, и хотим исправиться. Мы просим прощения у всех, кого обидели, и припадаем к их ногам, чтобы получить его. И если кто-то несправедливо разгневался на нас и своими словами и поступками вызвал наше негодование, ради любви к Тебе, Господи, мы теперь искренне его прощаем. Так примирившись со всеми, мы возвращаемся к Твоему алтарю, чтобы представить Тебе наше приношение, чтобы пожертвовать Тебе нашу волю, которая нам дороже всего, чтобы принести Тебе наше сердце, которое Тебе удобнее всего. С Твоего святого престола, Господи, благоволи принять нашу жертву и призри благосклонным и милостивым взором на наши дары, коим по природе надлежит всегда быть Твоими. Мы хотим снова всецело предать себя Тебе, мы дело Твоих рук и нигде, кроме как в Твоих руках, нам не найти большей безопасности».

находимся перед Евхаристией, которая есть непоколебимость Христа, в ней Он становится нашей Скалой.

Вот почему единственное сообразное поведение с нашей стороны – вручение Ему, Его объективному и реальному Присутствию, раз за разом, ситуация за ситуацией, нашей свободы, которая постоянно нуждается не только в исцелении, но и в питании и укреплении, чтобы расти и созревать до состояния совершенного человека, человека Христова.

Устремимся же за Христом – не как за неким ускользающим присутствием, но как за основанием нашего бытия. Поспешим в стремлении достичь Его всем своим существом, желая, чтобы зрелость веры показывала нам необходимость полностью возложить нашу надежду на Его существование, на Его суждение, на Его явление в реальности, а не на наши иллюзорные представления.

Только так мы сможем свидетельствовать о жизни, ведь сами ее переживем.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие друзья,

Фраза «*В стремлении достичь Его*» (Фил 3, 12) в полной мере выражают динамику христианской жизни.

Образ, заключенный в ней, говорит о любви ко Христу, которая способна решительно направлять наше желание. В противоположность господствующему менталитету, разделяющему любовь и желание и доводящему их до взаимоисключения, Иисус, Предвечный, вошедший во время, примиряет эти два фактора. Так в христианине пробуждается восприимчивость к «навсегда», которое не боится жертвы, которое не противопоставляет желание и задачу. Более того, стремление достичь Его выявляет в человеке способность к отдалению, позволяющую прикоснуться к Иисусу, к Возлюбленному, в повседневности.

Слуга Божий монсеньор Луиджи Джуссани, говоря о целомудрии и о нерасторжимости брака, учил нас «обладать на отдалении», чтобы Царствие Небесное отразилось в нашей жизни и жизни Церкви как первичный, но вместе с тем подлинный опыт.

Прошу всех вас молиться обо мне и обещаю сам молиться об этих упражнениях и благословляю вас от всего сердца.

*Кардинал Анджело Скола,
архиепископ Милана*

Дорогой отец Хулиан,

я не смогу участвовать в духовных упражнениях Братства «Общения и освобождения», но соединяюсь с вами в этот момент благодати, когда Господь предваряет нас, чтобы мы смогли услышать голос Духа, усвоить харизму отца Джуссани и заразить «радостью Евангелия» дальних и ближних.

В нынешнее благодатное время, озаменованное понтификатом Франциска и канонизацией двух пап, встряхнувших жизнь Церкви и способствовавших ее глубокому обновлению, духовные упражнения являются поводом вновь сосредоточить внимание на человеке, который искуплен Христом и укрепляем в общении Церкви ради освобождения мира.

«Стремлюсь, не достигну ли и я» – таково движение «я», захваченного Христом и стремящегося провозглашать Его имя через свидетельство и миссию на окраинах. Я вижу, что это дело не терпит отлагательств, в моей

епархии Таранто, где многие ждут от Церкви света и подлинной надежды в суровой реальности, отмеченной множеством конфликтов. Опыт Движения дает мне сердце, позволяющее быть рядом с людьми, как всегда был рядом с нами отец Джуссани через любовь и суждение, о которых ты нам постоянно напоминаешь.

Отец Хулиан, пользуясь случаем, поздравляю тебя с переизбранием на пост президента Братства «Общения и освобождения» и уверяю в молитвах о тебе и обо всем Движении. За двадцать сем лет миссии в Бразилии и Латинской Америке и за эти годы служения Церкви в Италии я убедился, что харизма является для мира великой благодатью, благодаря служению Церкви и в особенности Святейшему Отцу.

Всех сердечно обнимаю и благословляю в Господе.

Монс. Филиппо Санторо,

Архиепископ-Митрополит Таранто

Дорогой отец Хулиан,

хочу участвовать, по крайней мере посредством этого письма, в великом событии духовных упражнений и желаю, чтобы они прошли хорошо, ради истинной жизни по вере тысяч людей, которые будут в них участвовать.

Много лет назад я прочитал отцу Джуссани отрывок из выдающегося выступления Иоанна Павла II в 1980 году, где говорилось: «Перед Церковью стоит самый настоящий вызов, она должна совершить грандиозное дело, и в этом деле ей требуется сотрудничество всех ее детей: нужно снова сделать веру культурой в самых разнообразных культурных сферах культуры нашего времени, снова воплотить ценности христианского гуманизма».

Отец Джуссани сказал мне: будем помогать этому великому человеку, используем все наши силы, ум, сердце, любовь, чтобы задуманное им исполнилось.

Сегодня, как и тогда, истина нашего опыта веры, тепло нашего милосердия, наш миссионерский порыв призваны внести важный вклад в дело Церкви, которая переживает трагические и вместе с тем воодушевляющие времена.

Как и всегда, уже больше пятидесяти лет, каждый из вас в моем сердце. Сердечно всех вас благословляю.

Монс. Луиджи Негри,

архиепископ Феррары-Комаккио

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству Франциску

Ваше Святейшество, приветствие и благословение, переданные нам от Вас кардиналом Паролином во время празднования Евхаристии, наполнили радостью и благодарностью сердца двадцати четырех тысяч членов Братства «Общения и освобождения», собравшихся в Римини для участия в ежегодных Духовных упражнениях, а также нескольких тысяч людей, присоединившихся к нам по видеосвязи в семнадцати странах мира.

Эти дни были отмечены Вашим призывом к «сути вещей, то есть к Иисусу Христу», Который непрестанно указывает нам метод, заключающийся в «основанной на личном опыте уверенности в том, что знать Иисуса и не знать Его – не одно и то же, не одно и то же – идти вместе с Ним или пробираться наощупь».

История отца Джуссани призывает нас к тому факту, что вера – это признание Присутствия, отвечающего на потребности существования. Все более близкое знакомство со Христом позволяет нам сегодня жить на любой окраине бытия. Иоанн и Андрей, Петр, Закхей и самарянка указывают нам дорогу к зрелости: «В следовании за Христом мы познаём Его» и преодолеваем экзистенциальную неуверенность, в силу которой возлагаем все наши надежды на собственные дела.

Перед вызовом повседневных обстоятельств мы углубили сознание о том, что для познания Христа, как Вы сказали нам, недостаточно знаний, полученных на катехизации, необходимо проделать путь, подобно Петру, стремясь достичь Его.

Утвердившись в сознании, что «Движение идет вперед исключительно за счет привязанности ко Христу» и что «личность вновь обретает себя в живой встрече», мы еще раз препоручаем Вам, Святейший Отец, всех нас и все наши общины в молитве, которая, по словам отца Джуссани, есть «нищенствование, исполненное уверенности в милосердном ответе».

В дни упражнений мы заново открыли, что «утверждать разумность веры – значит все больше, все подробнее, все насыщенней описывать следствия Христова присутствия в жизни Церкви в ее подлинности, “на страже” которой стоит Папа Римский» (цитата отца Джуссани). Поэтому просим у Богородицы на заре каждого дня обновлять в Вас опыт сыновства и принадлежности Отцу, порождающий новую жизнь в радости, какую мы наблюдаем в любом вашем слове и жесте.

Свящ. Хулиан Каррон

Его Святейшеству Папе на покое Бенедикту XVI

Святейший Отец,

из Римини, где мы совершили духовные упражнения Братства «Общения и освобождения», хотим сказать Вам, что мы, благодарные Богу, молились о Вас, поскольку в Вас мы видим достоверного свидетеля слов святого Павла, которые стали темой нашего собрания: «В стремлении достичь Его».

Пусть Богородица исполнит отрады каждый день Вашего пути – пути человека, достигнутого Христом. Помните о нас в своих молитвах, просите о святости для каждого из нас в верности харизме отца Джуссани и в следовании за Папой Франциском по направлению к Судьбе.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Баньяско,
президенту Конференции епископов Италии*

Ваше Высокопреосвященство,

Двадцать четыре тысячи членов Братства «Общения и освобождения», собравшихся в Римини, и еще несколько тысяч человек, присоединившихся к ним посредством видеосвязи в семнадцати странах мира с желанием следовать за Папой Франциском, который ведет нас к познанию Христа, возвращаются домой с желанием делать видимым самое главное, то есть Иисуса Христа, единственного, кто «отвечает на бесконечную жажду каждого человеческого сердца» («*Evangelii Gaudium*»).

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Станиславу Рылко,
председателю Папского совета по делам мира*

Двадцать четыре тысячи членов Братства «Общения и освобождения», собравшихся в Римини, и еще несколько тысяч человек, присоединившихся к ним посредством видеосвязи в семнадцати странах мира, подтверждают намерение следовать за Христом, переживая «личный опыт, постоянно обновляемый, состоящий в том, что мы принимаем дружбу с Ним и Его весть» («*Evangelii Gaudium*»). Верность харизме отца Джуссани и Папе Франциску укрепляют нас в старании сделать видимым самое главное, то есть Иисуса Христа, дарующего поддержку в ежедневных трудностях.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Сколе,
Архиепископу Милана*

Дорогой Анджело,
спасибо за твое сообщение. В течение этих духовных упражнений мы снова пережили на опыте, что «совсем не одно и то же: узнать Иисуса и не знать Его» («*Evangelii Gaudium*»). Несмотря на нашу хрупкость, мы совершаем бег в стремлении достичь Его. Проси у Богородицы Караваджо сохранить каждого из нас в верности харизме отца Джуссани и в следовании за Папой Франциском, чтобы наша жизнь все больше становилась «свидетельством и рассказом» перед всеми людьми о самом главном, то есть о Христе, Который есть жизнь нашей жизни.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству монс. Филиппо Санторо,
Архиепископу Таранто*

Дорогой Филиппо,
спасибо за твое письмо. В течение этих духовных упражнений мы вспоминали о роли харизмы в нашей жизни, и в верности ей ищем путь персонализации веры, к которой нас призывает Папа Франциск, чтобы, подобно ему, стремиться достичь Христа и стать товарищами на пути к судьбе всем людям – нашим братьям.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству Монс. Луиджи Негри,
Архиепископу Феррары-Комаккио*

Дорогой Луиджи,
спасибо за твое сообщение, которое мы приняли на этих духовных упражнениях, желая усвоить призыв отца Джуссани о персонализации веры так, чтобы она стала систематичным и критическим суждением о реальности, а мы ответили на призыв Папы Франциска к миссии, свидетельствуя о самом главном, то есть об Иисусе Христе.

Свящ. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

Список изображений, показом которых сопровождалось произведения классической музыки, звучавшие перед началом и по завершении встреч

Изображения относятся к циклу фресок, созданных Джотто в 1303–1305 гг. в Капелле Скровеньи (церковь Санта-Мария-делла-Карита) в Падуе. Постоянно подчеркивая взгляды персонажей, являющиеся путеводной нитью всего художественного повествования, мастер приглашает каждого из нас встретиться взглядом со Христом, чтобы научиться смотреть на реальность так, как Он смотрит на нас.

1. Деталь свода: звезды.
2. Общий вид купола с медальонами: Христос (солнце), Мария (луна), восемь пророков (планеты).
3. Медальон с изображением благословляющего Христа.
4. Медальон с изображением Марии и Младенца.
5. Арка над алтарем: благовествующий Ангел.
6. Арка над алтарем: Мария принимает Благую Весть.
- 7–8. Посещение Елизаветы, общий вид и деталь.
- 9–10. Рождество, общий вид и деталь.
- 11–12. Поклонение волхвов, общий вид и деталь.
- 13–14. Сретение, общий вид и деталь.
- 15–16. Бегство в Египет, общий вид и деталь.
- 17–19. Избиение младенцев, общий вид и деталь.
20. Иисус с учителями в Храме.
- 21–22. Крещение Иисуса в Иордане, общий вид и деталь.
- 23–24. Брак в Кане, общий вид и деталь.
- 25–27. Воскрешение Лазаря, общий вид и детали.
- 28–29. Вход в Иерусалим, общий вид и деталь.
30. Изгнание торговцев из Храма.
31. Предательство Иуды.
- 32–33. Тайная Вечеря, общий вид и деталь.
- 34–36. Омовение ног, общий вид и детали.
- 37–38. Поцелуй Иуды, общий вид и деталь.
39. Иисус перед Каиафой.
40. Насмехательство над Христом.
41. Путь на Голгофу.

42. Распятие.
- 43–44. Плач над телом Христа, общий вид и деталь.
- 45–46. *Noli me tangere*, общий вид и деталь.
- 47–48. Вознесение, общий вид и деталь.
- 49–50. Пятидесятница, общий вид и деталь.
51. Страшный Суд, общий вид.
52. Страшный Суд, деталь: Христос-Судия.
53. Страшный Суд, деталь: апостолы на престолах.
- 54–55. Страшный Суд, детали: ангелы.
56. Страшный Суд, деталь: ангел свертывает небо.
57. Страшный Суд, деталь: преисподняя.
- 58–59. Страшный Суд, детали: избранные.
60. Энрико Скровеньи вручает модель своей капеллы Богородице.
61. Цветущие жезлы, деталь.
62. Триумфальная арка над абсидой: Христос на престоле в окружении ангелов.
63. Триумфальная арка над абсидой, деталь: Христос на престоле.

Содержание

Пятница 4 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ	4
СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО	14

Суббота 5 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>То, что составляет суть вещей</i>	15
---	----

Суббота 5 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Дорога к зрелости</i>	45
---	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА ПЬЕТРО ПАРОЛИНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ВАТИКАНА	73
--	----

Воскресенье 6 апреля, утро

СОБРАНИЕ	80
СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ	101
ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ	105
ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	107
ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	110

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry, no matter how small, should be recorded to ensure the integrity of the financial data. This includes not only sales and purchases but also expenses, income, and any other financial activities.

The second part of the document provides a detailed breakdown of the accounting process. It starts with the identification of the accounting cycle, which consists of eight steps: identifying the accounting cycle, analyzing and journalizing the transactions, posting to the ledger, preparing a trial balance, adjusting the accounts, preparing financial statements, and closing the books. Each step is explained in detail, with examples and practical advice.

The third part of the document focuses on the preparation of financial statements. It covers the balance sheet, the income statement, and the statement of cash flows. It explains how these statements are derived from the accounting records and how they provide a comprehensive view of the company's financial health.

The fourth part of the document discusses the importance of internal controls. It outlines various control procedures, such as segregation of duties, authorization, and documentation, which are essential for preventing errors and fraud. It also provides tips on how to design and implement effective internal controls.

The fifth part of the document covers the topic of depreciation. It explains the different methods used to calculate the depreciation of fixed assets, such as the straight-line method, the declining balance method, and the sum-of-the-years'-digits method. It also discusses the impact of depreciation on the company's financial statements.

The sixth part of the document discusses the importance of budgeting. It explains how a budget can be used to plan and control the company's financial activities. It provides a step-by-step guide to developing a budget, from identifying the company's goals to allocating resources and monitoring performance.

The seventh part of the document covers the topic of cost accounting. It explains how costs can be classified into direct and indirect costs, and how they can be used to determine the cost of goods sold. It also discusses the importance of cost control and how it can be achieved through various techniques.

The eighth part of the document discusses the importance of tax accounting. It explains how taxes are calculated and reported, and how they can be used to minimize the company's tax liability. It provides a detailed overview of the different types of taxes, such as income tax, sales tax, and property tax.

The ninth part of the document covers the topic of financial ratios. It explains how ratios can be used to analyze the company's financial performance and compare it to industry benchmarks. It provides a list of common ratios, such as the current ratio, the debt-to-equity ratio, and the return on equity ratio, and explains how to interpret them.

The tenth part of the document discusses the importance of financial forecasting. It explains how forecasts can be used to predict the company's future financial performance and make informed decisions. It provides a step-by-step guide to developing a financial forecast, from identifying the company's key drivers to using statistical models to predict future outcomes.